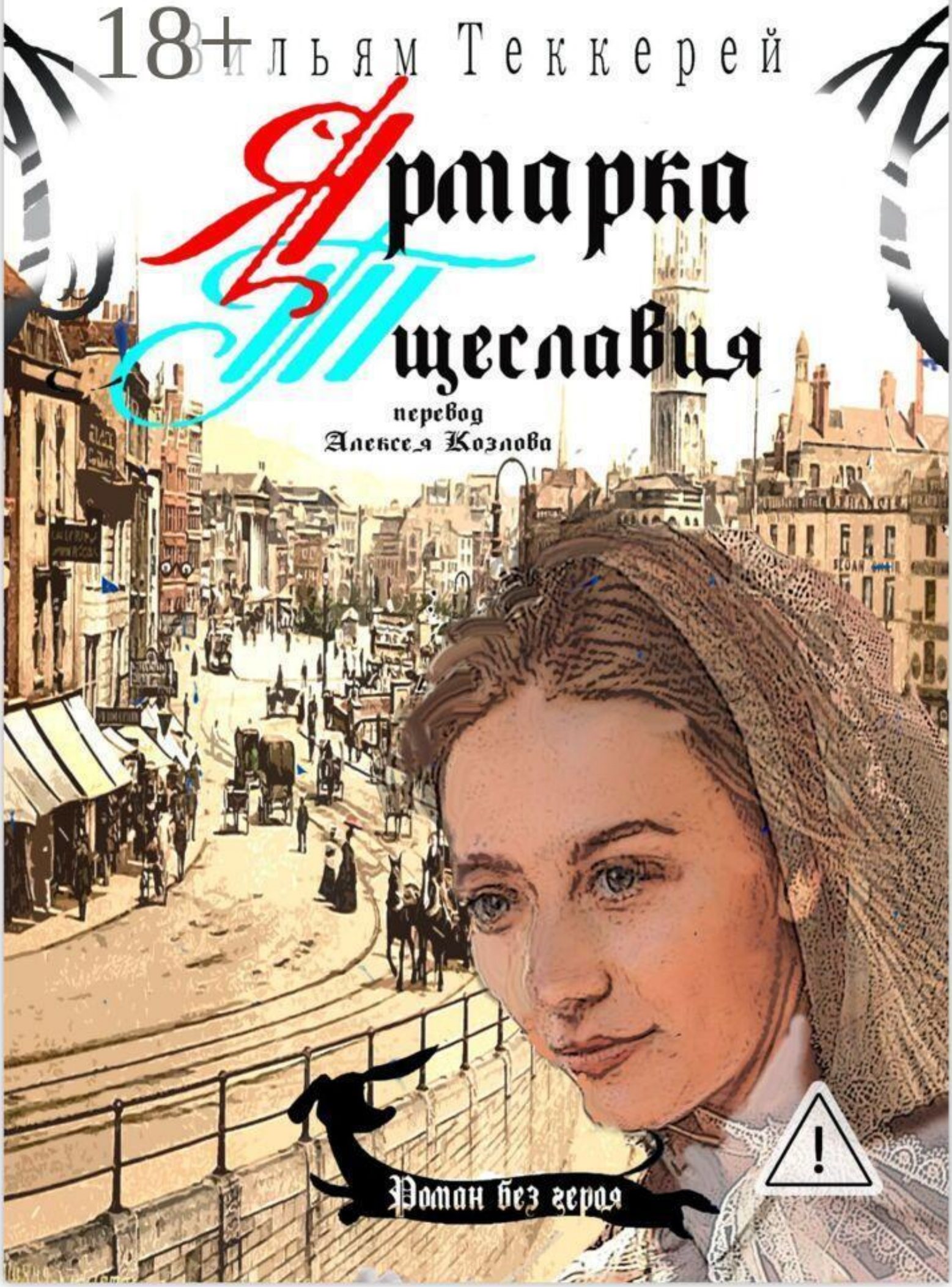
18+

Уильям Теккерей

Ярмарка тщеславия

перевод
Алексея Козлова

Вильям Теккерей

Ярмарка Тщеславия. Роман без героя

«Издательские решения»

Теккерей В.

Ярмарка Тщеславия. Роман без героя / В. Теккерей — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Новый адаптированный перевод Алексея Козлова очаровательного, удивительно современного романа Вильяма Текеррея «Ярмарка Тщеславия» (Vanity Fair). «Ярмарка тщеславия» (1848) — главный шедевр английского писателя. Это сатирический роман о британском Викторианском обществе XIX века, где жизнь людей сравнивается с ярмаркой, на которой всё продается и покупается: совесть, любовь, титулы и уважение в обществе. Автор называл свою книгу «романом без героя».

© Теккерей В.
© Издательские решения

Содержание

Пред колыхающейся кулисой 6
Глава I 7
Глава II 12
Глава III 18
Глава IV 23
Глава VI 39
Глава VII 48
Глава VIII 54
Глава IX 60
Глава X 65
Глава XI 69
Глава XII 79
Глава XIII 85
Глава XIV 93
Глава XV 105
Глава XVI 111
Глава XVII 117
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Ярмарка Тщеславия
Роман без героя

Вильям Теккерей

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов
Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Вильям Теккерей, 2026
© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026
© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-4833-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пред колыхающейся кулисой

Когда режиссёр спектакля сидит на подмостках перед занавесом и смотрит на Ярмарку, при виде этого оживленного места его охватывает чувство глубокой меланхолии. Здесь много едят и пьют, занимаются любовью и бросают друг друга, смеются и наоборот, курят, изменяют, дерутся, танцуют и играют на скрипке; повсюду толкутся хулиганы, воры, развратники пялятся на женщин, мошенники шарят по карманам, полицейские начеку, шарлатаны (ДРУГИЕ шарлатаны, чума их побери!) орут перед своими киосками, а деревенщина пялится на танцовщиц в блестках и старых, нарумяненных акробатов, в то время как люди с руками композиторов очитщают их задние карманы.

Да, это ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ; место, безусловно, не слишком нравственное, но и не веселое, хотя и очень шумное. Посмотрите на лица актеров и шутов, когда они отрываются от своих дел; а Том Дурачок смывает краску со щек перед тем, как сесть за стол ужинать со своей женой и приготовить пудинги «Литтл Джек» за холстом. Занавес вот-вот поднимется, и он будет вертеться на месте и кричать: «Как дела?» Я полагаю, что человек с живым складом ума, посещающий выставку подобного рода, не будет подавлен своим собственным весельем или весельем других людей. То тут, то там его трогает и забавляет проявление юмора или доброты — хорошенький ребёнок, разглядывающий прилавок с пряниками; хорошенькая девушка, краснеющая, пока ее возлюбленный разговаривает с ней и выбирает ей наряд; бедный дурачок Том, вон там, за фургоном, перемывает косточки честной семье, которая живет за счет его кувырканий; но общее впечатление скорее печальное, чем веселое. Когда вы приходите домой, вы садитесь в трезвом, созерцательном, не лишенном милосердия настроении и погружаетесь в свои книги или бизнес. У меня нет другой морали, кроме этой, которую я мог бы применить к этой истории о «Ярмарке тщеславия». Некоторые люди считают ярмарки аморальными в целом и избегают их вместе со своими слугами и семьями: скорее всего, они правы. Но те, кто думает иначе и склонен к лени, доброжелательности или сарказму, возможно, захотят зайти на полчаса и посмотреть на представления.

Здесь есть сцены самых разных жанров: несколько страшных сражений, несколько величественных и возвышенных конных прогулок, несколько сцен светской жизни, а некоторые и вовсе заурядные; несколько сентиментальных любовных утех и несколько легких комических приключений; все это сопровождается соответствующими декорациями и ярко освещается авторскими свечами. Что еще может сказать руководитель представления? — Выразить признательность за радушный прием, с которым выставка была принята во всех главных городах Англии, через которые она проходила, и где она была наиболее благосклонно отмечена уважаемыми представителями прессы, а также знатью и джентри. Он гордится тем, что его куклы доставляют удовольствие самой лучшей труппе в этой империи. Знаменитая кукла Бекки отличается необыкновенной гибкостью в суставах и подвижностью на проволоке.; Кукла Амелия, хотя у нее и меньше поклонников, тем не менее была вырезана и одета художником с величайшей тщательностью; фигурка Доббина, хотя и выглядит неуклюжей, танцует очень забавно и естественно; танец маленьких мальчиков некоторым понравился; и, пожалуйста, обратите внимание на обратите внимание на богато одетую фигуру Злого Аристократа, на которую не пожалели денег и которую Старый Ник заберет с собой в конце этого необычного представления. И с этими словами, отвесив глубокий поклон своим посетителям, распорядитель удаляется, и занавес поднимается.

ЛОНДОН, 28 июня 1848 г.

Глава I
Торговый центр в Чизвике

В то время как нынешний век был в самом разгаре, одним солнечным июньским утром к большим железным воротам академии для юных леди мисс Пинкертонна по Чизвикской аллее подкатила со скоростью четыре мили в час большая семейная карета, запряжённая двумя жирными лошадьми в сверкающей сбруе. Толстый кучер в тройке в шляпе и парике понукал лошадей,. Как только экипаж остановился напротив сверкающей медью таблички мисс Пинкертон, чернокожий слуга, сидевший на козлах рядом с толстым кучером, вытянул свои кривые ноги, и стоило ему позвонить в колокольчик, из узких окон величественного старого кирпичного дома выглянуло не меньше десятка юных, прекрасных головок. Более того, внимательный наблюдатель мог бы узнать маленький красный, добродушной носик самой мисс Джемаймы Пинкертон, выглядывающий из-за горшков с геранью в окне её собственной гостиной.

— Это карета миссис Седли, сестра! — сказала мисс Джемайма, — Самбо, чернокожий слуга, только что позвонил в колокольчик, а у кучера новый красный жилет.

— Вы завершили все необходимые приготовления к отъезду мисс Седли, мисс Джемайма? — спросила мисс Пинкертон, эта величественная дама, Семирамида Хаммерсмитская, подруга доктора Джонсона, корреспондент самой миссис Шапоне.

— Сёстры, девочки встали сегодня в четыре утра, чтобы упаковать её чемоданы! — ответила мисс Джемайма, — Мы приготовили для неё цветочный горшок!

— Сестра Джемайма, скажите «букет», это звучит более благопростойно!

— Ну, букет размером почти со стог сена, помимо этого я положила в коробку Амелии две бутылки настойки «Левкои» для миссис Седли и чек на её приготовление. Что может быть благопристойнее?

— И я надеюсь, мисс Джемайма, вы сделали копию счёта мисс Седли? Это всё, не так ли? Очень хорошо — девяносто три фунта четыре шиллинга. Будьте добры, адресуйте его Джону Седли, эсквайру, и запечатайте это письмо, которое я отправила его супруге.

В глазах мисс Джемаймы письмо с автографом её сестры, мисс Пинкертон, было предметом такого же глубокого почитания, как, по крайней мере, письмо от монарха. Известно, что мисс Пинкертон лично писала родителям своих воспитанниц только тогда, когда её ученицы увольнялись из школы или собирались выйти замуж, а однажды, когда бедная мисс Берч умерла от скарлатины, и Джемайма считала, что если что-то и могло утешить миссис Берч в горе по её дочери, то только это благочестивое и красноречивое сочинение, в котором мисс Пинкертон объявила об этом событии.

В данном случае «приглашение» мисс Пинкертон имело следующий вид:

— Торговый центр, Чизвик, 15 июня 18.. г.

Милостивая Государыня!

После шестилетнего пребывания в Торговом центре я имею честь и счастье представить мисс Амелию Седли её родителям как молодую леди, достойную занимать подобающее положение в их изысканном кругу. Те добродетели, которые характеризуют молодую английскую аристократку, те достоинства, которые подобают её происхождению и положению, не останутся без внимания у любезной мисс Седли, чье ТРУДОЛЮБИЕ и ПОСЛУШАНИЕ снискали любовь к ней наставников, а восхитительная мягкость характера очаровала её ПОЖИЛЫХ и юных подруг. В музыке, танцах, правописании, во всех видах вышивки и рукоделия она воплотила в жизнь самые заветные желания своих друзей. Успехи в географии по-прежнему оставляют желать лучшего, и рекомендуется тщательное и неуклонное использование спинки стула в течение четырех часов ежедневно в течение следующих трёх лет, поскольку

это необходимо для приобретения той достойной ОСАНКИ, которая так необходима каждой юной МОДНИЦЕ. В соответствии с принципами религии и морали мисс Седли будет достойна места в заведении, которое было удостоено чести присутствия ВЕЛИКОГО ЛЕКСИКОГРАФА и покровительства замечательной миссис Шапоне. Покидая Торговый центр, мисс Амелия уносит с собой сердца своих подруг и сердечный привет от своей хозяйки, которая имеет честь лично подписаться :

«Мадам, Ваша покорнейшая слуга БАРБАРА ПИНКЕРТОН».

P.S. Мисс Шарп сопровождает мисс Седли. Обращаем особое внимание, что пребывание мисс Шарп на Рассел-сквер не должно превышать десяти дней. Уважаемая семья, с которой она работает, желает воспользоваться её услугами как можно скорее».

Закончив это письмо, мисс Пинкертон приступила к написанию своего имени и имени мисс Седли на форзаце словаря Джонсона — интересного труда, который она неизменно дарила своим ученицам, когда они покидали Торговый центр. На обложке была помещена копия «Строк, адресованных юной леди, покидающей школу мисс Пинкертон в торговом центре, от покойного уважаемого доктора Сэмюэля Джонсона».

На самом деле имя лексикографа всегда было на устах этой величественной женщины, и визит, который он ей нанес, стал причиной её укоренившейся репутации и благосостояния.

Получив от старшей сестры указание достать «Словарь» из шкафа, мисс Джемайма извлекла два экземпляра книги из указанного хранилища. Когда мисс Пинкертон закончила надпись на первом конверте, Джемайма с довольно нерешительным и робким видом протянула ей второй.

— Для кого это, мисс Джемайма? — спросила мисс Пинкертон с ужасающей холодностью.

— Ради Бекки Шарп, — ответила Джемайма, вся дрожа, и, повернувшись к сестре спиной, залилась краской, покрывшей ее увядшее лицо и шею. — Ради Бекки Шарп, она тоже уезжает.

— МИСС ДЖЕМАЙМА! — воскликнула мисс Пинкертон, написав это в мировом космическом пространстве заглавными буквами, — Вы в своём уме? Уберите «Словарь» в шкаф и впредь никогда не позволяйте себе подобных вольностей!

— Ну, сестрёнка, это всего лишь два шиллинга девять пенсов, и бедная Бекки будет очень огорчена, если не получит их.

— Немедленно пришлите ко мне мисс Седли, — сказала мисс Пинкертон. И, решив больше не произносить ни слова, бедная Джемайма затрусила прочь, чрезвычайно взволнованная и нервозная. Отец мисс Седли был лондонским купцом и человеком довольно состоятельным, тогда как мисс Шарп была прилежной ученицей, для которой мисс Пинкертон сделала, как ей казалось, вполне достаточно, не удостоив её на прощание высокой чести обладания «Словарём».

Хотя письмам школьных учительниц следует доверять не больше и не меньше, чем эпитафиям на церковном кладбище, всё же иногда случается так, что из этой жизни уходит человек, который действительно заслуживает всех мыслимых похвал, которые каменотёс высекает на его костях; который являлся добрым христианином, хорошим родителем, ребёнком, женой или мужем; который на самом деле оставил безутешную семью оплакивать безвременную утрату; таким образом, в академиях мужского и женского пола время от времени случается, что ученик полностью достоин похвал, расточаемых бескорыстным преподавателем. Так вот, мисс Амелия Седли была молодой леди именно такого необычного типа; и заслуживала не только всех похвал мисс Пинкертон, но и обладала многими очаровательными качествами, которых эта напыщенная старая Минерва не могла разглядеть из-за дистанции в статусе и возрасте между ней и её ученицей.

К слову сказать, что она не только пела, как жаворонок, и в этом не уступала миссис Биллингтон, танцевала, как Хиллисберг или Паризо, прекрасно вышивала, и читала по буквам не хуже «Словаря», но и обладала таким добрым, улыбчивым, нежным и великодушным сердцем, что завоевала всеобщую любовь всех, кто был рядом с ней, от самой Минервы до бедной девушки из судомойни и дочери одноглазой проститутки, которой раз в неделю разрешалось продавать свои товары юным леди в торговом центре.

Из двадцати четырех молодых леди у неё было двенадцать близких подруг. Даже завистливая мисс Бриггс никогда не отзывалась о ней плохо; высокомерная и могущественная мисс Солтайр (внучка лорда Декстера) признавала, что у неё благородная фигура; а что касается мисс Шварц, богатой мулатки с курчавыми волосами с Сент-Китса, то в день отъезда Амелии она была в таких слезах, что им пришлось послать за доктором Флосс и наполовину опоить ее целебной настойкой. Привязанность мисс Пинкертон, как можно предположить, учитывая высокое положение и выдающиеся добродетели этой леди, была спокойной и исполненной достоинства, но мисс Джемайма уже несколько раз хныкала при мысли об отъезде Амелии; и, если бы не страх перед сестрой, закатила бы настоящую истерику, как та наследница Сент-Китса (которая заплатила вдвое больше). Однако такая роскошь, как скорбь, позволена только постояльцам пансиона. Честная Джемайма оплачивала все счета, стирала, штопала, готовила пудинги, готовила посуду, а также присматривала за слугами.

Но зачем говорить о ней? Вполне вероятно, что мы больше не услышим о ней с этого момента и до скончания веков, и что, когда огромные филигранные железные ворота закроются за ней, она и её ужасная сестра никогда не выйдут из них в мир этой маленькой истории.

Но поскольку нам предстоит часто видеться с Амелией, нет ничего плохого в том, чтобы с самого начала нашего знакомства сказать, что она была милым маленьким созданием; и это большая удача, как в жизни, так и в романах, которые (а последний особенно) изобилуют злодеями самого низкого пошиба, когда самый мрачный тип из всех, с кем нам приходится иметь дело, имеет своим постоянным спутником такое бесхитростное и добродушное создание. Поскольку она не героиня, нет необходимости описывать её внешность; на самом деле, боюсь, что нос у неё был скорее короткий, чем следовало бы, а щёки слишком круглы и красны для героини; хотя её лицо сияло здоровьем, на губах играла самая свежая улыбка, глаза сияли самым ярким и искренним добродушием, за исключением тех случаев, когда они полнились слезами, а это случалось слишком часто, потому что глупышка могла расплакаться из-за пустяка, мёртвой канарейки; или из-за мыши, которую, возможно, схватил кот; или из-за окончания романа, будь он хоть таким глупым, что святых неси, а что касается того, чтобы сказать ей недоброе слово, были ли у кого-нибудь достаточно жестокосердные люди, чтобы сделать это, — что ж, тем хуже для них. Даже мисс Пинкертон, эта строгая и богоподобная женщина, перестала бранить её после первого же случая, и хотя она понимала в чувственности не больше, чем в алгебре, отдала всем учителям особые распоряжения обращаться с мисс Седли как можно мягче, поскольку грубое обращение вредило ей.

Так что, когда наступил день отъезда, мисс Седли, разрываясь между двумя своими привычками — смеяться и плакать, — была в большом недоумении, как себя вести насей раз.

Она была рада вернуться домой, но в то же время ужасно грустила, покидая школу. За три дня до этого маленькая сирота Лаура Мартин ходила за ней по пятам, как собачонка. Она должна была сделать и получить по меньшей мере четырнадцать подарков — дать четырнадцать торжественных обещаний писать каждую неделю: «Отправляйте мои письма в конверте моему дедушке, графу Декстеру», — сказала мисс Солтайр (которая, кстати, выглядела довольно потрёпанной). «Не обращай внимания на почтовые расходы, но пиши каждый день, дорогая моя», — сказала порывистая и взбалмошная, но щедрая и любящая мисс Шварц; и маленькая сиротка Лаура Мартин (которая только что была в школе) взяла свою подругу за

руку и сказала, глядя ей в лицо мечтательно: «Амелия, когда я буду писать тебе, я буду называть тебя мамой».

Я не сомневаюсь, что все эти подробности ДЖОНС, читающий эту книгу в своем клубе, сочтёт чрезмерно наивными, глупыми, тривиальными, пустословящими и сверхсентиментальными. Да; Я так и вижу Джонса в эту минуту (слегка раскрасневшегося от бараньего окорока и полпинты вина), который достает карандаш и делает пометку под словами «глупый, болтливый» и т. д. и добавляет к ним свое собственное замечание «СОВЕРШЕННО ВЕРНО». Что ж, он высокомерный человек. гениальный человек, он восхищается великим и героическим в жизни и романах; так что лучше примите к сведению его высочайшее мнение и идите в другое место.

Ну что ж. Цветы, подарки, сундучки и шляпные коробки мисс Седли были доставлены мистером Самбо в экипаже, вместе с очень маленьким и потрёпанным старым сундучком из коровьей кожи с аккуратно приколотой к нему карточкой мисс Шарп, которая была доставлена Самбо с почтовым ящиком, который был подан Самбо с ухмылкой, и кучер с соответствующей, зеркальной ухмылкой уложил их — настал час расставания; и горечь этого момента была значительно смягчена замечательной речью, с которой мисс Пинкертон обратилась к своей ученице. Не то чтобы прощальная речь заставила Эмилию пофилософствовать или как-то придала ей спокойствия в результате спора, но она была невыносимо скучной, напыщенной и нудноватой, и, видя перед собой страх перед школьной учительницей, мисс Седли не решалась в ее присутствии чтобы дать выход любым проявлениям личного горя.

В гостиной были приготовлены пирог с тмином и бутылка вина, как в торжественных случаях, когда в гости приезжали родители, и, отведав этих угощений, мисс Седли получила право удалиться.

— Бекки, ты зайдешь попрощаться с мисс Пинкертон? — сказала мисс Джемайма молодой леди, на которую никто не обращал внимания и которая спускалась по лестнице со своей картонкой.

— Полагаю, я должна это сделать! — спокойно ответила мисс Шарп, к большому удивлению мисс Джемаймы; и когда та постучала в дверь и получила разрешение войти, мисс Шарп с самым беззаботным видом подошла к ней и сказала по-французски с прекрасным акцентом:

— Mademoiselle, jeviens vous faire mes adieux!

(Мадемуазель, я хочу, чтобы вы попрощались). Мисс Пинкертон не понимала по-французски; она только давала указания тем, кто понимал, но, закусив губу и вскинув свою почтенную голову с римским носом (на макушке которой красовался большой и торжественный тюрбан), она сказала:

— Мисс Шарп, я желаю вам доброго утра!

Говоря это, Семирамида Хаммерсмит помахала рукой, как в знак прощания, так и для того, чтобы дать мисс Шарп возможность пожать один из пальцев той руки, которая была выставлена для этой цели. Мисс Шарп в ответ только сложила руки на груди с очень холодной улыбкой и поклоном и решительно отказалась принять предложенную честь, на что Семирамида ещё более возмущенно вскинула свой тюрбан. По сути, это было небольшое сражение между молодой леди и пожилой леди, и последняя потерпела поражение.

— Да благословит тебя Небо, дитя мое, — сказала она, обнимая Амелию и хмуро глядя через плечо девушки на мисс Шарп.

— Уйди, Бекки, — сказала мисс Джемайма, в тревоге увлекая молодую женщину за собой, и дверь гостиной закрылась за ними навсегда. Потом началась борьба и расставание. Словами это не передать. В холле собрались все слуги, все дорогие друзья, все юные леди, учитель танцев, который только что приехал; и началась такая возня, и объятия, и поцелуи, и плач, и истерические вопли мисс Шварц, соседки по гостиной, из ее комнаты доносилось

такое, чего не может изобразить никакое перо, и от чего нежное сердце едва удержалось бы и не зашлось в рыданиях.

Наконец объятия закончились, и они расстались — то есть мисс Седли рассталась со своими друзьями. Мисс Шарп скромно вошла в вагон за несколько минут до этого. Расставаясь с НЕЙ, никто не плакал,. Кривоногий Самбо захлопнул дверцу кареты перед своей молодой плачущей хозяйкой. Он подскочил к карете сзади.

— Стойте! — закричала мисс Джемайма, бросаясь к воротам со свёртком в руках, — Это бутерброды, моя дорогая, — сказала она Амелии, — Знаешь, ты, наверное, проголодалась; и Бекки, Бекки Шарп, вот тебе книга, которую моя сестра, то есть я, написала для Джонсона; ты не должна оставлять нас без неё. До свидания. Кучер, поезжай,. Да благословит вас Господь!

И доброе создание, переполненное эмоциями, удалилось в сад.

Но, о чудо! Как только карета отъехала, мисс Шарп высунула свое бледное личико из окна и швырнула книгу обратно в сад. Джемайма чуть не упала в обморок от ужаса.

«Ну, я никогда… — сказала она, — Что за дерзость! — завопила она, но эмоции помешали ей закончить предложение. Карета отъехала; большие ворота закрылись; прозвенел звонок на урок танцев.

Итак, в это самое мгновение перед двумя юными леди открывается весь мир, и поэтому прощай, Чизвик Молл.

Глава II
В которой мисс Шарп и мисс Седли готовятся открыть рекламную кампанию

Когда мисс Шарп совершила героический поступок, о котором говорилось в предыдущей главе, и увидела, как «Словарь», пролетев над тротуаром маленького садика, упал к ногам изумленной мисс Джемаймы, лицо молодой леди, до этого почти багровое от ненависти, приняло новое выражение, и улыбка, которая, пожалуй, едва ли была более приятной, осенимла её лик, и она откинулась на спинку сиденья в легком расположении духа, сказав: «Вот и все, что нужно для „Диксонария“; и, слава Богу, я уже за пределами Чизвика».

Мисс Седли была почти так же взволнована этим актом неповиновения, как и мисс Джемайма; ведь, представьте себе, прошла всего одна минута с тех пор, как она покинула школу, а впечатления шести лет не в состоянии изгладиться за такое короткое время. Более того, у некоторых людей эти благоговейные страхи юности длятся вечно. Я знаю, например, пожилого джентльмена шестидесяти восьми лет, который как-то утром за завтраком с очень взволнованным видом сказал мне:

«У-ууу! Прошлой ночью мне приснилось, что доктор Рейн меня выпорол!»

За секунды воображение перенесло его на пятьдесят пять лет назад в ужасные времена порки и насилия, которыми славился добрый д-р Рейн. Тогда, в шестьдесят восемь лет, Рейн и его жезл были для него так же ужасны, как и в тринадцать. Если бы Доктор с большой розгой появился перед ним во плоти, как пылающая смоковница Моисею, даже в возрасте шестидесяти восьми лет, и страшным голосом сказал: «Малыш, сними штаны!» — это было бы почти диктаторским приказом. Так-так, мисс Седли была чрезвычайно встревожена этим проявлением неподчинения.

— Как ты могла так поступить, Ребекка? — наконец спросила она после паузы.

— Неужели ты думаешь, что мисс Пинкертон выйдет и прикажет мне вернуться в эту проклятую «черную дыру»? — рассмеялась Ребекка.

— Нет, но…

— Я ненавижу весь этот дом! — в ярости отрезала мисс Шарп, — Надеюсь, я никогда больше его не увижу. Я бы хотел, чтобы он очутился на дне Темзы, честное слово; и если бы мисс Пинкертон была там же, я бы ни за что не стала её спасать, ни за что. О, как бы я хотела увидеть, как она плывет вон там, в воде, в своём чёртовом тюрбане и во всём остальном хламе, с развевающимся за ней шлейфом и носом, похожим на клюв пеликана. Это так красиво!

— Тише! — воскликнула мисс Седли.

— А что, чёрный лакей теперь разнесёт чёрные сплетни и будет рассказывать небылицы на всех углшах? воскликнула мисс Ребекка, смеясь, — Нет, он, конечно, может вернуться и сказать мисс Пинкертон, что я ненавижу её всей душой; и я всем сердцем хотела бы, чтобы он так и сделал. Ещё больше я бы хотела, чтобы у меня был способ доказать это. В течение двух лет я слышала от неё только оскорбления и тычки. Со мной обращались хуже, чем с любой служанкой на кухне. У меня никогда не было друга или доброго слова, кроме как тебя. Меня заставляли присматривать за маленькими девочками в младших классах и разговаривать по-французски с сёстрами, пока мне не надоел мой родной язык. Но разговаривать по-французски с мисс Пинкертон было чудовищно весело, не так ли? Она не знала и не знает ни слова по-французски и была слишком горда, чтобы признаться в этом. Я думаю, именно это подвигло её расстаться со мной, и поэтому я благодарю Небеса за французский. «Да здравствует Франция! Да здравствует император! Да здравствует Наполеон! Да здравствует Бонапарт!»

— О Ребекка, Ребекка, как тебе не стыдно! — воскликнула мисс Седли, всплеснув руками, ибо это было величайшее богохульство, которое Ребекка когда-либо произносила, а мир слышал, — в те дни сказать в Англии «Да здравствует Бонапарт!» было все равно что сказать «Да здравствует Люцифер!» — Как ты можешь… как ты смеешь лелеять такие злые, мстительные мысли?»

— Месть, может быть, и порочна по сути, но зато она естественна! — ответила мисс Ребекка, — А я не ангел!

И, по правде говоря, она определенно не была ангелом. Ибо в ходе этого небольшого разговора (который состоялся, пока карета лениво катила вдоль реки) можно заметить, что, хотя мисс Ребекке Шарп дважды представился случай возблагодарить Небеса, в первую очередь за то, что они избавили ее от человека, которого она ненавидела, и во-вторых, за то, что она позволила ей привести своих врагов в некоторое замешательство; ни то, ни другое не является очень приятным мотивом для религиозной благодарности, или таким, который был бы предложен людьми доброго и покладистого нрава. Мисс Ребекка, таким образом, не отличалась ни добротой, ни покладистостью. Весь мир обращался с ней дурно, какмсказала эта юная мизантропка, и мы можем быть совершенно уверены, что люди, к которым весь мир относится дурно, полностью получают такого обращения, какое они заслуживают. Мир — это зеркало, и каждый человек видит в нём отражение своего собственного лика. Хмурься на него, и он, в свою очередь, будет кисло смотреть на тебя; смейся над ним и вместе с ним, и он станет весёлым добрым товарищем; и так пусть все молодые люди делают свой выбор. Совершенно очевидно, что если бы мир пренебрегал мисс Шарп, то она никогда не совершала бы добрых поступков в чьих-либо интересах; также нельзя ожидать, что все двадцать четыре молодые леди будут такими же любезными, как героиня этого произведения, мисс Седли (которую мы выбрали именно по той причине, что она была самой добродушной из всех, иначе что, черт возьми, помешало бы нам пригласить мисс Шварц или Мисс Крамп или мисс Хопкинс в роли героини на её место!) нельзя было ожидать, что все будут обладать таким же скромным и кротким нравом, как мисс Амелия Седли, и будут использовать любую возможность, чтобы победить жестокосердие и дурное настроение Ребекки; и тысячью добрых слов и услуг преодолеть, хотя бы на этот раз, её враждебность к себе подобным. Отец мисс Шарп был художником и в этом качестве давал уроки рисования в школе мисс Пинкертон. Он был умным человеком, приятным собеседником, нерадивым учеником, имел большую склонность влезать в долги и пристрастие к тавернам. Когда он напивался, то обычно избивал жену и дочь, а на следующее утро, страдая от головной боли, ругал весь мир за то, что тот пренебрегает его талантом, и поносил — с изрядной долей остроумия, а иногда и с полным основанием — дураков, своих собратьев-художников. Поскольку он с огромным трудом мог содержать себя и был должен кучу денег авсем проживающим в миле окрестностей Сохо, где жил, он решил улучшить свое положение, женившись на молодой француженке, которая по профессии была артисткой оперы.

Мисс Шарп никогда не упоминала о скромном призвании своей родительницы, но впоследствии часто заявляла, что Энтрешаты были знатной семьей из Гаскони, и очень гордилась своим происхождением от них. И любопытно, что по мере того, как она взрослела, положение предков этой юной леди росло, а их слава множилась. Мать Ребекки где-то получила образование, и её дочь говорила по-французски чисто и с парижским акцентом. В те дни это было довольно редким достижением и привело к её помолвке с ортодоксальной мисс Пинкертон. Поскольку её мать умерла, а отец, чувствуя, что вряд ли поправится после третьего приступа белой горячки, написал мисс Пинкертон мужественное и трогательное письмо, в котором просил ее защитить осиротевшую девочку, и сошёл в могилу после того, как два судебных пристава поссорились из-за его трупа. Ребекке было семнадцать, когда она приехала в Чизвик, и она была зачислена туда, как штатная ученица; в ее обязанности входило, как мы уже видели, говорить по-французски, а привилегии заключались в том, что она могла жить бесплатно и

получать несколько гиней в год, чтобы по крупицам узнавать что-то от профессоров, посещавших школу.

Она была маленькой и хрупкой, бледной, с волосами песочного цвета и глазами, обычно опущенными вниз; когда она поднимала их, они казались очень большими, странными и привлекательными; настолько привлекательными, что преподобный мистер Крисп, только что закончивший Оксфорд и приходский священник Чизвикского викария, преподобного мистера Флауэрдью, влюбился в мисс Шарп и был убит наповал её взглядом, которым она прошлась по всей церкви Чизвика, от школьной скамьи до парты для чтения. Этот влюбленный молодой человек иногда пил чай с мисс Пинкертон, которой его представила мама, и даже сделал предложение руки и сердца в перехваченной записке, которую было поручено доставить одноглазой продавщице яблок. Миссис Крисп была вызвана из Бакстона и внезапно увезла своего любимого мальчика; но даже мысль о таком орле в чизвикской голубятне вызвала трепет в груди мисс Пинкертон, которая отослала бы мисс Шарп, если бы та не была связана с ней неустойкой, и к тому же она так и не смогла до конца поверить заверениям молодой леди, что та никогда не обменивалась ни словом. ни единого слова с мистером Криспом, за исключением тех двух случаев, когда она встречалась с ним за чаем. Рядом со многими высокими и энергичными молодыми леди, работавшими в этом заведении, Ребекка Шарп выглядела как ребенок. Но она была не по годам развита, как часто не по года м развита сама Бедность. Со многими дамами она разговаривала, и те отворачивались от двери ее отца; многих торговцев она уговаривала и льстила им, чтобы они были в хорошем настроении и угостили ещё одним обедом. Она часто проводила время со своим отцом, который очень гордился её остроумием, и слушала разговоры многих его диких приятелей — часто, но не совсем подходящие для девочки. Но она никогда не была девочкой, так призналась однажды она сама; она была женщиной с восьми лет.

О, почему мисс Пинкертон впустила в свою клетку такую опасную птицу?

Дело в том, что старая леди считала Ребекку самым кротким созданием на свете, поэтому в тех случаях, когда отец привозил её в Чизвик, она замечательно играла роль инженю; и всего за год до того, как Ребекка была принята в ее дом, и когда Ребекке исполнилось шестнадцать лет, мисс Пинкертон величественно и с небольшой речью преподнесла ей в подарок куклу, которая, между прочим, была конфискована у мисс Свиндл, когда та тайком нянчилась с ней в школьные часы. Как смеялись отец и дочь, когда вместе возвращались домой после вечернего приема (это было по случаю выступлений, когда были приглашены все профессора), и как пришла бы в ярость мисс Пинкертон, если бы увидела карикатуру на себя, которую маленькая подражательница Ребекка умудрилась сделать из своей куклы. Бекки обычно вела с ней диалоги; это место вызывало восторг на Ньюмен-стрит, Джеррард-стрит и в квартале художников, и молодые художники, когда они приходили выпить джина с водой со своими ленивыми, беспутными, умными и веселыми старшеклассницами, обычно спрашивали Ребекку, дома ли мисс Пинкертон. известно им, беднягам! как мистер Лоуренс или президент Уэст.

Однажды Ребекка имела честь провести несколько дней в Чизвике; после чего она вернула Джемайму и смастерила другую куклу в виде мисс Джемми, потому что, хотя это честное создание испекло и угостило её желе и пирожными, которых хватило бы на троих детей, а на прощание подарило ей семь шиллингов, чувство насмешливости у девочки оказалось гораздо сильнее, чем благодарность, и она пожертвовала мисс Джемми так же безжалостно, как и её сестра. Разразилась катастрофа, и её привезли в торговый центр, как к себе домой. Строгая официальность этого места душила её: молитвы и трапезы, уроки и прогулки, которые проводились с монастырской регулярностью, угнетали её почти невыносимо; и она вспоминала свободу и нищету старой студии в Сохо с таким сожалением, что все, в том числе и она сама, чувствовали себя виноватыми. в том числе и воображали, что она охвачена горем по своему отцу. У неё была маленькая комнатка на чердаке, где служанки слышали, как она ходит по

ночам и всхлипывает, но это было от ярости, а не от горя. Она была не слишком искусна в притворстве, пока одиночество не научило её притворяться.

Она никогда не вращалась в женском обществе: ее отец, каким бы порочным он ни был, был талантливым человеком; его беседы были в тысячу раз приятнее для неё, чем разговоры представительниц её собственного пола, с которыми она теперь сталкивалась. Напыщенное тщеславие старой школьной учительницы, глупое добродушие её сестры, глупая болтовня и скандалы старших девочек и холодная корректность гувернанток одинаково раздражали её; и у неё не было мягкого материнского сердца, у этой несчастной девочки, иначе болтовня младших детей, заботам которых она была в основном вверена, могла бы успокоить и заинтересовать её; но она прожила среди них два года, и никто не пожалел, что она уехала.

Кроткая, отзывчивая Амелия Седли была единственным человеком, к которому она могла хоть немного привязаться; а кто мог не привязаться к Амелии? Счастье и превосходство молодых женщин, окружавших её, вызывали у Ребекки невыразимые приступы зависти.

«Как важничает эта девушка, и лишь потому, что она внучка графа! — сказала она об одной из них, — Как они пресмыкаются перед этой креолкой из-за её ста тысяч фунтов! Я в тысячу раз умнее и очаровательнее этого мрачного подвального монстра, несмотря на всё её богатство. Я так же хорошо воспитана, как внучка графа, несмотря на её прекрасную родословную, и всё же здесь все проносятся мимо меня, задрав носы. Однако, когда я была у своего отца, разве мужчины не отказывались от своих самых весёлых балов и вечеринок для того лишь, чтобы провести вечер со мной?»

Она решила во что бы то ни стало вырваться из тюрьмы, в которой оказалась, и теперь начала действовать самостоятельно и впервые строить связные планы на будущее. Она лишь воспользовалась возможностями обучения, которые предлагало ей это место, и, поскольку она уже умела мюзицировать и была хорошим лингвистом, быстро прошла небольшой курс обучения, который в те дни считался необходимым для дам. Она постоянно упражнялась в музыке, и однажды, когда девочек не было дома, а она сама осталась дома, кто-то услышал, как она играет пьесу так хорошо, что Минерва решила, что может не тратить деньги на репетитора для младших классов, и намекнула мисс Шарп, что она должна чить их музыке в расчёте на будущее. Девочка отказалась, причём в первый раз, к удивлению величественной директора школы.

— Я здесь для того, чтобы говорить с детьми по-французски, — резко сказала Ребекка, — а не для того, чтобы учить их музыке и откладывать деньги для вас. Дайте мне денег, и я научу их! Минерва была вынуждена уступить и, конечно, с того дня невзлюбила её.

— За тридцать пять лет, — сказала она, и это было абсолютной правдой, — я ни разу не видела человека, который осмелился бы в моем собственном доме подвергнуть сомнению мою власть. Воистину, я вскормила гадюку у себя на груди!

— Гадюка- пустозвон! — сказала мисс Шарп пожилой даме, едва не теряя сознание от изумления, — Вы взяли меня, потому что я была полезна. Между нами не может быть и речи о благодарности. Я ненавижу это место и хочу его покинуть. Я не буду делать здесь ничего, кроме того, что обязана делать.

Напрасно старая леди спрашивала её, осознаёт ли она, что разговаривает с мисс Пинкертон? Ребекка рассмеялась ей в лицо ужасным, саркастическим, демоническим смехом, от которого с учительницей чуть не случился инсульт.

— Дайте мне немного денег, — сказала девушка, — и избавьтесь от меня, или, если вам так больше нравится, найдите мне хорошее место гувернантки в дворянской семье — вы можете сделать это, если хотите!

И в их дальнейших спорах она всегда возвращалась к этому вопросу:

— Представьте мою ситуацию — мы ненавидим друг друга, и я готова уйти!

Достойная мисс Пинкертон, хотя и обладала римским носом и тюрбаном, была ростом с гренадёра и до сих пор считалась неотразимой принцессой, не обладала такой волей и силой, как её маленькая ученица, и напрасно боролась с ней, пытаясьь внушить ей страх. Однажды, попытавшись отругать её прилюдно, Ребекка прибегла к уже упомянутому плану — ответить ей по-французски, что совершенно сбило старушку с толку. Чтобы сохранить авторитет в своей школе, стало необходимо устранить этого бунтаря, это чудовище, эту змею, эту головешку; и, услышав примерно в то же время, что семья сэра Питта Кроули нуждается в гувернантке, она действительно вынуждена была, чтобы избавиться от проблемы, порекомендовать мисс Шарп на эту должность, какой бы взбалмошной и коварной она ни была. «Я, конечно, — сказала она, — не могу придраться к поведению мисс Шарп, кроме как к себе самой; и должна признать, что её таланты и достижения находятся на высоком уровне. Что касается руководителя, то, по крайней мере, она делает честь системе образования, применяемой в моём заведении».

Таким образом, школьная учительница примирила рекомендацию со своей совестью, и контракт был расторгнут, а ученица получила свободу. Борьба, описанная здесь в нескольких строках, продолжалась, конечно, несколько месяцев. И поскольку мисс Седли, которой шёл семнадцатый год, собиралась заканчивать школу и была дружна с мисс Шарп («это единственный момент в поведении Амелии, — сказала Минерва, — который не устраивал её хозяйку»), мисс Шарп была приглашена своей подругой провести неделю с ней дома, прежде чем она приступит к своим обязанностям гувернантки в частной семье.

Так зарождался новый мир для этих двух юных леди. Для Амелии это был совершенно новый, свежий, блестящий мир, весь в цвету и мечтах. Для Ребекки это было не в новинку (действительно, если уж говорить правду о деле Криспов, то эта шлюха намекнула кому — то, кто дал показания под присягой, что о мистере Криспе и мисс Шарп ей известно было гораздо больше, чем обнародовано и что его письмо было ответом на другое). Но кто может сказать вам истинную правду об этом деле? В любом случае, если Ребекка и не создавала этот мир, то отныне создавала его заново.

К тому времени, когда юные леди добрались до Кенсингтонской заставы, Амелия не забыла о своих спутницах, но вытерла слезы, сильно покраснела и пришла в восторг от молодого офицера лейб-гвардии, который заметил её, проезжая мимо, и сказал: «Отличная девчушка, черт возьми! и прежде чем карета прибыла на Рассел-сквер, много разговоров велось о гостиной, о том, пользуются ли юные леди пудрой и обручами, когда их представляют, и удостоится ли она этой чести: она знала, что должна пойти на бал к лорд-мэру. И когда, наконец, они добрались до дома, мисс Амелия Седли выскочила из него под руку с Самбо, такая счастливая и красивая, как ни одна другая девушка во всём большом городе Лондоне. И он, и кучер согласились с этим, и то же самое сделали её отец и мать, и все слуги в доме, когда они стояли в холле, приседая в реверансе и улыбаясь, приветствуя свою молодую хозяйку.

Вы можете быть уверены, что она показала Ребекке каждую комнату в доме и всё, что хранилось в каждом из её ящиков: и свои книги, и свое пианино, и свои платья, и все свои ожерелья, броши, кружева и безделушки. Она настояла на том, чтобы Ребекка приняла в подарок кольца с белым сердоликом и бирюзой, а также муслиновое платьице, украшенное веточками, которое было ей сейчас мало, хотя и подошло бы её подруге как нельзя лучше; и в глубине души Ребекка решила попросить у матери разрешения подарить подруге свою белую кашемировую шаль. Неужели она не могла поберечь её? И разве ее брат Джозеф только что не привёз ей ещё две из Индии? Когда Ребекка увидела две великолепные кашемировые шали, которые Джозеф Седли привёз домой для своей сестры, она совершенно искренне сказала, «О, должно быть, как иногда это чудесно — иметь брата! — и без труда вызвала жалость у мягкосердечной Амелии, которая была одна на всем белом свете, сирота без друзей и близких. родственник.

— Не одна! — сказала Амелия. — Ты знаешь, Ребекка, я всегда буду твоим другом и буду любить тебя как сестру, честное слово, буду, — Ах, но иметь таких родителей, как у тебя, —

добрых, богатых, любящих родителей, которые дают тебе всё, о чем ты просишь, и их любовь, которая дороже всего на свете! Мой бедный папа ничего не мог мне дать, а у меня было всего два платья и ни одного друга на всём белом свете! И потом, как здорово иметь брата, дорогого брата! О, как же ты, должно быть, любишь его!

Амелия рассмеялась.

— Что? Разве ты его не любишь? Ты, которая всё время твердишь, что любишь всех?

— Да, конечно, люблю, только…

— Только что?

— Только Джозефа, похоже, не слишком волнует, люблю я его или нет. Он пожал мне два пальца, когда приехал после десятилетнего отсутствия! Он очень добрый, но почти никогда не разговаривает со мной; я думаю, что свою трубку он любит гораздо больше, чем свою… — Но тут Амелия осеклась, потому что подумала, с какой стати ей говорить плохо о своем брате посторонним? — Он был очень добр ко мне, когда я была ребёнком, — добавила она, — Мне было всего пять лет, когда он уехал!»

— Разве он не очень богат?» спросила Ребекка, — Говорят, все индийские набобы невероятно богаты!

— Я полагаю, у него очень большой доход.

— А ваша невестка приятная симпатичная женщина?

— Ля! Джозеф не женат, — сказала Амелия, снова рассмеявшись. Возможно, она уже упоминала об этом факте в разговоре с Ребеккой, но та, похоже, не помнила об этом; более того, она клялась и протестовала, что ожидает увидеть нескольких племянников и племянниц Амелии. Она была весьма разочарована тем, что мистер Седли не женат; она была уверена, что Амелия говорила, что он женат, а она так любила маленьких детей.

— Я думаю, в Чизвике они тебе, должно быть, надоели, — сказала Амелия, несколько удивлённая внезапной нежностью своей подруги; и действительно, в более поздние времена мисс Шарп никогда бы не решилась высказывать мнение, ложность которого было бы так легко обнаружить. Но мы должны помнить, что ей всего девятнадцать, и она не знакома с искусством обмана, бедное невинное создание! и она сама вынуждена прокладывать себе дорогу. Смысл вышеприведенной серии вопросов, переведенный в сердце этой изобретательной молодой женщины французского на бытовой, был прост: «Если мистер Джозеф Седли богат и холост, почему бы мне не выйти за него замуж? У меня, конечно, всего две недели, но попробовать не помешает.

И она решила про себя предпринять эту похвальную попытку. Она удвоила свои ласки по отношению к Амелии; она поцеловала белое сердоликовое ожерелье, когда надевала его, и поклялась, что никогда, ни за что не расстанется с ним. Когда прозвенел звонок к обеду, она спустилась вниз, обняв подругу за талию, как это принято у молодых леди. У дверей гостиной она была так взволнована, что едва нашла в себе мужество войти.»

— Почувствуй, как бьётся мое сердце, дорогая! — сказала она своей подруге, — Слышишь?

— Нет, не слышу! — сказала Амелия, — Да входи же, и ничего не бойся. Папа не причинит тебе вреда!

Глава III
Ребекка находится в обществе врага

ОЧЕНЬ полный, одутловатый мужчина в брюках из оленьей кожи и гессенских сапогах, с несколькими огромными шейными платками, доходившими ему почти до носа, в жилете в красную полоску и яблочно-зелёном сюртуке со стальными пуговицами величиной почти с королевскую монету (это был утренний костюм денди тех дней) читал газету у камина, когда вошли две девушки, и отскочил от кресла, и густо покраснел, и почти полностью спрятал лицо в своих шейных платках при этом появлении.

— Это всего лишь я, твоя сестра, Джозеф, — сказала Амелия, смеясь и пожимая протянутые ему два пальца, — Знаешь, я вернулась домой НАВСЕГДА, а это моя подруга, мисс Шарп, о которой я тебе рассказывала.

— Нет, никогда, честное слово… — сказала голова под шейным платком, сильно дрожа, — То есть да, какая ужасная холодная погода, мисс… — и с этими словами он принялся изо всех сил ворошить угли в камине, хотя была середина июня.

— Он очень красивый, — довольно громко прошептала Ребекка Амелии.

— Ты так думаешь? — спросила та, — Я передам ему.

— Дорогая! Ни за что на свете! — сказала мисс Шарп, отступая назад робко, как лань. Перед этим она сделала почтительный, как водится у всех девственниц, реверанс перед джентльменом, и её скромные глаза так неотрывно смотрели на ковер, что оставалось только удивляться, как ей удалось попутно найти возможность взглянуть и на него.

— Спасибо тебе за красивые шали, братишка, — сказала Амелия кочерге в камине, — Разве они не прекрасны, Ребекка?

— О чудо! — воскликнула мисс Шарп, и её взгляд переместился с ковра прямиком на люстру. Джозеф по-прежнему продолжал громко стучать кочергой и щипцами, пыхтя и выдувая воздух, и покраснел настолько, насколько позволяло его жёлтое лицо.

— Я не могу делать тебе такие красивые подарки, Джозеф, — продолжала его сестра, — но, пока я была в школе, я вышила для тебя очень красивые подтяжки.

— Боже мой! Амелия, — воскликнул брат в нешуточной тревоге, — что ты хочешь этим сказать? — и он изо всех сил дёрнул за шнурок звонка, так что этот предмет обстановки выскользнул у него из рук и еще больше смутил честного парня, и — Ради бога, посмотри, не стоит ли у двери моя коляска. Я не могу ждать! Мне нужно идти. Чёрт возьми, этот мой грум. Мне нужно идти!

В эту минуту вошёл отец семейства, гремя печатками, как истинный британский, замаетревший в афёрах торгаш.

— В чем дело, Эмми? — спрашивает он.

— Джозеф хочет, чтобы я посмотрела, стоит ли его коляска у двери. Что такое коляска, папа?

— Это паланкин, запряжённый одной лошадью, — сказал старый джентльмен, который был по-своему остряком. Услышав это, Джозеф разразился диким хохотом, который, встретившись взглядом с мисс Шарп, внезапно оборвался, как будто в него выстрелили.

— Эта молодая леди — ваша подруга? Мисс Шарп, я очень рад вас видеть. Вы с Эмми уже поссорились с Джозефом из-за того, что он хочет уйти?

— Я обещал Бонэми, моемусослуивцу, сэр, — сказал Джозеф, — отобедать с ним!

— О боже! Разве вы не сказали своей матери, что будете обедатьс нами?

— Но в этом платье это невозможно.

— Посмотрите на него, разве он не настолько красив, чтобы обедать где угодно, мисс Шарп? На что мисс Шарп, разумеется, посмотрела на свою подругу, и они обе разразились смехомк великому удовольствию старого джентльмена.

— Вы когда-нибудь видели такие штанцы из оленьей кожи, как у мисс Пинкертон? — продолжал он, развивая свой успех.

— Боже милостивый! Отец! — воскликнул Джозеф.

— Ну вот, я опять задел его чувства. Миссис Седли, дорогая, я обидел вашего сына. Я упомянул о его штанах из оленьей кожи. Спросите мисс Шарп, не обидел ли я вас? Ну же, Джозеф, подружитесь с мисс Шарп, и давайте все вместе поужинаем!

— Джозеф, у нас есть пиллау, как раз такой, как ты любишь, а папа привёз домой лучшего палтуса в Биллингсгейте.

— Пойдёмте, пойдемте, сэр, спуститесь вниз с мисс Шарп, а я последую за этими двумя молодыми женщинами», — сказал отец, взял жену и дочь под руки и весело зашагал прочь.

Если мисс Ребекка Шарп в глубине души решила завоевать этого большого поклонника, я не думаю, милостивые сударыни, что у нас есть какое-либо право винить ее; ибо, хотя молодые люди, как правило, с подобающей скромностью поручают поиск мужа своим мамам, помните, что мисс Шарп, как правило, не должна была иметь права выходить замуж. У мисс Шарп не было добрых родителей, которые могли бы уладить эти деликатные вопросы за неё, и если она сама не умудрилась бы найти себе мужа, то во всем мире не найдется никого, кто взял бы на себя эти хлопоты. Что заставляет совсем молоденьких особ «выходить в свет», как не благородное стремление к браку? Что заставляет их толпами собираться на курорты? Что заставляет их танцевать до пяти часов утра в течение всего мёртвого сезона? Что заставляет их корпеть над фортепианными сонатами, разучивать четыре песни у модного мастера по гинее за урок и истошно играть на арфе, если у них красивые руки и изящные кисти, и они носят шляпы с перьями цвета Линкольн-Грин из токсофилита, как не то, что они вдруг смогут сбить с панталык какого-нибудь «желанного» молодого человека, напав на него со своими смертоносными луками и стрелами?

Что заставляет респектабельных родителей убирать ковры, обставлять свои дома шиворот-навыворот и тратить пятую часть годового дохода на званые ужины и холодное шампанское? Это чистая любовь к своей родословной и искреннее желание видеть молодежь счастливой и танцующей? Ба! Чушь! они хотят выдать своих дочерей замуж; и, как честная миссис Седли в глубине своего доброго сердца уже придумала множество мелких схем, как устроить свою Амелию, так и наша любимая, но беззащитная Ребекка была полна решимости сделать всё возможное, чтобы заполучить мужа, который был ей даже нужнее, чем её благополучной подруге.

У неё было живое воображение; кроме того, она прочла «Тысячу и одну ночь» и «Географию» Гатри; и это факт, что, пока она переодевалась к обеду и после того, как спросила Амелию, очень ли богат её брат, она построила для себя великолепнейший воздушный замок, хозяйкой которого она была, а муж скорчился где-то на заднем плане (она его еще не видела, и поэтому его фигура была в её видениях не очень отчетливой); она облачилась в бесчисленное множество шалей, тюрбанов и бриллиантовых ожерелий и взобралась на слона под звуки марша из «Синей Бороды», чтобы нанести торжественный визит Великому Моголу.

О дивные видения Альнашара! Лишь юность обладает счастливой привилегией создавать себя, и многие юные создания, помимо Ребекки Шарп, тысячелетиями, веками — и до сих пор предавались этим восхитительным мечтам! Джозеф Седли был на двенадцать лет старше своей сестры Амелии. Он состоял на государственной службе Ост-Индской компании, и в тот период, о котором мы пишем, его имя фигурировало в Бенгальском отделе Ост-Индского реестра в качестве сборщика налогов Боггли Уолла, почётной и прибыльной должности, как

всем известно: чтобы знать, до каких высоких должностей поднялся Джозеф в сервисе читателя отсылают к одному и тому же периодическому изданию.

Боггли-Уолла расположен в прекрасном, уединённом, болотистом, заросшем джунглями районе, известном своей охотой на бекасов, где помимо этого нередко можно подстрелить тигра. Рамганж, где находится магистрат, находится всего в сорока милях отсюда, а примерно в тридцати милях дальше находится кавалерийский пост; там Джозеф и написал домой своим родителям, когда вступил во владение своим положением коллектора. Около восьми лет своей жизни он прожил в полном одиночестве в этом очаровательном месте, почти не видя христиан, за исключением двух раз в год, когда в Калькутту прибывал отряд, чтобы увезти собранные им доходы. К счастью, в это время у него начались проблемы с печенью, для излечения которых он вернулся в Европу и которые были источником большого утешения и веселья для него на родине. Во время пребывания в Лондоне он не жил со своей семьей, но имел собственное жилье, и жил, как весёлый молодой холостяк.

До отъезда в Индию он был слишком молод, чтобы наслаждаться городскими удовольствиями, и по возвращении с головой окунулся в них. Он катался на лошадях в парке, обедал в модных тавернах (поскольку Восточный клуб тогда ещё не был изобретён).; он часто посещал театры, как это было модно в те дни, или появлялся в опере, тщательно одетый в трико и треуголку. По возвращении в Индию и всегда после этого он с большим энтузиазмом рассказывал об удовольствиях этого периода своего существования и давал вам понять, что он и д были ведущими игроками того времени. Но здесь он был так же одинок, как и в своих джунглях в Боггли-Уолле. Он едва ли знал хоть одну живую душу в столице, и если бы не его врач, общество голубых таблеток и болезнь печени, он, должно быть, умер бы от одиночества. Он был ленив, сварлив и любил повеселиться; появление дамы пугало его сверх всякой меры; поэтому он редко присоединялся к отцовскому кругу на Рассел-сквер, где царило веселье и где шутки добродушного старого отца травмировали его нежное самолюбие.

Его полнота вызывала у Джозефа много тревожных мыслей; время от времени он предпринимал отчаянные попытки избавиться от своего избыточного веса, но его лень и любовь к хорошей жизни быстро брали верх над этими попытками исправиться, и он снова начинал питаться три раза в день. Он никогда не был хорошо одет; но он прилагал огромные усилия, чтобы украсить свою внушительную фигуру, и ежедневно проводил за этим занятием много часов. Его камердинер сколотил целое состояние на его гардеробе: на его туалетном столике было столько помад и эссенций, сколько никогда не было ни у одной старой красавицы: чтобы придать себе талию, он перепробовал все, что только можно было придумать в то время. Как и большинство толстяков, он предпочитал, чтобы его одежда была слишком тесной, и старался, чтобы она была самых ярких цветов и потешно-молодёжного покроя. Наконец одевшись, после обеда, он отправлялся на прогулку в парк, где никого не было; а потом возвращался, чтобы снова одеться и пойти пообедать в кафе «Пьяцца», где тоже никого не было. Он был тщеславен, как девушка; и, возможно, его чрезвычайная застенчивость была одним из следствий его чрезмерного тщеславия.

Если мисс Ребекка сумеет одержать над ним верх, то при своем первом вступлении в жизнь она окажется молодой особой явно незаурядного ума!

Первый же ход показал её незаурядное мастерство. Назвав Седли очень красивым мужчиной, она знала, что Амелия скажет об этом своей матери, которая, вероятно, расскажет Джозефу или, во всяком случае, будет рада комплименту, сделанному её сыну. Все матери такие. Если бы вы сказали Сикораксе, что ее сын Калибан красив, как Аполлон, она была бы довольна, какой бы ведьмой она ни была. Возможно, Джозеф Седли тоже услышал бы комплимент — Ребекка говорила достаточно громко, — и он действительно услышал, и (думая в глубине души, что он очень хороший человек) похвала пронзила каждую клеточку его большого тела, заставив его трепетать от наслаждения. Затем, однако, последовала отдача.

«Девушка что, смеется надо мной?» "- подумал он и тут же бросился на звонок, собираясь, как мы уже видели, ретироваться, но шутки отца и мольбы матери заставили его остановиться и остаться на месте. Он повёл молодую леди вниз обедать в сомнительном и взволнованном настроении.

«Она действительно считает меня красивым?» — подумал он, — «или она просто играет со мной?» Мы уже говорили, что Джозеф Седли был тщеславен, как девчонка. Да поможет нам Небо! Девушкам стоит только поменяться ролями и сказать о представительнице своего пола: «Она тщеславна, как мужчина», — и у них будут на то веские причины. Бородатые создания так же жаждут похвалы, так же привередливы в своих туалетах, так же гордятся своими личными достоинствами, так же осознают свою притягательную силу, как и любая кокетка в мире. Это поможет на м понять шансы сторон в этом незабываемом приключении!

Затем они спустились вниз, Джозеф был очень красен, а Ребекка — очень скромна, опустив свои зелёные глаза долу. Она была одета в белое, с обнаженными плечами, белыми как снег, — воплощение юности, незащищенной невинности и смиренной девственной простоты.

«Я должна быть, очень тихой! Как мышка-норушка! — подумала Ребекка, — И очень, очень интересуюсь этой чёртовой Индией! Индия, родная, помоги!»

Итак, мы услышали, что миссис Седли приготовила для своего сына отличное карри, как раз такое, какое ему нравилось, и во время ужина Ребекке была предложена порция этого блюда.

— Что это такое? И как вам? — спросила она, бросив умоляющий взгляд на мистера Джозефа. — Превосходно! — сказал он, откидываясь. У него был набит рот, а лицо раскраснелось от упоительности процесса поедания, — Мама, это ничуть не уступает моему карри в Индии!

— О, я обязательно должна попробовать, если это индийское блюдо, — сказала мисс Ребекка. — Я уверена, что все, что готовят там, должно быть невероятно вкусным!

— Дай мисс Шарп немного карри, моя дорогая, — смеясь, сказал мистер Седли. Ребекка никогда раньше не пробовала это блюдо.

— Вы считаете, оно такое же вкусное, как и всё остальное, что готовят в Индии? — спросил мистер Седли, — По моему всё гораздо круче!

— О, превосходно! — взволнованно воскликнула Ребекка, которая испепеляемая адским огнём кайенского перца, — Попробуйте добавить к нему немного чили, мисс Шарп, — сказал Джозеф, по-настоящему заинтересованный.

— Чили! — выдохнула Ребекка, закатывая глаза в молитве не зарыдать во весь голос, — О да! Да!!!

Она подумала, что чили — это что-то остренькое, поскольку его название было импортным, и его подавали с каким-то соусом.

— Как свежо и зелено оно выглядит! — сказала она и положила кусочек в рот. Это было острее, чем карри; плоть и кровь взорвались, больше не в силах этого выносить пытки. Она отложила вилку.

— Воды, ради всего святого, воды! — воскликнула она не своитм голосом. Мистер Седли расхохотался (это был грубый человек с фондовой биржи, где любят всякие розыгрыши).

— Уверяю вас, они настоящие индейцы! — сказал он, — Самбо, дай мисс Шарп воды!

Отеческий смех подхватил Джозеф, который счёл шутку превосходной. Дамы лишь слегка улыбнулись. Они подумали, что бедная Ребекка слишком много страдает. Ей же хотелось придушить старого Седли на месте, но она проглотила обиду так же хорошо, как и отвратительное карри, и, как только снова обрела дар речи, сказала с забавным, добродушным видом:

— Мне следовало бы помнить о перце, который принцесса Персии кладет в пирожные с кремом из «Тысячи и одной ночи»! Вы в Индии, как должно, добавляете кайенский перец в тарталетки с кремом, сэр, не так ли?

Старый Седли снова расхохотался и решил, что Ребекка — девушка весьма добродушная. Джозеф просто сказал:

— Пирожные с кремом, мисс? У нас в Бенгалии очень плохие сливки. Обычно мы используем козье молоко, и, черт возьми, знаете ли, я предпочитаю именно его!

— Теперь вам не ВСЁ понравится в Индии, мисс Шарп, не так ли? — сказал пожилой джентльмен. Но когда дамы после ужина удалились, хитрый старик сказал своему сыну:

— Будь осторожен, Джо, эта девица явно положила на тебя глаз!

— Фу! Чепуха! — сказал Джо, весьма польщённый, расправляя грудь, — Я припоминаю, сэр, что в Думдуме была девушка, дочь артиллериста Катлера, впоследствии вышедшая замуж за Ланса, хирурга, который в четвертом году произвел на меня сильное впечатление — на меня и Маллигатони, о котором я упоминал перед обедом, — чертовски хороший парень Маллигатони — он мировой судья в Бадж-Бадже и через пять лет наверняка будет членом городского совета. Так вот, сэр, артиллерия дала залп, и Квентин из 14-го королевского полка сказал мне: «Седли, — сказал он, — ставлю тринадцать против десяти, что Софи Катлер поймает либо вас, либо Маллигатони до начала сезона дождей!». Сварганено! — говорю я. И, черт возьми, сэр — этот кларет у вас очень хорош! У Адамсона или Карбонелла брали?

Единственным ответом ему было тихое похрапывание: честный биржевой маклер спал, и поэтому остальная часть рассказа Джозефа в этот день осталась без внимания. Но в мужской компании он всегда был чрезвычайно разговорчив и десятки раз рассказывал эту восхитительную историю своему аптекарю доктору Голлопу, когда тот приходил справиться о печени и синей пилюле. Будучи инвалидом, Джозеф Седли довольствовался за ужином бутылкой кларета и мадерой, а также парой тарелок, полных клубники со сливками, и двадцатью четырьмя маленькими пирожными, которые лежали без внимания на тарелке рядом с ним, и, конечно же (ибо романисты имеют привилегию знать всё заранее) он много думал о девушке, удалившейся наверх.

«Какая милашка — веселушка! — подумал он про себя, — Как она смотрела на меня, когда я поднял её носовой платок за обедом! Она дважды уронила его. Кто это поёт в гостиной? Боже мой! Может, мне подняться и самому посмотреть?»

Но тут скромность снова нахлынула на него с неудержимой силой. Отец спал, его шляпа лежала в прихожей, а наёмная карета стояла неподалеку, на Саутгемптон-Роу.»

— Пойду посмотрю «Сорок разбойников», — сказал он, — и «Танец мисс Декамп»», — и с этими словами он тихонько выскользнул из комнаты на острых носках своих ботинок и исчез, не разбудив своего достойного родителя.

— Вон идет Джозеф, — сказала Амелия, выглядывавшая из открытого окна гостиной, пока Ребекка пела, наяривая одновременно на пианино.

— Мисс Шарп отпугнула его, — сказала миссис Седли. — Бедный Джо, почему он такой застенчивый?

Глава IV
Зелёный шелковый кошелёк

Паника бедняги Джо продолжалась два или три дня, в течение которых он не заходил в дом, и за все это время мисс Ребекка ни разу не упомянула его имени. Она была преисполнена почтительной благодарности к миссис Седли, безмерно восхищалась базарами и приходила в восторг от театра, куда её водила добродушная леди. Однажды у Амелии разболелась голова, и она не смогла пойти на увеселительную вечеринку, на которую были приглашены молодые люди: ничто не могло заставить ее подругу пойти без неё.

— Что! Тебя, кто впервые в жизни показал бедной сиротке, что такое счастье и любовь, — бросить ТЕБЯ? Никогда! — и зелёные глаза, устремленные к небу, наполнились слезами; и миссис Седли не могла не признать, что у подруги её дочери тоже очаровательное доброе сердце.

Что же касается шуток мистера Седли, то Ребекка смеялась над ними с сердечностью и упорством, которые немало радовали и смягчали этого добродушного джентльмена. И не только у глав семейства мисс Шарп пользовалась благосклонностью. Она заинтересовала миссис Бленкинсоп, проявив глубочайши интерес к консервированию малинового джема, которое в это время происходило в комнате экономки; она упорно называла Самбо «сэр» и «мистер Самбо», к удовольствию служанки; и она извинилась перед горничной за то, что доставила ей беспокойство, отважившись позвонить в колокольчик, с такой нежностью и смирением, что комната для прислуги была очарована ею почти так же, как гостиная. Однажды, просматривая рисунки, которые Амелия прислала из школы, Ребекка неожиданно наткнулась на один, который заставил её разрыдаться и выйти из комнаты. Это было в тот день, когда Джо Седли появился во второй раз.

Амелия поспешила за своей подругой, чтобы узнать причину такого проявления чувств, и добродушная девушка вернулась без своей спутницы, тоже несколько взволнованная.

— Знаешь, мама, её отец был нашим учителем рисования в Чизвике и обычно помогал нам и рисовал все лучшие детали наших рисунков.

— Любовь моя! Я уверена, что всегда слышала, как мисс Пинкертон говорила, что он к ним не прикасался — он только набрасывал на них последние штрихи.

— Ребекка вспомнила этот рисунок и то, как её отец работал над ним, и мысль об этом пришла к ней довольно внезапно, и поэтому, вы знаете, она…

— У бедного ребёнка доброе сердце! — сказала миссис Седли, склонив голову.

— Я бы хотела, чтобы она осталась с нами ещё на неделю! — сказала Амелия.

— Она чертовски похожа на мисс Катлер, которую я встречала в Думдуме, только красивее. Сейчас она замужем за Лансом, артиллерийским хирургом. Знаете ли вы, мэм, что однажды Квентин из 14—го полка поспорил со мной…

— О, Джозеф, мы знаем эту историю! — смеясь, сказала Амелия, — Не стоит трудиться рассказывать об этом, но убеди маму написать сэру Кроули, чтобы он попросил отпуск для бедной сударыни Ребекки: вот она идёт, её глаза покраснели от слёз!

— Мне уже лучше, — сказала девушка с самой милой из возможных улыбок, беря протянутую руку добродушной миссис Седли и почтительно целуя ее, — Как вы все добры ко мне! Все, — добавила она со смехом, — кроме вас, мистер Джозеф.

— Кроме меня? — воскликнул Джозеф, намереваясь немедленно удалиться, — Боже милостивый! Боже милостивый! Мисс Шарп!

— Да, как вы могли быть таким жестоким, что заставили меня съесть это ужасное блюдо с перцем за обедом в первый же день, когда я вас увидела? Вы не так добры ко мне, как моя дорогая Амелия.

— Он не так хорошо тебя знает! — воскликнула Амелия.

— Я не позволю никому плохо относиться к тебе, моя милочка! — сказала ее мать.

— Карри было превосходным, в самом деле! — сказал Джо совершенно серьезно. — Возможно, в нем было недостаточно лимонного сока — нет, не было.

— А чили?

— Ей-богу, как же он вас раззадорил! — воскликнул Джо, пораженный нелепостью этого обстоятельства, и разразился хохотом, который, как обычно, оборвался совершенно внезапно.

— В другой раз я подумаю, стоит ли позволить ВАМ выбирать за меня, — сказала Ребекка, когда они снова спустились к ужину, — Я не думала, что мужчинам нравится причинять боль бедным безобидным девушкам.

— Ей-богу, мисс Ребекка, я бы ни за что на свете не причинил вам вреда.

— Я уверена, — сказала она, — я ЗНАЮ, что вы бы этого не сделали», — и тут она легонько пожала ему руку и испуганно отдернула её и посмотрела сначала ему в лицо, а потом перевела взгляд на вешалки для ковров. И я не готов был поручиться, что от этого маленького непроизвольного, робкого, нежного движения внимания со стороны простой девушки сердце Джо не дрогнуло. Это был аванс, и поэтому, возможно, некоторые дамы, отличающиеся бесспорной корректностью и благородством, осудят этот поступок как нескромный; но, видите ли, бедняжке Ребекке приходилось самой думать обо всём и выполнять всю грязную работу. Если человек слишком беден, чтобы держать прислугу, пусть даже такую элегантную, он должен сам подметать свои комнаты: если у милой девушки нет любящей мамы, которая могла бы уладить дела с молодым человеком, она должна сделать это сама. И, о, какое счастье, что эти женщины не пользуются своими способностями чаще! Мы не можем противостоять им, если они затевают нечто подобное. Стоит им проявить хоть малейшее желание, и мужчины тут же падают на колени: старые они или уродливые, это всё равно. И я утверждаю это как непреложную истину. Женщина, обладающая достаточными финансовыми возможностями и не имеющая явного горба, может выйти замуж за ТОГО, кто ЕЙ нравится. Давайте будем благодарны за то, что наши любимцы подобны полевым зверям и не осознают своей силы. Если бы они знали, они бы нас полностью одолели и скрутили в бараний рог.

«Чёрт возьми, — подумал Джозеф, входя в столовую, — я начинаю чувствовать себя точно так же, как в Думдуме с мисс Катлер!»

Мисс Шарп обращалась к нему с множеством милых замечаний, наполовину нежных, наполовину шутливых, по поводу блюд за обедом, потому что к этому времени она уже достаточно близко познакомилась с семьёй, а что касается девочек, то они любили друг друга как сёстры. Молодые незамужние девушки всегда так поступают, если они проводят в одном доме хотя бы дней десять. Словно стремясь всячески способствовать осуществлению планов Ребекки, Амелия должна была напомнить брату об обещании, данном на прошлых пасхальных каникулах.

— Когда я ещё ходила в школу, мне, помнится, было дано обещание… — смеясь, сказала она, — обещание, что вы, Джозеф, возьмёте меня с собой в Воксхолл. Теперь, — сказала она, — когда Ребекка с нами, это будет в самый раз.

— О, как чудесно! — воскликнула Ребекка, собираясь захлопать в ладоши, но спохватилась и остановилась, как скромное, хорошо воспитанное создание, каким она и была.

— Сегодня не тот вечер! — сказал Джо.

— Ладно, тогда завтра!

— Завтра мы с твоим папой обедаем в ресторане! — сказала миссис Седли.

— Ты же не думаешь, что я поеду туда, не таак ли, миссис Сед? — спросил её муж, — И неужто женщина ваших лет и комплекции может рисковать простудиться в таком отвратительном сыром месте?

— С детьми ведь должен быть кто-то! — воскликнула миссис Седли.

— Отпусти туда Джо! — смеясь, сказал его отец, — Он уже большой!

Услышав эту речь, даже мистер Самбо, сидевший за буфетом, расхохотался, а бедный толстый Джо чуть не стал отцеубийцей.

— Расстегните ему корсет! — продолжал безжалостный старый джентльмен, — Плесните ему в лицо водой, мисс Шарп, или отнесите его наверх: это милое создание теряет сознание от вида мухи. Бедная жертва абьюза! Отнесите его наверх, он лёгкий, как перышко!

— Будья проклят, если стану терпеть такое! — взревел Джозеф.

— Закажи слона мистера Джоса, Самбо! — крикнул отец, — Пошли сдачу в Эксетер, Самбо! — но, увидев, что Джоз готов расплакаться от досады, старый шутник перестал смеяться и сказал, протягивая сыну руку: «На бирже всё честно, Джос, Самбо, не обращай внимания на слона, но налейте нам с мистером Джозом по бокалу шампанского. У самого Бони в погребе такого нет, мой мальчик!

Бокал шампанского вернул Джозефу самообладание, и, прежде чем бутылка была опорожнена, из которой он, будучи инвалидом, выпил две трети, он согласился отвезти юных леди в Воксхолл.

— У каждой девочки должен быть свой кавалер, — сказал пожилой джентльмен, — Джоз наверняка оставит Эмми в толпе, он будет так увлечён мисс Шарп. Пошлите в номер 96 и спросите Джорджа Осборна, не придёт ли он. При этих словах, уж не знаю по какой причине, миссис Седли посмотрела на своего мужа и рассмеялась. Глаза мистера Седли неописуемо лукаво блеснули, и он посмотрел на Эмилию; и Эмелия, опустив голову, покраснела так, как умеют краснеть только семнадцатилетние девушки, и как мисс Ребекка Шарп никогда в жизни не краснела — по крайней мере, с тех пор, как ей исполнилось восемь лет, и когда её крестная мать поймала ее на краже варенья из буфета.

— Амелии лучше написать записку, — сказал её отец; — и пусть Джордж Осборн увидит, какой красивый почерк мы получили от мисс Пинкертон. Ты помнишь, Эмми, как ты написала ему, чтобы он пришёл на «Двенадцатую ночь», и написала «двенадцатый» без буквы «ц»?

— Это было много лет назад! — сказала Амелия.

— А кажется, будто это было вчера, не правда ли, Джон? — сказала миссис Седли своему мужу в тот вечер во время беседы, которая происходила в гостиной на втором этаже, в чем-то вроде шатра, обитого ситцем богатого и фантастического индийского покроя и двойной ситцевой тканью нежно-розового цвета, внутри которого, как в шатре, была перина, на которой лежали две подушки, а на них — два круглых румяных лица, одно в ночном колпаке с кружевами, а другое в простом хлопчатобумажном колпаке с кисточкой, — на ЛЕКЦИИ о ЗАНАВЕСЕ я говорю: Миссис Седли отчитала своего мужа за его жестокое обращение с бедным Джо.

— Это было очень нехорошо с вашей стороны, мистер Седли, — сказала она, — так мучить бедного мальчика.

— Мой дорогой, — сказал человечек в бумажном колпаке в оправдание своего поведения, — Джос гораздо тщеславнее, чем ты когда-либо был в своей жизни, он настоящая кокетка, и это о многом говорит. Хотя, лет тридцать назад, в тысяча семьсот восьмидесятом году — как давно это было? — Возможно, у тебя и было право быть кокеткой, я не спорю. Но я терпеть не могу Джоса и его фатовскую скромность. Джозефу не по себе, моя дорогая, и всё это время мальчик думает только о себе и о том, какой он замечательный парень. Я не сомневаюсь, мэм, что у нас ещё будут с ним и его намереньем перещеголять самого Иосифа Прекрасного какие-то неприятности. Вот маленькая подружка Эмми занимается с ним любовью так усердно, как только может; это совершенно очевидно, и если она не схомутает его, то найдется кто-нибудь на замену. Этому мужчине суждено стать добычей женщины, а мне — меняться каждый день. Какое будет счастье, если он не подкинет нам чёрномазую невестку, моя дорогая. Но, помяните мое слово, первая же женщина, которая закинет перед ним удочку, поймает его на крючок!

— Завтра это маленькое хитрое создание уедет, — с большой помпой заявила миссис Седли.

— Чем она хуже всех остальных, миссис Седли? Во всяком случае, у этой девушки белая кожа. Мне все равно, кто выйдет за него замуж. Пусть Джо сам себя ублажает и сам думает о себе.

И вскоре голоса двух говоривших смолкли и их сменила нежная, но неромантичная музыка носовых рулад; и, за исключением тех немногочисленных моментов, когда церковные колокола отбивали час и сторож объявлял об этом, в доме Джона Седли, эсквайра, на Рассел-сквер и на Фондовой бирже, было тихо.

Когда наступило утро, добродушная миссис Седли уже и не думала приводить в исполнение свои угрозы по отношению к мисс Шарп, ибо, хотя нет ничего более острого, обычного и мотивированного, чем материнская ревность, она все же не могла заставить себя предположить, что маленькая, скромная, благодарная, кроткая гувернантка осмелился бы взглянуть снизу вверх на такую великолепную личность, как коллектор Боггли Уолла. К тому же прошение о продлении отпуска молодой леди уже было отправлено, и было бы трудно найти предлог для её внезапного увольнения. И как будто все вокруг сговорилось в пользу кроткой Ребекки, сами стихии (хотя поначалу она и не была склонна признавать их действия в её пользу) вмешались, чтобы помочь ей.

Ибо в тот вечер, назначенный для приема в Воксхолле, когда Джордж Осборн пришёл на ужин, а старшие члены дома отправились, согласно приглашению, обедать с олдерменом Боллсом в Хайбери-Барн, разразилась такая гроза, какая бывает только в воксхоллские вечера, и это заставило молодежь задуматься и волей-неволей остаться дома. Мистер Осборн, казалось, нисколько не был разочарован этим происшествием. Они с Джозефом Седли выпили приличное количество портвейна тет-а-тет в столовой, за время распития которой бутыли Седли рассказал несколько своих лучших индийских историй, поскольку в мужском обществе он был чрезвычайно словоохортлив, как нимкто, а затем мисс Амелия Седли оказала честь присутствующим и командовала в гостиной; и эти четыре молодые особы так приятно провели вместе вечер, что, по их словам, были скорее рады грозе, чем чему-либо другому, из-за чего бы им пришлось отложить свой визит в Воксхолл. Осборн был крестником Седли и все эти двадцать три года был одним из членов семьи. В возрасте шести недель он получил в подарок от Джона Седли серебряную чашку; в шесть месяцев — коралловый свисток с золотыми колокольчиками; с самого детства старый джентльмен регулярно давал ему «чаевые» на Рождество, и, возвращаясь в школу, он прекрасно помнил, что был избит Джозефом Седли, когда тот был большим, чванливым разбитным парнем, а Джордж — дерзким десятилетним мальчишкой. Одним словом, Джордж был знаком с семьей настолько, насколько это было возможно благодаря ежедневным проявлениям доброты и постоянному общению.

— Ты помнишь, Седли, в какой ярости ты был, когда я отрезал кисточки у твоих гессенских сапог, и как мисс — хм! — как Амелия спасла меня от побоев, упав на колени и умоляя своего брата Джоза не бить маленького Джорджика? Джос прекрасно помнил это примечательное обстоятельство, но клялся, что совершенно забыл о нем.

— Ну, а ты помнишь, как перед отъездом в Индию приехал на двуколке к доктору Свистоплясу, чтобы навестить меня, дал мне полгинеи и погладил по головке? Я всегда думал, что в тебе не меньше семи футов роста, и был очень удивлён, когда, вернувшись из Индии, обнаружил, что ты не выше меня!

Как мило со стороны мистера Седли, что он пришёл в твою школу и дал тебе денег! — воскликнула Ребекка, выражая крайний восторг. — Да, и еще после того, как я обрезал кисточки на его сапогах. Мальчики никогда не забывают ни эти святые дары в школе, ни тех, кто их даёт. -А мне нравятся гессенские сапоги! — сказала Ребекка. Джоз Седли, который

очень любил свои ноги и всегда носил эту элитную обувь, был чрезвычайно польщён этим замечанием, хотя и поджал ноги под стул, едва услышал комплимент.

— Мисс Шарп! — сказал Джордж Осборн, — Вы, такая талантливая художница, должны создать грандиозную историческую картину, изображающую сцену с сапогами. Седли будет изображен в штанах из оленьей кожи, держащим в одной руке один из поврежденных сапогов, а другой будет держаться за оборку моей рубашки. Амелия будет стоять рядом с ним на коленях, воздев маленькие ручки к небу, а у картины будет величественное аллегорическое название, как на фронтисписах «Медуллы» и «Учебника правописания».

— У меня нет времени заниматься здесь этим, — сказала Ребекка, — Я займусь этим, когда… когда меня не будет.

И она понизила голос, и вид у неё был такой печальный и жалобный, что все почувствовали, как жестока её судьба и как им было бы жаль расставаться с ней.

— О, если бы ты могла остаться подольше, дорогая Ребекка! — сказала Амелия.

— Зачем? — еще печальнее спросила бедняжка-страдалица.

— Может быть, мне еще больше не хочется терять тебя?

И она отвернулась. Амелия стала педаливровать своей природной слабость — слезливость, которая, как мы уже говорили, была одним из козырей этой глупенькой малышки, хотя на деле была суровым недостатком. Джордж Осборн посмотрел на двух молодых женщин с трогательным любопытством, а Джозеф Седли издал что-то похожее на смесь вздоха и стона из своей широкой груди, стыдливо опустив глаза на свои любимые гессенские сапоги.

— Давайте включим музыку, мисс Седли-Амелия, — сказал Джордж, почувствовав в этот момент необычайное, почти непреодолимое желание заключить вышеупомянутую молодую женщину в объятия и поцеловать её на глазах у всех присутствующих; она посмотрела на него и если бы я сказал, что они влюбились друг в друга в тот единственный момент, я, возможно, сказал бы неправду, поскольку факт заключается в том, что эти двое молодых людей были воспитаны своими родителями именно с этой целью, и их помолвки были, так сказать, согласованы заранее, чем были заняты соответствующие семьи в течение этих десяти лет. Они направились к роялю, который, как обычно, располагался в задней части гостиной, и, поскольку было довольно темно, мисс Амелия с самым непринужденным видом вложила свою руку в руку мистера Осборна, который, конечно, мог видеть дорогу между ними стульями и пуфиками гораздо лучше, чем она. Но в результате мистер Джозеф Седли остался один на один с Ребеккой за столом в гостиной, где та была занята вязанием зелёной шелковой сумочки.

— Едва ли у кого-то есть необходимость выпытывать семейные секреты! — сказала мисс Шарп, — Эти двое уже рассказали свои!

— Как только у него появится своярота, — сказал Джозеф, — я думаю, дело будет улажено. Джордж Осборн — отличный парень!

— А ваша сестра — самое прелестное создание на свете! — сказала Ребекка, — Счастлив тот, кто завоюет её!

При этих словах мисс Шарп глубоко вздохнула.

Когда два неженатых человека собираются вместе и обсуждают такие деликатные темы, как своё матримониальное состояние, между ними сразу же устанавливается большая степень доверия и близости. Нет нужды приводить специальный отчёт о разговоре, который произошёл между мистером Седли и юной леди, поскольку разговор, как можно судить по приведенному выше образцу, не был особенно остроумным или красноречивым; такое редко случается в частных обществах или где-либо еще, за исключением очень закрученных и вчпренных романов. Поскольку в соседней комнате играла музыка, разговор, естественно, вёлся тихим и подобающим случаю тоном, хотя, если уж на то пошло, пара в соседней квартире не была бы потревожена, даже если бы разговор был каким угодно громким, настолько они были заняты своими делами. Едва ли не впервые в своей жизни мистер Седли поймал себя на том, что без

малейшей робости и колебаний разговаривает с представительницей противоположного пола. Мисс Ребекка задала ему множество вопросов об Индии, что дало ему возможность рассказать много интересных историй об этой стране и о себе самом. Он рассказывал о балах в Доме

Правительства и о том, как они спасали гостей и пытались сохранять прохладу в жаркую погоду, используя опрахала, циновки и другие приспособления; и он был очень остроумен по поводу количества шотландцев, которым покровительствовал лорд Минто, генерал-губернатор; и затем он описал охоту на тигра и то, как разъяренный погонщик его слона был сбит с седла одним из разъярённых животных. Как радовалась мисс Ребекка рассказам о правительственных балах, как смеялась байкам о шотландских адъютантах и уже называла мистера Седли грустным, злым, насмешливым снобом; и настаивала, как её напугала история со слоном!

— Ради вашей матери, дорогой мистер Седли, — сказала она, — ради всех ваших друзей, пообещайте никогда не отправляться ещё хоть в одну из этих ужасных экспедиций!

— Ну-ну, мисс Шарп, — сказал он, поднимая воротничок рубашки, — опасность делает охоту только пикантнее.

Джозеф, надо сказать, никогда не был на охоте на тигра, за исключением одного раза, когда произошёл несчастный случай, о котором шла речь, и когда он был едва не убит — не тигром, а испугом. И по мере того, как он рассказывал, он становился всё смелее и даже набрался наглости спросить мисс Ребекку, для кого она вяжет этот зелёный шелковый кошелёчек? Он был весьма удивлён и обрадован собственной грациозной фамильярностью.

— Для любого, кому будет дорога эта сумочка! — ответила мисс Ребекка, глядя на него самым нежным и располагающим взглядом. Седли собрался произнести одну из самых красноречивых речей и начал было: «О мисс Шарп, как вы…", но тут какая — то песня, исполнявшаяся в соседней комнате, закончилась, и он так отчётливо услышал свой собственный голос, что замолчал, покраснел и высморкался в сильном волнении.

— Вы когда-нибудь видели вашего брата в таком ударе? — прошептал мистер Осборн Амелии, — Ваш друг просто творит чудеса!

— Тем лучше! — сказала мисс Амелия, которая, как почти все состоятельные женщины, в душе была профессиональной свахой, тоскующей по сфере применения своих свособностей. и была бы счастлива, если бы Джозеф увёз жену в Индию. За эти несколько дней постоянного общения она тоже прониклась к Ребекке самыми дружескими чувствами и открыла в ней множество добродетелей и приятных качеств, которых не замечала, когда они вместе учились в Чизвике. Ибо привязанность юных леди почти всегда растёт так же быстро, как стебель боба Джека из известной сказки, и за ночь, как известно, достигает неба. Они не виноваты в том, что после женитьбы это чувство любви утихает, з-амирает и часто куда-то девается без следа. Это то, что сентиментальные натуры, которые оперируют очень громокипящими словами, называют стремлением к идеалу, и это просто означает, что женщины обычно не чувствуют полного удовлетворения, пока у них не появятся мужья и дети, на которых они смогут сосредоточить свои чувства и энергию, которые расходуются на что-то другое, так сказать, на мелочи жизни.

Исчерпав свой небольшой песенный репертуар и уже достаточно долго просидев в задней гостиной, мисс Амелия сочла нужным попросить свою подругу спеть.

— Вы бы не стали меня слушать, — сказала она мистеру Осборну (хотя и знала, что говорит неправду), — если бы сначала имели счастье послушать Ребекку!

— Однако я предупреждаю мисс Шарп, — сказал Осборн, — что, правильно это или нет, но я считаю мисс Амелию Седли первой певицей в мире!

— Вы всё услышите сами! — сказала Амелия.

Джозеф Седли действительно был достаточно вежлив, чтобы отнести свечи к роялю. Осборн намекнул, что ему не мешало бы посидеть в темноте, но мисс Седли, смеясь, отказалась дальше составлять ему компанию, и они вдвоём последовали за мистером Джозефом. Ребекка пела гораздо лучше своей подруги (хотя, конечно, Осборн был волен придерживаться своего

мнения) и старалась изо всех сил, к вящему изумлению Амелии, которая никогда не слышала, чтобы она играла и пела так хорошо. Она спела французскую песенку, которую Джозеф совершенно не понял и которую, как признался Джордж, он тоже не понимал, а затем несколько простых баллад, которые были в моде сорок лет назад и в которых британцы пели «наш Король», «бедная Сьюзен», «голубоглазая Мэри» и тому подобное, были основными темами. Говорят, что они не слишком блестящи с музыкальной точки зрения, но содержат бесчисленное множество добродушных, простых обращений к чувствам, которые люди понимают лучше, чем «лагриме», «соспири» и «феличита» вечной музыки Доницетти, которой нас сейчс пичкают целыми днями.

В перерывах между песнями велась приличествующая теме сентиментальная беседа, которую Самбо, после того как принес чай, восхищенная кухарка и даже миссис Бленкинсоп, экономка, снизошли до того, чтобы послушать на лестничной площадке. Среди этих песенок была одна, последняя на концерте, и звучала она следующим образом:

Уныла пустошь и гола
И грозен ветра вой,
А печь в гостиной так тепла,
И манит на постой.
И бедный мальчик-сирота
Минует створ ворот
И видит — комната светла,
А ветер так ревёт.
О, как же холодно ему,
Снег валит сверху гном,
И как тепло им всем в дому,
Сидящим за столом.
И нету в жизни ничего
Чудеснее теперь,
Чтобы заметили его
И запустили в дверь.
И утром снег со всех сторон
По-прежнему метёт,
И за ворота выйдет он
И снова побредёт.
О боже, он вступает в лес!
Так пусть же в свой черёд
Благословние небес
На странника сойдёт!

Именно таков был смысл слов мисс Шарп «Когда я уйду». Когда мисс Шарп дошла до последних слов, её низкий голос предательски дрогнул. Все почувствовали намёк на её отъезд и на её несчастное сиротство. Джозеф Седли, любивший музыку и обладавший мягким сердцем, был в восторге во время исполнения песни и глубоко тронут её завершением. Если бы у него хватило смелости; если бы Джордж и мисс Седли остались, согласно предложению первого, в дальней комнате, холостяцкой жизни Джозефа Седли неминуемо пришёл бы конец, и этот роман никогда бы не был написан.

Но когда песня закончилась, Ребекка отошла от рояля и, подав руку Амелии, скрылась в сумраке гостиной; и в этот момент появился мистер Самбо с подносом, на котором были сандвичи, желе и несколько сверкающих бокалов и графинов, на которых Джозеф Седли сосредоточил своё внимание. Впрочем и внимание всех остальных тоже было немедленно приковано к нему.

Когда родители вернулись со званого обеда из дома Седли, они застали молодых людей настолько увлечёнными разговором, что они не услышали, как подъехал экипаж, и мистер Джозеф только открывал рот, чтобы сказать:

— Моя дорогая мисс Шарп, одна маленькая ложечка желе, чтобы взбодрить вас после ваших огромных… ваших… ваших восхитительных потуг.

— Браво, Джоз! — воскликнул мистер Седли; услышав насмешливый тон этого хорошо знакомого голоса, Джоз мгновенно погрузился в тревожное молчание и быстро удалился. Он не лежал всю ночь без сна, размышляя, влюблён ли он в мисс Шарп или нет; любовная страсть никогда не нарушала аппетита или сна мистера Джозефа Седли; но он подумал про себя, как было бы восхитительно хотя бы иной раз слушать такие песни, как в честь Катчерри, — какая она выдающаяся девушка, — как она говорит по-французски — лучше, чем сама генерал — губернаторша, — и какой фурор произвела бы на пышных калькуттских балах. «Очевидно, бедняжка влюблена в меня, — подумал он, — Она так же богата, как и большинство девушек, которые приезжают в Индию. Я мог бы поехать дальше, и мне пришлось бы еще хуже, черт возьми!

В любом случае она ничуть не хуже остальных»

И в этих размышлениях он заснул.

Но сама мисс Шарп лежала без сна, размышляя, придет он завтра или нет? Нет необходимости рассказывать об этом здесь. Наступило завтра, и мистер Джозеф Седли, верный как судьба, появился перед ленчем. Никто прежде не слышал, чтобы он оказывал такую честь Рассел-сквер. Джордж Осборн каким-то образом уже был там (к сожалению, «отвлекая» Амелию, которая писала своим двенадцати самым близким друзьям в Чизвик-Молл), а Ребекка была занята своей вчерашней работой.

Когда коляска Джо подъехала к дому и бывший коллекционер Боггли-Уолла, как обычно, громко постучав и напыщенно суетясь у двери, с трудом поднялся по лестнице в гостиную, Осборн и мисс Седли обменялись понимающими взглядами, и пара, лукаво улыбаясь, посмотрела на Ребекку, которая она даже покраснела, склонив свои белокурые локоны над вязаньем. Как забилось её сердце, когда появился Джозеф — Джозеф, запыхавшийся, спускавшийся по лестнице в начищенных скрипучих сапогах, Джозеф в новом жилете, красный от жары и волнения, и покрасневший под своим стёганым шейным платком. Это был нервный момент для всех; а что касается Амелии, то я думаю, что она была напугана больше, чем все остальные заинтересованные особы. Самбо, распахнувший дверь и объявивший о приходе мистера Джозефа, последовал за ним, ухмыляясь, в хвосте у Коллектора неся два красивых букета цветов, которые монстр имел честь приобрести на рынке Ковент — Гарден тем утром — они были не такими большими, как стога сена, которые дамы таскали с собой повсюду, теперь они были упакованы в конусы из филигранной бумаги; но молодые женщины были в восторге от подарка, когда Джозеф вручил по одному каждой с чрезвычайно торжественным поклоном.

— Браво, Джоз! — воскликнул Осборн.

— Спасибо, дорогой Джозеф, — сказала Амелия, готовая расцеловать брата, если бы он того пожелал. (И я думаю, что за поцелуй от такого милого создания, как Амелия, он бы скупил все оранжереи мистера Ли не задумываясь.)

— О, какие чудные, какие божественные, божественные цветы! — воскликнула мисс Шарп, нежно понюхала их, прижала к груди и в экстазе восхищения возвела глаза к потолку. Возможно, она просто заглянула сначала в букет, чтобы посмотреть, нет ли там спрятанного среди цветов billet-doux, но письма там не было.

— А в Боггли-Уолле, Седли, говорят на языке цветов? — смеясь, спросил Осборн.

— Чепуха! — ответил сентиментальный юноша, — Я купил их у Натана; очень рад, что они тебе понравились; и, Амелия, дорогая, я заодно купил ананас, который отдал Самбо. Давай съедим его на завтрак; в такую жару он очень вкусный и прохладный.

Ребекка сказала, что никогда в жизни не пробовала соснлвую кору, и ей больше всего на свете хотелось попробовать ее.

Итак, разговор продолжался. Не знаю, под каким предлогом Осборн вышел из комнаты и почему вскоре ушла и Амелия, возможно, чтобы проследить за нарезкой ананасов; но Джоз остался наедине с Ребеккой, которая снова принялась за работу, и зелёный шёлк и блестящие иголки быстро забегали под её тонкими белыми пальчиками.

— Какую красивую, восхитительную песню вы вчера пели, дорогая Мисс Шарп! — сказал коллектор, — Я чуть не разрыдался! Готов дать честное слово, что это так!

— Это потому что у вас доброе сердце, мистер Джозеф; я думаю, оно есть и у всех Седли.

— Она не давала мне уснуть прошлой ночью, и я пытался напевать её сегодня утром, лежа в постели; честное слово, я пытался. Голлоп, мой доктор, пришёл в одиннадцать (потому что я, знаете ли, инвалид и навещаю Голлопа каждый день), и, боже мой! я был там и тоже распевал, как малиновка!

— О, забавник какой!! Так дайте мне послушать, как вы это поёте!

— Я? Нет, вы, мисс Шарп, моя дорогая мисс Шарп, спойте её вы, пожалуйста.

— Не сейчас, мистер Седли, — со вздохом сказала Ребекка, — У меня не хватает духу, к тому же я должна закончить с кошельком. Вы поможете мне, мистер Седли?

И прежде чем он успел глазом моргнуть,, мистер Джозеф Седли, служащий Ост-Индской компании, мгновенно оказался сидящим тет-а-тет с молодой леди, бросая на нее самые убийственные взгляды. Его руки невольно простёрлись к ней, а кисти оказались заплетены паутиной из зелёного шелка, который она разматывала из мотка. В этой романтической позе и застали эту импозантную пару Осборн и Амелия, когда вошли сообщить, что завтрак подан. Моток шёлка непрерывно наматывался на картонную открытку, но мистер Джоз так и не произнес ни слова.

— Я уверена, что сегодня вечером он так и сделает, дорогая, — сказала Эмилия, пожимая Ребекке руку, — Он обязательно объяснится!

И Седли тоже посовещался с самим собой в глубине души и сказал себе:

«Черт возьми, я задам этот вопрос в Воксхолле».

ГЛАВА V
Наш Доббин

Схватка Каффа с Доббином и неожиданный исход этого состязания надолго останутся в памяти каждого человека, получившего образование в знаменитой школе доктора Свистохвоста. Последний юноша (которого обычно называли Хэй-Хо Доббин, Джи-Хо Доббин и многими другими оскорбительными именами, свидетельствующими о ребяческом презрении) был самым тихим, неуклюжим и, как казалось, самым скучным из всех молодых джентльменов доктора Свистохлюста. Его родитель был бакалейщиком в городе, и только за границей его приняли в школу доктора. Академия Свиштейла основывалась на так называемых «принципах взаимопомощи», то есть расходы на его питание и учебу оплачивались его отцом товарами, а не деньгами; и он стоял там — в основном в самом низу школы — его поношенные вельветовые брюки и пиджак, сквозь швы которых просвечивали его огромные кости, трещали от напряжения, поскольку на них приходилось столько-то килограммов чая, свечей, сахара, мыла в крапинку, слив (которых для пудингов в заведении поставлялось очень мало) и других продуктов. Это был ужасный день для юного Доббина, когда один из учеников школы, отправившийся в город за выпечкой и полониями, заметил у дверей доктора тележку, на которой разгружали товары из магазина «Доббин и Радж, бакалейщики и маслобойщики», Темз-стрит, Лондон, адрес, где работала фирма. После этого юный Доббиннапрочь лишился покоя. Шутки в его адрес были ужасными и беспощадными. «Привет, Доббин, — говорил один остряк, — вот хорошие новости в газете. Сахар на бирже пошёл в рост, мой мальчик!

Другой бы назвал сумму: «Если фунт бараньих свечей стоит семь с половиной пенсов, то сколько же должен стоить Доббин?» — и раздался бы рев со стороны всего кружка юных мошенников, билетера и всех остальных, кто справедливо считал, что продажа товаров в розницу — позорная практика, заслуживающий презрения всех истинных джентльменов.

— Слушай, твой отец тоже всего лишь торговец невесть чем, Осборн! — как-то осмелился сказать Доббин наедине маленькому мальчику, памятуя, что тот навлёк на него эту бурю.

На что последний надменно ответил:

— Мой отец — джентльмен, и у него своя карета! — и мистер Уильям Доббин удалился в отдаленную пристройку на детской площадке, где провел половину каникул в величайшей печали и огорчении. Кто из нас не помнит таких же часов горького детского горя? Кто не чувствует и не помнит кромешной несправедливости; заставлявшей го сжиматься от пренебрежения; кто так остро ощущает уколы обиды и так горячо благодарен за каплю доброты, как не этот великодушный мальчик? И скольких из этих нежных душ вы унижаете, отчуждаете, мучаете ради какой-то непонятной арифметики и жалкой собачьей латыни?

Так вот, Уильям Доббин, из-за неспособности овладеть начатками вышеупомянутого языка, как они изложены в этой замечательной книге «Итонская латинская грамматика», был вынужден оставаться в числе самых последних учеников доктора Свистохлюста, и его постоянно «отчитывали» маленькие человечки с розовыми лицами и в передничках, когда он вышагивал рядом с младшими классами, настоящий гигант среди них, с опущенным, ошеломлённым взглядом, с растерзанным букварём с оттопыренными ушами и обтягивающими его ноги вельветовыми брючками. Все, от мала до велика, ржали над ним. Они зашивали его вельветовые штаны, какими бы тесными они ни были, чтобы сделать их ещё теснее. Они перерезали простыни на его кровати. Они переворачивали вёдра и скамейки, так что он мог сломать об них ноги, что он неизменно и делал к дикому восторгу этого зверья. Они присылали ему посылки, в которых, когда их открывали, обнаруживались отцовское мыло и свечи. Не было такого малыша, который бы не насмехался и не подшучивал над Доббином; и он переносил все довольно терпеливо и был совершенно нем и несчастен. Кафф, напротив, был великим вождем и щеголем семинарии «Свисттейл». Он контрабандой ввозил вино и распивал его внутри училища. Он дрался с городскими мальчишками. По субботам за ним приходили пони, чтобы отвезти домой. У него в комнате стояли высокие сапоги, в которых он обычно охотился по праздникам. У него был золотой револьвер, и он нюхал табак, как сам Доктор. Он бывал в опере и знал достоинства ведущих актеров, предпочитая мистера Кина мистеру Кемблу. Он мог сочинить сорок латинских стихов за час. Он мог сочинять французские стихи тоннами. Чего ещё он не знал или не умел делать? Говорили, что даже сам Доктор боялся его. Кафф, неоспоримый король школы, правил своими подданными, как пешками и издевался над ними с великолепным превосходством короля сицилийской банды. Один слуга-ученик чистил ему ботинки, другой поджаривал хлеб, третьи не церемонились и целыми летними вечерами подавали ему мячи в крикет. «Фиг» был человеком, которого он презирал больше всего и с которым, хотя он постоянно оскорблял его и насмехался над ним, он почти никогда не снисходил до личного общения. Однажды, оставшись наедине, два юных джентльмена поссорились. Инжир, оставшись один в классной комнате, корпел над письмом домой, когда Кафф, войдя, попросил его передать какое-то послание, предметом которого, вероятно, были пирожные.

— Я не могу, — сказал Доббин, — я должен закончить свое письмо!

— Вы НЕ МОЖЕТЕ? — даже задохнулся от чужой наглости мистер Кафф, беря в руки этот документ (в котором многие слова были зачеркнуты, многие написаны с ошибками, на который было потрачено, я не знаю, сколько мыслей, труда и слёз; бедняга писал своей матери, которая любила его, хотя была женой бакалейщика и жила в задней комнатушке на Темз-Стрит), — ИТАК… Вы НЕ МОЖЕТЕ??? — переспросил голосом мистера Кина мистер Кафф,

— Хотел бы я знать, почему, скажите на милость, почему? Не могли бы вы написать матушке Фигли-Мигли завтра?

— Не обзывайтесь, пожалуйста! — сказал Доббин, очень нервничая, и поднимаясь со скамейки.

— Ну, что, сэр, так вы идете? — прогорланил школьный петушок.»

— Положи письмо, — ответил Доббин, — ни один джентльмен не читает чужих писем!

— Ну что, теперь ты пойдешь? — говорит другой.

— Нет, я не буду. Не пойду! Не бей, а то я сам тебя поколочу! — рявкнул Доббин, подскакивая к свинцовой чернильнице и принимая такой свирепый вид, что мистер Кафф остановился, снова закатал рукава сюртука, засунул руки в карманы и с ухмылкой удалился. Но с тех пор он никогда лично не вмешивался в дела бакалейщика, хотя, надо отдать ему справедливость, за его спиной он всегда отзывался о мистере Доббине с величайшим презрением. Через некоторое время после этого разговора случилось так, что мистер Кафф солнечным днем оказался по соседству с бедным Уильямом Доббином, который лежал под деревом на игровой площадке и перечитывал любимый том «Тысячи и одной ночи», который был у него отдельно от остальных учеников, занимавшихся своими делами., которые в основном резвились на спортивной площадке, осваивая различные виды спорта — довольно одинокие и почти счастливые. Если бы люди предоставили детей самим себе, если бы учителя перестали издеваться над ними; если бы родители не настаивали на том, чтобы направлять их мысли и обуздывать их чувства — те чувства и мысли, которые являются тайной для всех и почаще оставляли мальчиков и девочек в покоое (ибо как много мы с вами знаем друг о друге, о наших детях, о наших отцах, о наших соседях, и насколько прекраснее и священнее эти мысли у бедного мальчика или девочки, которыми вы, вероятно, будете управлять, чем у тупого и развращенного миром человека, который ими управляет?) — если бы, говорю я, и повторяю, родители и учителя побольше оставляли своих детей в покое, и хотя это принесло бы небольшой вред изучению латыни, и было бы усвоено слегка меньше тарабарских слов as in praesenti и приобретено на йоту меньше знаний. Итак, Уильям Доббин на время забыл обо всём на свете и отправился с Синдбадом-Мореходом в Алмазную Долину или с принцем Ахмедом и феей Перибану в ту восхитительную пещеру, где принц нашел её и куда нам всем хотелось бы отправиться на экскурсию. плач малыша вывел его из приятных грёз; и подняв глаза, он увидел перед собой Каффа, колотившего маленького мальчика. Это был тот самый парень, который набросился на него из-за тележки бакалейщика, но он не питал злобы, по крайней мере, к молодым и маленьким.

— Как вы посмели, сэр, разбить бутылку? — говорит Кафф маленькому сорванцу, размахивая над ним жёлтым огрызком бейсбольной биты. Мальчику было поручено перелезть через стену детской площадки (в специально выбранном месте, где сверху было убрано битое стекло и в кирпичной кладке сделана удобная дыра); пробежать четверть мили; купить пинту рома с лимонадом в кредит; миновать все пограничные заставы Доктора, обмануть его шпионов, и снова забраться на игровую площадку; но во время совершения этого геркулесовсего подвига он поскользнулся, бутылка разбилась, куст рассыпался, а его панталоны были испорчены, и он предстал перед своим хозяином совершенно виноватым и дрожащим, хотя и безобидным негодяем.

— Как вы посмели, сэр, разбить бутылку? — вопрошал Кафф, — Вы, маленький, подлый воришка, — твердил он, Как вы могли? Вы выпили всю бутылку, а теперь притворяетесь, что разбили бутылку! Протяните руку, сэр! Пенек с громким стуком опустился на ладонь ребенка. Послышался стон. Доббин поднял голову. Фея Перибану убежала в самую глубину сокровенной пещеры вместе с принцем Ахмедом; Рух, хлопая обшарпанными крыльями, унёс Синдбада-Морехода из Долины Алмазов, с глаз долой, далеко в облака; и перед честным

Уильямом предстала обычная жизнь; и большой мальчик без причины на его глазах бил младенца.

— Протяни другую руку, сэр, — вопил Кафф своему маленькому школьному товарищу, лицо которого всё более искажалось от боли.

Доббин вздрогнул и поплотнее закутался в свою узкую старую робу.

— Получай, чертёнок! — воскликнул мистер Кафф, и бита снова опустилась на руку ребенка. — Не пугайтесь, леди, каждый мальчик в государственной школе делал это. Ваши дети, по всей вероятности, будут делать то же самое, и это сделают они сами. Калитка снова опустилась, и Доббин начал подниматься. Я не могу сказать, каковы были его мотивы. Пытки в государственной школе так же разрешены, как и удары кнутом в России. Было бы не поджентльменски (в некотором смысле) сопротивляться им. Быть может, глупая душа Доббина восставала против такого проявления тирании, а может быть, он жаждал отомстить и жаждал помериться силами с этим великолепным задирой и тираном, которому принадлежали вся слава, гордость, пышность, положение в обществе, развевающиеся знамена, бой барабанов, ордена, трофеи и отдающие честь гвардейцы. Однако, что бы ни послужило для него побудительным мотивом, он вскочил и закричал:

— Стой, Кафф; не издевайся больше над этим ребенком, или я…

— Или ты что? — спросил Кафф, удивлённый тем, что его прервала эта жирная пигалица.

— Протяни руку, маленькая бестия!

— Я задам тебе такую трепку, какой ты никогда в жизни не получал! — сказал Доббин в ответ на первую часть фразы Каффа, и маленький Осборн, задыхаясь и весь в слезах, поднял глаза с удивлением и недоверием при виде того, как этот удивительный защитник внезапно встал на его защиту. удивление было едва ли меньшим, чем полёт птицы Рухх и все остальные сказочные чудеса. Представьте себе нашего покойного монарха Георга III, когда он услышал о восстании североамериканских колоний; представьте себе медного Голиафа, когда маленький Давид выступил вперед и потребовал встречи; и вы почувствуете чувства мистера Реджинальда Каффа, когда ему предложили эту встречу.

— После уроков! — прорычал он, конечно, после паузы и взгляда, как бы говоря: «Составь завещание и сообщи своим друзьям о своих последних желаниях до того, как ляжешь в гроб!

— Как тебе будет угодно, — сказал Доббин.

Ты, должно быть, будешь моим бутылочником и секундантом, Осборн!

— Ну, если хочешь! — ответил маленький Осборн, потому что, видите ли, у его папы был экипаж, и он немного стыдился своего защитника.

Да, когда настал час битвы, ему было почти стыдно сказать: «Давай, Фигс»; и ни один другой мальчик в этом заведении не издал этого крика в течение первых двух или трех раундов этого знаменитого боя, в начале которого учёный боец Кафф с презрительной улыбкой с выражением лица, такой же лёгкий и весёлый, как на балу, обрушивал удары на своего противника и трижды подряд повергал этого незадачливого чемпиона в нокаут. При каждом падении раздавались радостные крики, и всем не терпелось удостоиться чести преклонить колено перед победителем.

«Ну и взбучку я получу, когда всё закончится!» — подумал юный Осборн, поднимая своего подопечного из пыли.

— Тебе лучше уступить, — сказал он Доббину, — это всего лишь взбучка, Инжир, ты знаешь, я к ней привык!

Но Инжир, все члены которого дрожали, а ноздри раздувались от ярости, отложил в сторону свою маленькую подставку для бутылок и вышел в четвертый раунд. Поскольку Кафф ни в малейшей степени не умел парировать удары, направленные против него самого, а в трех

предыдущих случаях он сам начинал атаку, ни разу не позволив противнику нанести удар, Фигг решил, что теперь он сам начнет сражение с атаки, и, соответственно, будучи будучи левшой, он пустил эту руку в ход и пару раз изо всех сил ударил мистера Каффа — один раз в левый глаз, а другой раз в его красивый римский нос. На этот раз Кафф, к изумлению собравшихся, попал в цель. «Хороший удар, ей-богу», — кивнул головой удивлённый малыш Осборн с видом знатока, хлопая своего противника по спине.

— Дай ему левой, Фигс, мой мальчик! Задай ему, как следует!

На протяжении всего боя левая Фигса играла потрясающе. Кафф каждый раз оказывался в нокдауне. В шестом раунде почти столько же парней кричали: «Давай, Фигс!», сколько молодых людей: «Давай, Кафф!».

К двенадцатому раунду последний чемпион, как говорится, был не в себе и потерял всякое присутствие духа и способность атаковать или защищаться. Фигс, напротив, был спокоен, как квакер. Его лицо было совершенно бледным, широко раскрытые глаза блестели, а большой порез на нижней губе обильно кровоточил, что придавало этому молодому человеку такой нечеловечески-свирепый и устрашающий вид, который, возможно, вселял ужас во многих зрителей. Тем не менее, его бесстрашный противник приготовился к тринадцатому бою. Если бы у меня было перо Нейпира или «Жизнь Белла», я бы хотел описать это сражение как следует. Это была последняя атака старой гвардии (то есть она могла бы быть, если бы не Ватерлоо, которое ещё не состоялось), это колонна Нея поднималась на холм Ла — Э—Сент, ощетинившись десятью тысячами штыков и увенчанная двадцатью орлами, это был боевой клич — питаясь по — британски, когда, спрыгнув с холма, они бросились обнимать врага в яростных объятиях битвы — другими словами, Кафф поднялся, полный отваги, но совершенно шатающийся и вялый, и торговец фигами, как обычно, ударил левой в нос своего противника и отправил его на тот свет, в последний раз.

— Думаю, этого ему хватит! — деловито сказал Фиггс, когда его противник так же аккуратно полетел в нокаут, как я видел, как шар Джека Спота залетал в бильярдную лузу; и дело в том, что, когда стали считать секунды, мистер Реджинальд Кафф не смог или не захотел снова встать. И тут все мальчики подняли такой крик, требуя Инжира, что можно было подумать, будто он был их любимым защитником на протяжении всего сражения; и это совершенно вывело доктора Свистохлюста из его кабинета, ибо ему было любопытно узнать причину переполоха. Он, конечно, пригрозил, что жестоко выпорет Инжира, но Кафф, который к этому времени пришел в себя и промывал раны, встал и сказал: «Это моя вина, сэр, а не Инжира, не Доббина. Я задирал маленького мальчика; и он поступил со мной справедливо».

Этой великодушной речью он не только избавил своего победителя от порки, но и вернул себе все свое влияние на мальчиков, которого ему едва не стоило поражение. Юный Осборн написал родителям отчет о сделке.

Дом сахарного тростника, Ричмонд, 18 марта — ДОРОГАЯ МАМА,

надеюсь, у тебя все в порядке. Я был бы тебе очень признателен, если бы ты прислала мне пирожное и пять шиллингов. Здесь произошла драка между Каффом и Доббином. Кафф, как ты знаешь, был главным в школе. Они дрались тринадцать раундов, и Доббин победил. Так что Кафф теперь всего лишь второй медалист. Драка была из-за меня. Кафф избил меня за то, что я разбил бутылку с молоком, и Фиг этого не стерпел. Мы зовём его Инжир, потому что его отец — бакалейщик — «Инжир и Радж», улица Темза, Сити — я думаю, раз уж он сражался за меня, вам следовало бы покупать чай и сахар у его отца. Кафф ездит домой каждую субботу, но в этот раз не может, потому что у него два синяка под глазами. У него есть белый пони, за которым он может заехать, и грум в ливрее на гнедой кобыле. Я бы хотела, чтобы мой папа позволил мне завести пони, и я очень рад. Твой преданный сын ДЖОРДЖ СЕДЛИ ОСБОРН. P.S. — Передай привет маленькой Эмми. Я вырезаю для неё карету из картона. Пожалуйста, не тортик с косточками, а сливовый пирог.

В результате победы Доббина его репутация в глазах всех школьных товарищей значительно возросла, и прозвище Инжир, бывшее прежде притчей во языцех, стало таким же уважаемым и популярным прозвищем, как и любое другое, употреблявшееся в школе.

«В конце концов, это не его вина, что его отец бакалейщик», — сказал Джордж Осборн, который, несмотря на свой невысокий рост, пользовался очень большой популярностью среди молодежи, и его мнение было встречено бурными аплодисментами. Считалось низостью насмехаться над Доббином из-за этого несчастного случая с его плебейским рождением. «Старина Инжир» стало добрым и ласковым прозвищем; и подлый швейцар больше не насмехался над ним. И Доббин воспрянул духом в изменившихся обстоятельствах. Он добился замечательных успехов в учёбе. Сам превосходный Кафф, снисходительность которого заставляла Доббина только краснеть и удивляться, помогал ему с латинскими стихами; «натаскивал» его во время игр; с триумфом перевёл его из класса для маленьких мальчиков в класс среднего возраста и даже там нашёл для него достойное место. Выяснилось, что, несмотря на тупость в изучении классической литературы, в математике он оказался необычайно сообразителен. Ко всеобщему удовольствию, он занял третье место по алгебре и получил дипломную работу по французскому языку на открытом летнем экзамене. Вы бы видели лицо его матери, когда доктор на глазах у всей школы, родителей и всей компании вручил ему «Телемак» («этот восхитительный романс») с надписью «Гульельмо Доббину».

Все мальчики захлопали в ладоши в знак восхищения и сочувствия. Его румянец, его спотыкания, его неловкость и количество шагов, которые он отдавил, возвращаясь на свое место, — кто сможет описать или подсчитать? Старый Доббин, его отец, который теперь впервые проникся к нему уважением, публично подарил ему две гинеи; большую часть этого времени он потратил на сборы в школу, а после каникул вернулся во фраке. Доббин был слишком скромным молодым человеком, чтобы предположить, что эта счастливая перемена во всех его обстоятельствах произошла из-за его собственного великодушия и мужественного нрава; по какой-то своей изворотливости он решил приписать свое счастье единственной помощи и благожелательности маленького Джорджа Осборна, которому отныне поклялся в такой любви и привязанности, к какой способны только дети — именно такую привязанность мы находим, как мы читаем в очаровательной книге сказок, неотесанный Орсон питал к прекрасному юному Валентину, своему завоевателю. Он бросился к ногам маленького Осборна и полюбил его. Ещё до того, как они познакомились, он втайне восхищался Осборном. Теперь он был его камердинером, его собакой, его

Пятницей. Он считал Осборна обладателем всех совершенств, самым красивым, самым храбрым, самым активным, самым умным, самым великодушным из сотворённых мальчиков. Он делился с ним своими деньгами: покупал ему бесчисленные подарки: ножи, пеналы, золотые печатки, ириски, певчих птиц и романтические книги с большими цветными картинками, изображающими рыцарей и разбойников, на многих из которых можно было прочесть надписи: «Джорджу Седли Осборну, эсквайру, от его преданного друга Уильяма». Доббин — эти знаки почтения Джордж принял очень благосклонно, что было его высшей заслугой.

Итак, лейтенант Осборн, придя на Рассел-сквер в день вечеринки в Воксхолле, сказал дамам: «Миссис Седли, мэм, надеюсь, у вас найдется место; я пригласил нашего Доббина пообедать здесь и отправиться с нами в Воксхолл. Он почти такой же скромный, как Джоз.

— Скромность! Ф! — сказал полный джентльмен, бросая умоляющий взгляд на мисс Шарп.

— Он такой и есть, но ты несравненно грациознее, Седли! — добавил Осборн, смеясь, — Я встретил его в «Бедфорде», когда ходил искать тебя; и я сказал ему, что мисс Амелия вернулась домой и что мы все собираемся пойти куда-нибудь повеселиться; и что миссис Седли про-

стила ему разбитую чашу для пунша на детском празднике. Разве вы не помните катастрофу, мэм, случившуюся семь лет назад?

— Пятна поверх малинового шелкового платья миссис Фламинго, помню! — сказала добродушная миссис Седли. — Какое это был неуклюжий увалень! И его сестры не намного изящнее. Леди Доббин вчера вечером была в Хайбери с тремя из них. Три пугала на плющихе! Боже ты мой!.

— Олдермен очень богат, не так ли? — лукаво спросил Осборн, — Вам не кажется, что одна из дочерей была бы хорошей партией для меня, мэм?

«Глупыш!! Кто бы тебя взял, хотел бы я знать, с твоим жёлтой физией?

— Это у меня жёлтая физия? Подожди, пока не увидишь Доббина. Да ведь он трижды болел жёлтой лихорадкой: дважды в Нассау и один раз на Сент-Китсе!

— Ну-ну, для нас достаточно твоей желтухи. Не правда ли, Эмми? — спросила миссис Седли, на что мисс Амелия только улыбнулась и покраснела; и, глядя на бледное, привлекательное лицо мистера Джорджа Осборна и его прекрасные чёрные, вьющиеся, блестящие бакенбарды, на которые сам молодой джентльмен смотрел без обычного самодовольства, она подумала, и это проникло в её маленькое сердечко, что ни в армии Его Величества, ни во всем остальном мире никогда не было такого лица и такого героя.

— Мне наплевать на цвет лица капитана Доббина, — сказала она, — или на его неуклюжесть. Я знаю, что он всегда будет мне симпатичен! В первую очередь потому, что он был другом и заступником Джорджа.

— На службе нет парня прекраснее, — сказал Осборн, — и офицера лучше, хотя он, конечно, не Адонис!

И тут он сам с самым наивным видом посмотрел в зеркало; и при этом поймал на себе пристальный взгляд мисс Шарп, от которого слегка покраснел, а Ребекка подумала про себя: «Ах, мой прекрасный месье! Кажется, я угадала ТВОЙ вкус!»

Маленькая хитрая проказница! В тот вечер, когда Амелия, спотыкаясь, вошла в гостиную в белом муслиновом платье, готовая к выступлению в Воксхолле, напевая, как жаворонок, и свежая, как роза, — очень высокий нескладный джентльмен с большими руками и ногами, большими ушами и коротко остриженной шевелюрой, — она была очаровательна — черноволосый, в ужасном военном камзоле и треуголке тех времен, он шагнул ей навстречу и отвесил один из самых неуклюжих поклонов, которые когда-либо совершал смертный. Это был не кто иной, как капитан Уильям Доббин из пехотного полка Его Величества, вернувшийся из Вест-Индии после перенесённой жёлтой лихорадки, куда судьба забросила его полк, в то время как многие его доблестные товарищи пожинали славу на полуострове. Он вошёл, постучав в дверь так робко и тихо, что дамы наверху его не услышали: в противном случае, можете быть уверены, мисс Амелия никогда бы не осмелилась войти в комнату с пением. Как бы то ни было, нежный, свежий голосок проник прямо в сердце капитана и уютно устроился там. Когда она протянула ему руку для рукопожатия, прежде чем он взял её в свою, он остановился и подумал:

«Что ж, возможно ли, что вы та маленькая девушка в розовом платьице, которую я помню, это было совсем недавно, в ту ночь, когда я опрокинул чашу с пуншем, просто после того, как обо мне написали в газете? Ты и есть та маленькая девочка, о которой Джордж Осборн говорил, что она должна выйти за него замуж? Каким цветущим юным созданием ты кажешься и какая ценная добыча досталась этому мерзавцу!»

Всё эти мысли пронесливь у него в голове, прежде чем он взял руку Амелии в свои лапы и снял треуголку. Его история с тех пор, как он окончил школу, и до того самого момента, когда мы имеем удовольствие встретиться с ним снова, хотя и не изложена полностью, все же, я думаю, достаточно понятна для проницательного читателя в разговоре на последней странице. Доббин, презираемый бакалейщик, был олдерменом Доббином — олдермен Доббин был полковником городской лёгкой кавалерии, в то время пылавший военным рвением противо-

стоять французскому вторжению. Государь и герцог Йоркский провели смотр корпусу полковника Доббина, в котором сам старый мистер Осборн был всего лишь рядовым капралом; и полковник, и олдермен были посвящены в рыцари. Его сын поступил на военную службу, и молодой Осборн вскоре поступил в тот же полк. Они служили в Вест-Индии и Канаде. Их полк только что вернулся домой, и привязанность Доббина к Джорджу Осборну была теперь такой же тёплой и великодушной, как и в те времена, когда они оба были школьниками. И вот эти достойные люди сели ужинать. Они говорили о войне и славе, о Бони, лорде Веллингтоне и последнем номере «Газетт». В те славные дни каждая газета писала о победе, и два доблестных молодых человека мечтали увидеть свои имена в славном списке героев и проклинали свою несчастливую судьбу — принадлежность к полку, лишенному шансов на почёт и лдавры победителей реальных битв. Мисс Шарп воспламенилась от этой захватывающей речи, но мисс Седли задрожала и едва не упала в обморок, услышав ее. Мистер Джос рассказал несколько своих историй об охоте на тигров, закончив рассказ о мисс Катлер и хирурге Лэнсе; он помогал подкладывать Ребекке всё, что было на столе, и сам ел и пил очень много. Когда дамы удалились, он бросился открывать дверь с самым убийственным изяществом и, вернувшись к столу, наливал себе кларета стакан за стаканом, проглатывая его с нервной быстротой.

— Тренировка не помеха! Он готовится к олимпиаде, заклыдывающих за воротник! — шепнул Осборн Доббину, и наконец настал назначенный час и карета прибыла в Воксхолл.

Глава VI
Воксхолл

Я знаю, что мелодия, которую я напеваю, очень нежная (хотя скоро появятся несколько потрясающих глав), незатейливая и простенькая, и должен попросить добродушного читателя вспомнить, что сейчас мы рассказываем только о семье биржевого маклера с Рассел-Сквер, которая прогуливается, или завтракает, или ужинает или разговаривать и заниматься любовью, и, слава богу, жизненные бури, несчастья и катастрофы обходят их страстную любовь стороной.

Суть диспозиции такова: Осборн, влюбленный в Амелию, пригласил старого друга на ужин и в Воксхолл, а Джос Седли влюблён в Ребекку. Женится ли он на ней? Вот главная тема, которая сейчас обсуждается. Мы могли бы отнестись к этой теме благородно, или романтично, или шутливо. Предположим, что мы разыграли бы сцену на Гросвенор — Сквер с теми же приключениями — разве некоторые люди не прислушались бы к нам? Предположим, мы показали бы, как лорд Джозеф Седли влюбился, а маркиз Осборн привязался к леди Амелии с полного согласия герцога, её благородного отца; или вместо в высшей степени благородного, предположим, мы прибегли бы к совершенно низким слоям общества и стали бы описывать, что происходит в жизни мистера Осборна и на кухне мистера Седли — о том, как чёрный Самбо был влюбился в кухарку (а так оно и было на самом деле) и как он вступал в кровавую схватку с кучером из-за неё; о том, как разносчика ножей поймали на краже холодной бараньей лопатки, а новая камеристка мисс Седли отказалась ложиться спать без восковой свечи; подобные инциденты могли бы вызвать много весёлого смеха и, как предполагалось, представлять собой идеальные «сцены из жизни» для «идеальных читателей».. Или, наоборот, если бы мы увлеклись ужасным и сделали любовника новой камеристки профессиональным грабителем, который врывается в дом со своей бандой, убивает бедного, чёрного Самбо у ног его хозяина и уносит Амелию в ночной рубашке, с тем, чтобы держать в тёмном застенке и не отпускать на волю до третьего тома, мы бы легко создали захватывающую историю, по пламенным главам которой читателю пришлось бы мчаться, задыхаясь от предвкушения очередного приключения. Тогда в нашем повествовании легко можно было ожидать, к примеру, главу следующего названия — «Ночной Налёт»

Но мои читатели не должны надеяться на такую романтику, им придётся удовлетворится довольно простой историей, удовольствоваться главой о Воксхолле, которая настолько коротка, что едва ли заслуживает того, чтобы её вообще можно было назвать главой. И всё же это глава появилась здесь не просто так, и к тому же она очень важная. Разве в жизни каждого человека не бывает маленьких глав, которые кажутся незначительными, но тем не менее влияют на всю остальную историю жизни?

Давайте скорей сядем в карету вместе с гостями с Рассел-Сквер и отправимся в сады Воксхолла. Между Джозом и мисс Шарп, которые сидят на переднем сиденье, едва ли найдётся место хоть для одного из нас. Мистер Осборн сидит прямо напротив, между капитаном Доббином и Амелией. Все в карете уже смирились и внутренне согласны с тем, что в тот вечер Джоз предложит Ребекке Шарп стать миссис Седли. Родители, оставшиеся дома, согласились с этим предложением, хотя, между нами говоря, старый мистер Седли испытывал к своему сыну чувство, близкое к презрению. Он говорит, что тот тщеславен, эгоистичен, ленив и женоподобен. Он терпеть не может, когда тот изображает из себя светскую звезду, и от души смеётся над его напыщенными хвастливыми историями.

«Я оставлю этому хлюсту половину своего состояния, — сказал он, — и, кроме того, у него будет достаточно своего»; но поскольку я совершенно уверен, что если бы вы, я и его сестра завтра умерли, он бы сказал: «Боже мой!» — и съел бы свой обед с таким же аппетитом,

как обычно, и посему я не собираюсь заставлять себя беспокоиться о нём. Пусть женится, на ком хочет! Это не моё дело!

С другой стороны, Амелия, как и подобает молодой женщине с её благоразумием и темпераментом, была полна энтузиазма по поводу этого брака. Раз или два Джоз собирался сказать ей что-то очень важное, к чему она была готова прислушаться, но толстяка было невозможно заставить раскрыть свой великий секрет, и, к большому разочарованию сестры, он ограничился глубоким вздохом и картинно отвернулся. Эта тайна заставляла нежную грудь Амелии постоянно трепетать от возбуждения. Если она и не заговаривала с Ребеккой на эту щекотливую тему, то компенсировала это долгими и задушевными беседами с миссис Бленкинсоп, экономкой, которая кое-что намекнула горничной, которая, возможно, мимоходом упомянула об этом кухарке, которая, без сомнения, донесла новость до всех торговцев, так что о женитьбе мистера Джоза теперь говорило весьма значительное число людей на Рассел-Сквер. Разумеется, миссис Седли считала, что её сын унизит себя браком с дочерью художника.

— Но, боже мой, мэм, — воскликнула миссис Бленкинсоп, — мы были всего лишь бакалейщиками, когда вышли замуж за мистера С., который был клерком у биржевого маклера, и у нас не было с собой и пятисот фунтов, а ведь мы теперь достаточно богаты. Деньги — дело наживное!

И Амелия полностью придерживалась этого мнения, к которому постепенно пришла и добродушная миссис Седли.

Мистер Седли держался нейтрально.

— Пусть Джоз женится, на ком хочет, — сказал он, — меня это не касается. У этой девушки нет состояния, как не было его и у миссис Седли. Она кажется добродушной и умной и, возможно, сумеет приструнить его. Лучше она, моя дорогая, чем чернокожая миссис Седли и дюжина внуков цвета красного дерева.

Так что всё, казалось, благоприятствовало судьбе Ребекки. Отправляясь на обед, она, как само собой разумеющееся, взяла Джоза под руку; она села рядом с ним на козлы его открытой кареты (он был настоящим «мачо», когда сидел там, безмятежный, величественный, управляя своими серыми лошадками), и хотя никто не сказал ни слова касаемо брака, то, казалось, все это понимали. Все, чего она хотела, — это получить предложение, и ах! как же Ребекке сейчас не хватало матери! — милой, нежной матери, которая управилась бы с делами за десять минут и в ходе небольшой деликатной доверительной беседы вырвала бы интересное признание из застенчивых уст молодого человека!

Таково было положение дел, когда карета пересекала Вестминстерский мост. Группа высадилась в Королевских садах в назначенное время. Когда величественный Джос вышел из скрипучего экипажа, толпа приветствовала толстого джентльмена, который покраснел и выглядел очень большим и могущественным, когда уходил с Ребеккой под руку. Джордж, конечно, взял на себя заботу об Амелии. Она выглядела такой же счастливой, как розовый куст в лучах Солнца.

— Послушай, Доббин, — сказал Джордж, — присмотри за шалями и прочим, вот хороший парень.

И вот, пока он шёл в паре с мисс Седли, а Джоз протискивался через калитку в сад, ведя Ребекку за собой, честный Доббин удовольствовался тем, что подал руку продавщице шалей и заплатил у дверей за всю компанию. Он очень скромно шёл позади них. Он не хотел портить удовольствие всей честной кампании. На Ребекку и Джоса ему было наплевать. Но он считал, что Амелия достойна даже блистательного Джорджа Осборна, и, видя, как эта привлекательная пара прогуливается по аллее к восторгу и изумлению девушки, он наблюдал за её бесхитростным счастьем с каким-то почти отеческим удовольствием. Возможно, он чувствовал, что ему самому хотелось бы иметь что-нибудь под рукой, кроме шали (люди смеялись, глядя, как неуклюжий молодой офицер тащит эту женскую ношу); но Уильям Доббин вообще был очень

мало склонен к эгоистичным расчётам; и пока его друг наслаждался жизнью, как он мог быть недоволен? И правда в том, что из-за всех прелестей Садов; из-за сотен тысяч дополнительных ламп, которые были всегда зажжены и ярко горели; из-за скрипачей в треуголках, которые играли восхитительные мелодии под позолоченной ракушкой посреди садов; из-за певцов, как комических, так и сентиментальных баллад, которые очаровали здешний слух танцы в стиле кантри, исполняемые подпрыгивающими кокни и кокни-самками и сопровождающиеся прыжками, топотом и смехом; из-за сигнала, возвещавшего о том, что мадам Саки собирается подняться в небо на верёвке, ведущей к звездам; покою отшельника, который всегда сидел в освещенном скиту; из-за темных дорожек, так потакающим свиданиям молодых влюбленных; кувшинас с портером, которые разносили люди в поношенных старых ливреях; из-за сверкающих коробочек, в которых счастливые пирующие, как им казалось, поедали ломтики почти невидимой ветчины, — из-за этого всего, а также на кроткого Симпсона, этого доброго улыбчивого идиота, который, осмелюсь предположить, уже тогда заправлял всем этим заведением, на шашни конкурентов капитан Уильям Доббин не обратил ни малейшего внимания. Он носил белую кашемировую шаль Амелии и, сидя под золоченой ракушкой, слушал, как миссис Сэлмон исполняла «Бородинскую Битву» (свирепую кантату против корсиканского выскочки, который недавно столкнулся со своими кошмарными русскими бедами), — мистер Доббин пытался напевать её, уходя, и обнаружил, что у него не получается, но он принялся напевать мпесенку, которую Амелия Седли напевала на лестнице, спускаясь к обеду. Он расхохотался сам над собой, потому что, по правде говоря, пел он не лучше совы.

Следует понимать, как нечто само собой разумеющееся, что наши молодые люди, разбившись на группы по двое, дали самые торжественные обещания держаться вместе в течение вечера и разбежались через десять минут после этого. Гости в Воксхолле всегда расходились, но только для того, чтобы встретиться снова за ужином, а в перерыве они могли поговорить о своих совместных приключениях.

Какими были приключения мистера Осборна и мисс Амелии? Это секрет. Но будьте уверены в одном — они были совершенно счастливы и вели себя корректно, а поскольку за последние пятнадцать лет у них вошло в привычку проводить вместе любое время, так что их тет-атет теперь не принес ничего особенного. Но когда мисс Ребекка Шарп и её дородная спутница заблудились на одинокой тропинке, на которой было не более пяти десятков таких же заблудившихся парочек, они обе почувствовали, что ситуация чрезвычайно щекотливая и критическая, и (сейчас или никогда!) настал тот момент, подумала мисс Шарп, чтобы спровоцировать его на это заявление, столь жеоанное из робких уст мистера Седли, от которого у нее задрожали бы поджилки..

Ранее они уже были в «панораме Москвы», где какой-то грубиян, наступив мисс Шарп на ногу, заставил её с тихим вскриком упасть обратно в объятия мистера Шарпа. Это маленькое происшествие настолько усилило нежность и доверие этого джентльмена, что он рассказал ей несколько своих любимых индийских историй, по крайней мере, в шестой раз.

— Как бы я хотела увидеть Индию! — мечтательно сказала Ребекка.

— А вам хотелось бы? — спросил Джозеф с убийственной нежностью и, без сомнения, собирался продолжить этот коварный допрос вопросом еще более нежным (потому что он часто пыхтел, и Ребекка, приложив руку к его сердцу, могла сосчитать лихорадочные биения этого сердца), когда, о, мерзкий провокатор! прозвенел звонок, призывающий к фейерверку, и, поскольку началась большая потасовка и беготня, эти интересные влюбленные были вынуждены повлечься за густой толпой гуляющих.

Капитан Доббин подумывал о том, чтобы присоединиться к компании за ужином, поскольку, по правде говоря, развлечения в Воксхолле показались ему не особенно оживлёнными, но он дважды прошёлся перед ложей, где собирались теперь уже соединившиеся пары, и никто не обратил на него внимания. Стол был накрыт на четверых. Супружеские пары весело

болтали, и Доббин понял, что о нём забыли так начисто, словно его никогда и не существовало на свете.

— Я был бы только лишним, — сказал капитан, глядя на них с некоторой тоской. «Я лучше пойду поговорю с отшельником», — и он удалился от людского гула, шума и грохота банкета в тёмную аллею, в конце которой находилось это хорошо известное картонное уединение. Доббину было не очень весело, и, действительно, я по собственному опыту убедился, что быть одному в Воксхолле — одно из самых унылых занятий, которые когда-либо выпадали холостяку. Две пары были совершенно счастливы в своей ложе, где происходила самая восхитительная и интимная беседа. Джос был в самом расцвете сил и с большим достоинством отдавал распоряжения официантам. Он приготовил салат, откупорил шампанское, разделал цыплят и съел и выпил большую часть прохладительных напитков, стоявших на столах. Наконец, он настоял на том, чтобы ему подали чашу пунша — в Воксхолле все всегда пили пунш.

— Официант, пунш с начинкой!

Эта чаша с пуншем стала причиной всей этой истории. А почему бы не чаше с пуншем оказаться центром мира, как и любой другой причине?

Разве чаша с синильной кислотой не стала причиной ухода прекрасной Розамунды из этого мира? Разве не чаша вина стала причиной гибели Александра Македонского, или, по крайней мере, так утверждает доктор Лемприер? — так повлияла ли эта чаша пунша на судьбы всех главных героев «Романа без героя», внутри которого мы сейчас находимся. Это повлияло на их жизнь, хотя большинство из них не попробовали ни капли этого напитка. Юные леди не стали его пить; Осборну он не понравился; и в результате Джоз, этот жирный гурман, выпил все содержимое чаши; а следствием того, что он выпил всё содержимое посудины, стала живость, которая сначала была поразительной, а затем стала почти невыносимой, так что спутя пять минут было уже больно смотреть, как громко он говорил и как оглушительно смеялся, так что скоро собрались десятки слушателей, к большому смущению ни в чем не повинной стороны, находившейся внутри; и, вызвавшись спеть песню (которую он исполнил в той сентиментально-высокой тональности, которая свойственна джентльменам в состоянии алкогольного опьянения), он почти растолкал публику, собравшуюся вокруг музыкантов в позолоченных панцирях, и удостоился от своих слушателей бурных аплодисментов.

— Браво, толстяк! — закричал кто-то.

— Энгкор, Дэниел Ламберт! — сказал другой.

— Ну и фигура для похода по канату! — воскликнул очередной остряк, к невыразимой тревоге дам и великому гневу мистера Осборна. — Ради бога, Джос, давай встанем и уйдём! — воскликнул этот джентльмен, и молодые женщины поднялись.

— Стой, моя дорогулька дидл-дидл-дорогушка, пушка-маракушка! — закричал Джоз, теперь смелый, как лев, и обнял мисс Ребекку за талию. Ребекка вздрогнула, но не смогла высвободить руку. Смех снаружи усилился. Джос продолжал пить, хватать, любезничатьи петь; и, подмигивая и грациозно помахивая бокалом перед аудиторией, приглашал всех и каждого подойти и отведать его пунша. Мистер Осборн как раз собирался сбить с ног акого-то джентльмена в сапогах с отворотами, который намеревался воспользоваться этим любезным приглашением, и скандал, казалось, был неизбежен, когда, по счастливой случайности, джентльмен по фамилии Доббин, прогуливавшийся по саду, подкатил к нему.

— Убирайтесь прочь, болваны! — закричал этот джентльмен, расталкивая плечом зевак, которые быстро рассовались перед его треуголкой и свирепым видом, и вошел в ложу в крайне возбужденном состоянии.

— Боже мой! Доббин, где ты был? Входи! — сказал Осборн, выхватывая белую кашемировую шаль из рук своего друга и кутая в неё Амелию, — Не суетись и пожалуйста, присмотри за Джозом, пока я провожу дам до экипажа.

Джоз хотел было встать, чтобы вмешаться, но Осборн одним движением пальца заставил его, и пыхтя, вернуться на свое место, пока лейтенант уводил дам в безопасное место. Джоз поцеловал им руки, когда они отступали, и пробормотал:

— Благословляю вас! Да благословит вас Господь!

Затем, схватив капитана Доббина за руку и плача самым жалостливым образом, он поведал этому джентльмену тайну своей любви. Он обожал эту девушку, которая только что их покинула; он знал, что разбил ей сердце своим поведением; он собирался жениться на ней на следующее утро в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер; он бы обрюхатил архиепископа Кентерберийского в Ламбете, он бы обрюхатил, он бы достучался до него, ей-богу! и держите менясемеро; и, воспользовавшись этим намеком, капитан Доббин хитроумно убедил его покинуть сады и поспешить в Ламбетский дворец, а когда они выехали за ворота, без труда усадил мистера Джоза Седли в наёмную карету, которая благополучно доставила его домой. Джордж Осборн благополучно проводил девушек домой, а когда за ними закрылась дверь, а он шёл по Рассел-сквер, и вдруг расхохотался так, что удивил сторожа. Когда они поднимались по лестнице, Амелия очень печально посмотрела на свою подругу и поцеловала её и, не сказав больше ни слова, отправилась спать.

«Он, должно быть, сделает предложение завтра, — подумала Ребекка, — Он назвал меня любимицей своей души четыре раза; он пожал мне руку в присутствии Амелии. Он обязан сделать предложение завтра!»

И Амелия тоже так думала. И, смею предположить, она думала о платье, которое наденет в качестве подружки невесты, и о подарках, которые она должна сделать своей милой младшей золовке, и о предстоящей церемонии, в которой она сама могла бы сыграть главную роль, и так далее, и тому подобное, и &в., и так далее. О, невежественные юные создания! Как мало вы знаете о действии аракового пунша! Что значит арак в пунше вечером по сравнению с араком в голове утром? За эту истину я могу поручиться как мужчина: в мире нет такой головной боли, как от «Воксхолл Пунша». По прошествии двадцати лет я помню последствия двух бокалов! Всего два бокала! всего два, клянусь честью джентльмена, а Джозеф Седли, у которого были проблемы с печенью, проглотил по меньшей мере кварту этой отвратительной смеси!

На следующее утро, которое, как думала Ребекка, должно было предвещать её солнечный триумф, Седли стонал в муках, и муки его было невозможно описать словами. Газированная вода ещё не была изобретена. Легкое пиво — поверите ли! — было единственным напитком, с помощью которого несчастные джентльмены успокаивали тремор, вызванный их вчерашним запоем. С этим легким напитком перед собой Джордж Осборн обнаружил бывшего коллектора Боггли Уолла, стонущего на диване в своей квартире. Доббин тоже был уже в комнате и добродушно ухаживал за своим вчерашним пациентом. Оба офицера, глядя на распростертую жертву вакханилии и искоса поглядывая друг на друга, обменялись самыми жуткими сочувственными улыбками. Даже камердинер Седли, самый торжественный и корректный из джентльменов, с молчаливостью и серьёзностью гробовщика, едва мог держать себя в руках, глядя на своего несчастного хозяина.

— Мистер Седли был необычайно взбешён прошлой ночью, сэр! — прошептал он по секрету Осборну, когда тот поднимался по лестнице, — Он хотел отдубасить кучера, сэр. Капитану пришлось отнести его наверх в плохом состоянии, как младенца.

При этих словах на лице мистера Браша промелькнула мимолётная улыбка; однако оно тут же приняло свое обычное невозмутимое выражение, когда он распахнул дверь гостиной и объявил:»

— Мистер Оксборн!

— Как поживаешь, Седли? — спросил молодой человек, по виду — юный шутник, мельком оглядев свою жертву, — Кости целы? Там, внизу, кучер наемного экипажа с подбитым глазом и перевязанной головой, клянется, что подаст на вас в суд.

— Что вы имеете в виду под «суд»? -слабым голосом спросил Седли.

— За то, что вчера вечером вы его отколотили и отмутузили на славу, не так ли, Доббин? Вы ударили, сэр, как боксёр Молинье. Сторож говорит, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь так сильно бил. Спросите Доббина!

— Вы действительно не в шутку схватились с кучером, — сказал капитан Доббин, — и тоже показали себя храбрым воякой.

— А тот парень в белом халате в «Воксхолле»! Как Джос наехал на него! А как визжали бабы! Клянусь Юпитером, сэр, у меня отлегло от сердца, когда я видел вас. Я думал, у вас, штатских, нет мужества, но я никогда не встану у вас на пути, когда вы пьяны, Джос.

— По-моему, я бываю просто ужасен, когда меня выводят из себя, — воскликнул Джоз с дивана и скорчил такую мрачную и нелепую гримасу, что вежливость капитана больше не могла его сдерживать, и они с Осборном разразились звонким хохотом. Осборн безжалостно использовал свое преимущество. Он считал Джоса молокососом. Он размышлял о предстоящем бракосочетании Джоза и Ребекки и был не слишком доволен тем, что член семьи, в которой он, Джордж Осборн, собирался вступить в брак — вступал в мезальянс с маленьким ничтожеством — маленькой гувернанткой — выскочкой.»

— Ты ударился головой, бедняга? — сказал Осборн, — Ты был ужасен! Да, ты просто не мог устоять на ногах — ты рассмешил всех в Саду, хотя сам плакал. Ты был сентиментален, Джос, как медуза! Ты не помнишь, как пел песню?

— Что? — выпучил глаза Джос.

— Сентиментальная песенка, в которой ты зовешь Розу, то бишь, свою Ребекку, как там её, маленькую подружку Амелии, твою самую дорогую дочку-дочку-дочку-дорогушку?

И этот безжалостный молодой человек, схватив Доббина за руку, стал разыгрывать всю сцену, к ужасу первого исполнителя и вопреки добродушным мольбам Доббина проявить милосердие.

— Почему я должен его щадить? — ответил Осборн на увещевания своего друга, когда они вышли от больного, оставив его на попечение доктора Голлопа, — Какое, черт возьми, он имеет право напускать на себя покровительственный вид и выставлять нас дураками в Воксхолле? Кто эта маленькая школьница, которая пялится на него и занимается с ним любовью? Чёрт возьми, семейка эта вместе сней — так себе! Гувернантка — это, конечно, хорошо, но я бы предпочёл, чтобы моей невесткой была настоящая леди. Я человек либеральный, но у меня есть гордость, и я знаю свое положение: пусть и она осознаёт своё. И я собью спесь с этого великого, дерзкого набоба и не допущу, чтобы из него сделали еще большего дурака, чем он есть на самом деле. Вот почему я посоветовал ему быть начеку, чтобы она не подала на него в суд.

— Полагаю, вам видней! — сказал Доббин, хотя и с некоторым сомнением, — Вы всегда были тори, и ваша семья — одна из старейших в Англии. Но…

— Пойдемте лучше посмотрим на девушек и сами поухаживаем за мисс Шарп, — прервал лейтенант своего друга, но капитан Доббин отказался присоединиться к Осборну в его ежедневном посещении юных леди на Рассел-Сквер. Когда Джордж шёл по Саутгемптон-Роу из Холборна, он рассмеялся, увидев в особняке Седли на двух разных этажах две настороженные головки. Дело в том, что мисс Амелия, стоя на балконе гостиной, с нетерпением смотрела на противоположную сторону площади, где жил мистер Осборн, ожидая появления самого лейтенанта, а мисс Шарп из своей маленькой спальни на втором этаже наблюдала за происходящим, пока мистер Джозеф не вернулся. Его великолепная форма поневоле должна была броситься в глаза. -Сестра Энн на сторожевой башне, — сказал он Эмилии, — но никто не придёт! — и, смеясь и получая огромное удовольствие от шутки, он в самых нелепых выражениях описал мисс Седли плачевное состояние её брата.

— По-моему, это очень жестоко с твоей стороны смеяться, Джордж, — сказала она, выглядя особенно несчастной, но Джордж только ещё больше расхохоталась над её жалобным и растерянным видом, настаивая на том, что шутка очень забавная, и, когда мисс Шарп спустилась вниз, подшутил и над ней с большой живостью, напомнив о воздействии её чар на толстого штатского.

— О, мисс Шарп! Если бы вы только видели его сегодня утром, — сказал он, — стонущего в своём цветастом халате, корчащегося на диване; если бы вы только видели, как он высовывал язык, чтобы полапать аптекаря.

— Увидеть кого? — спросила мисс Шарп.

— Кого? О ком? Капитана Доббина, конечно, к которому, кстати, мы все были так внимательны вчера вечером.

— Мы были с ним очень грубы! — сказала Эмми, сильно покраснев. — Я… я совсем забыла о нём. — Конечно, ты это сделала, — воскликнул Осборн, все еще продолжая смеяться, — Забыла сразу! Вы же знаете, Амелия, нельзя всё время думать о Доббине. Правда, мисс Шарп?

— За исключением тех случаев, когда он опрокидывает ы с вином за обедом, — сказала мисс Шарп, надменно вскинув голову, — я никогда не задумывалась о существовании капитана Доббина.

— Очень хорошо, мисс Шарп, я передам ему, — сказал Осборн, и по мере того, как он говорил, мисс Шарп начинала испытывать недоверие и ненависть к этому молодому офицеру, о чём он совершенно не подозревал.

«Он хочет посмеяться надо мной, не так ли? — подумала Ребекка, — Неужели он смеялся надо мной при Джозефе? Неужели он напугал его? Возможно, он не придет!»

На глаза у неё набежала пелена, а сердце неистово забилось

— Ты всегда шутишь, — сказала она, улыбаясь так невинно, как только могла. — Оставьте свои шутки, мистер Джордж, меня здесь некому защитить!

И Джордж Осборн, когда она уходила, — а Амелия укоризненно посмотрела на него, — почувствовал какое-то смутное угрызение совести за то, что проявил ненужную жестокость по отношению к этому беспомощному созданию.

— Моя дорогая Амелия, — сказал он, — ты слишком хороша, слишком добра ко мне. Ты не знаешь мира сего. Не знакома со светом! А я его знаю! А твоей маленькой подруге мисс Шарп следует усвоить своё место.

— Тебе не кажется, что Джоз…

— Честное слово, моя дорогая, я не знаю. Может, так оно и есть, а может, и нет. Я ему не хозяин. Я знаю только, что он очень глупый, тщеславный малый, и прошлой ночью он поставил мою дорогую девочку в очень болезненное и неловкое положение. Моя дорогая дидл-дидл-дорогушка!

Он снова расхохотался, и сделал это так забавно, что Эмми тоже рассмеялась. За весь тот день Джос так и не появился. Но Амелия не испытывала по этому поводу никаких опасений, потому что маленькая интриганка действительно отправила пажа, адъютанта мистера Самбо, на квартиру к мистеру Джозефу, чтобы узнать, как он поживает, и получить ответ через слугу Джоза, мистера Браша, и в ответе было, что его хозяин болен и лежит в постели, и только что у него был доктор.

«Он должен приехать завтра», — подумала она, но у неё так и не хватило смелости заговорить на эту тему с Ребеккой, да и сама молодая женщина ни разу не упомянула об этом в течение всего вечера после встречи в Воксхолле. Однако на следующий день, когда две молодые леди сидели на диване, делая вид, что работают, или пишут письма, или читают романы, в комнату вошёл Самбо со своей обычной обаятельной улыбкой, с пакетом под мышкой и запиской на подносе.

— Записка от мистера Джоса, мисс! — сказал Самбо. Как дрожала Амелия, когда открывала её! Так там было написано: «Дорогая Амелия, посылаю тебе „Лесную сироту“. Вчера я был слишком болен, чтобы прийти. Сегодня я уезжаю из города в Челтнем. Прошу извинить меня, если сможете, особенно извиняюсь перед любезной мисс Шарп за моё поведение в Воксхолле и умоляю её простить и забыть каждое слово, которое я, возможно, произнёс в волнении после того рокового ужина. Как только я поправлюсь, поскольку мое здоровье сильно пошатнулось, я на несколько месяцев уеду в Шотландию и буду Искренне ваш, Джос Седли!»

Это был смертный приговор. Всё было кончено. Эмилия не осмеливалась взглянуть на бледное лицо Ребекки и её горящие глаза, но она бросила письмо на колени своей подруге, встала, поднялась наверх в свою комнату и разрыдалась навзрыд. Бленкинсоп, экономка, вскоре пришла к ней за утешением, и на плече у неё Амелия доверительно поплакала и вдоволь облегчила свою печаль.

— Не берите в душу, мисс. Мне не хотелось вам говорить. Но никому из нас в доме она не нравилась, разве что с самого начала. Я видел её собственными глазами, когда она читала письма вашей мамы. Пиннер говорит, что она всегда интересовалась вашшей шкатулкой для безделушек и ящичками, всеми остальными ящичками, и она уверена, что положила в свою коробку твой белый ободок!

— Я сама подарила это ей, я подарила это ей! — сказала Амелия. Но это не изменило мнения миссис Бленкинсоп о мисс Шарп.

— Я не доверяю этим гувернанткам, Пиннер! — сказала она горничной, — Они причёсываются, как леди, и получают за это не больше, чем мы с вами! Все они задаваки!

Теперь всем в доме, за исключением бедной Амелии, стало ясно, что Ребекке следует уехать, и все (за одним исключением) согласились, что это должно произойти как можно скорее. Наша добрая девочка перерыла все свои ящики, буфеты, ридикюли и коробки с безделушками, тщательно изучила все свои платья, косынки, бирки, коклюшки, кружева, шёлковые чулки и фалалеи, выбирая то одно, то другое, чтобы собрать небольшую коллекцию для Ребекки. И, отправившись к своему папаше, этому щедрому британскому купцу, который обещал дать ей столько гиней, сколько ей исполнится лет, она попросила старого джентльмена отдать эти деньги милой Ребекке, которая, должно быть, нуждалась в них, в то время как она ни в чем не испытывала недостатка. Она даже заставила Джорджа Осборна внести свой вклад, и он, как ни в чем не бывало (поскольку был таким же свободным молодым человеком, как и любой другой в армии), отправился на Бонд-Стрит и купил самую лучшую шляпу и спенсер, какие только можно было купить за деньги.

— Это подарок Джорджа тебе, Ребекка, дорогая! — сказала Амелия, очень гордясь тем, что в картонной коробке лежат эти подарки, -Какой у него прекрасный вкус! С ним никто не сравнится!

— Никто! — отвечала Ребекка. «Как я ему благодарна!» — подумала она в глубине души. «Это Джордж Осборн помешал моему браку». — И она полюбила Джорджа Осборна соответственно его заслугам.

Она готовилась к отъезду с большим хладнокровием и приняла все подарки от доброй маленькой Амелии, хотя и с неизбежными колебаниямит и неохотой. Разумеется, она поклялась в вечной благодарности миссис Седли, но не стала слишком навязываться этой доброй леди, которая была смущена и, очевидно, хотела избежать встречи с ней. Она поцеловала руку мистера Седли, когда он вручил ей кошелёк, и попросила разрешения в будущем считать его своим добрым другом и покровителем. Её поведение было настолько трогательным, что он собирался выписать ей чек еще на двадцать фунтов; но он сдержал свои чувства: его ждала карета, чтобы отвезти на ужин, поэтому он поспешно удалился, сказав: «Да благословит тебя Бог, моя дорогуша, всегда заходи сюда, когда приезжаешь в город, ты же знаешь. Гони в особняк лорд-мэра, Джеймс!.

Наконец-то наступило расставание с мисс Амелией, на картину которого я намерен набросить вуаль. Но после сцены, в которой один человек был серьёзен, а другой прекрасно играл, — после того, как были задействованы нежнейшие ласки, самые трогательные слёзы, флакончик с нюхательными духами и самые лучшие сердечные чувства, — Ребекка и Амелия расстались, поклявшись друг другу в любви, в любви на веки вечные.

Глава VII
Кроули из королевского Кроули

Среди наиболее уважаемых имён, начинающихся на букву «К», которые содержались в «Придворном Справочнике» за 1820 год, было имя Кроули, сэра Питта, баронета с Грейт-Гонт-Стрит из королевского Кроули, Хэмпшир. Это почетное имя также постоянно фигурировало в парламентском списке на протяжении многих лет, наряду с именами ряда других достойных джентльменов, которые по очереди баллотировались от этого округа. Рассказывают, что в связи с местечком Куинз-Кроули, королева Елизавета во время одной из своих поездок остановилась в Кроули позавтракать и была в восторге от замечательного хэмпширского пива, которое ей преподнес тогдашний Кроули (красивый джентльмен с аккуратной бородкой и красивыми ногами), что она немедленно превратила Кроули в город, дабы позволить ему послать двух членов в парламент; и со дня этого знаменательного визита местечко получило название Королевского Кроули, которое оно носит и по сей день. И хотя с течением времени и из — за тех изменений, которые с возрастом происходят в империях, городах и местечках, Куинз — Кроули уже не был таким густонаселённым местом, каким он был во времена Рыжей Бесс, — более того, он пришёл в то состояние, которое раньше называлось «Гнильём» — и всё же, как сказал бы сэр Питт Кроули с совершенной справедливостью в своей элегантной манере: «Гнилой? Будь я проклят — это гнильё приносит мне добрых полторы тысячи в год!»

Сэр Питт Кроули (названный в честь великого коммонера) был сыном Уолпола Кроули, первого баронета, занимавшего должность казначея в царствование Георга II, когда он, как и многие другие честные джентльмены тех дней, был привлечён к ответственности за растрату средств., как вряд ли нужно говорить, сын Джона Черчилля Кроули, названный в честь знаменитого военачальника времен правления королевы Анны. В генеалогическом древе (которое висит в Королевском Кроули) также упоминается Чарльз Стюарт, впоследствии прозванный Кроули без Костей, сын Кроули времен Якова Первого; и, наконец, Кроули королевы Елизаветы, который изображён на переднем плане картины в доспехах и с раздвоенной бородой. Из его жилета, как обычно, растёт дерево, на главных ветвях которого написаны вышеупомянутые знаменитые имена. Рядом с именем сэра Питта Кроули, баронета (героя настоящего повествования), написаны имена его брата, преподобного Бьюта Кроули (знаменитый коммонер был уже в опале, когда родился преподобный джентльмен), настоятеля Кроули-на-Снэйлби, и многих других мужчин и женщин — членов семьи Кроули. Сэр Питт был сначала женат на Гризель, шестой дочери Мунго Бинки, лорда Бинки, и, следовательно, двоюродной сестре мистера Дандаса. Она родила ему двух сыновей: Питта, названного не столько в честь отца, сколько в честь министра, рождённого на небесах, и Родона Кроули, от друга принца Уэльского, о котором его величество Георг IV совершенно забыл. Много лет спустя после кончины Её Светлости сэр Питт привёл к алтарю Розу, дочь мистера Дж. Доусона из Мадбери, от которой у него родились две дочери, для воспитания которых мисс Ребекка Шарп была нанята гувернанткой. Как видно, юная леди происходила из семьи с очень благородными связями и собиралась вращаться в гораздо более высоком кругу, чем тот скромный, который она только что покинула на Рассел-Сквер.

Она получила приказ присоединиться к своим ученикам в записке, которая была написана на старом конверте и содержала следующие слова:: «Сэр Питт Кроули просит мисс Шарп и Бэггиджа встретиться с ней во вторник, так как я отправляюсь в Королевский колледж Кроули завтра утром. Грейт-Гонт-стрит».

Ребекка, насколько мы можем судить, никогда не видела баронетов, и как только она попрощалась с Эмилией и пересчитала гинеи, которые добродушный мистер Седли положил в её кошелек, и как только она вытерла глаза носовым платком (эту операцию она завершила

в тот самый момент, когда карета свернула за угол улицы), она начала мысленно представлять себе, каким должен быть баронет.

«Интересно, он носит звезду? — подумала она, — или только лорды носят звёзды? Но он наверняка будет очень красиво одет в придворный костюм с оборками и слегка припудрит волосы, как мистер Раутон в Ковент-Гардене. Я полагаю, он будет ужасно горд, а ко мне отнесется с величайшим презрением. И всё же я должна как можно лучше переносить свою тяжелую участь — по крайней мере, здесь я буду среди БЛАГОРОДНЫХ людей, а не с вульгарными горожанами», — и она принялась думать о своих друзьях с Рассел-Сквер с той самой философской горечью, с которой по аналогии лиса говорит про виноград.

Проехав через Гонт-Сквер на Грейт-Гонт-Стрит, карета наконец остановилась у высокого мрачного дома между двумя другими высокими мрачными домами, у каждого из которых над средним окном гостиной был козырёк; как это принято в домах на Грейт-Гонт-Стрит, где, кажется, в этом мрачном месте, вечно царит смерть. Ставни на окнах первого этажа особняка сэра Питта были закрыты, окна столовой — приоткрыты, а жалюзи аккуратно заклеены старыми газетами. Конюх Джон, который один правил каретой, не захотел спуститься и позвонить в колокольчик и попросил проходившего мимо молочника выполнить эту обязанность за него.

Когда зазвонил колокольчик, в щели ставен столовой показалась голова, и дверь открыл мужчина в серых бриджах и гетрах, в старом грязном сюртуке, с грязным старым шейным платком, повязанным вокруг щетинистой шеи, с блестящей лысиной и хитрым красным лицом, на котором металась пара мерцающих серых глаз и имелся рот, постоянно растянутый в улыбке.

— Это заведение сэра Питта Кроули? — спрашивает Джон с козел.

— Да! — кивает головой мужчина у двери.

— Тогда отнесите вниз эти чемоданы! — говорит Джон.

— Неси сам! — отвечает носильщик.

— Разве вы не видите, что я не могу оставить своих лошадей? Иди сюда, помоги мне, мой славный друг, и мисс, дай бог, даст тебе на пиво, — сказал Джон с лошадиным смехом, потому что он больше не проявлял почтения к мисс Шарп, поскольку её связь с семьей оборвалась и она, уходя, ничего не дала слугам. Лысый мужчина, вынув руки из карманов бриджей, подошёл на зов и, закинув чемодан мисс Шарп на плечо, внёс его в дом.

— Возьмите, пожалуйста, эту корзинку и шаль и откройте дверцу, — сказала мисс Шарп и в сильном негодовании вышла из экипажа, — Я напишу мистеру Седли и сообщу ему о вашем поведении, — сказала она груму.

— Не надо! — ответил этот чиновник, — Я надеюсь, вы ничего не забыли? Платья мисс Мелии — они у вас где-то здесь — дих передали для горничной? Надеюсь, они вам подойдут. Закрой дверь, Джим, от НЕЕ ты ничего хорошего не добьёшься, — продолжал Джон, указывая большим пальцем на мисс Шарп. — Плохая компания, говорю тебе, плохая компания, — и с этими словами грум мистера Седли стал понукать лошадь и уехал. По правде говоря, он был привязан к горничной этой леди и возмущён тем, что у неё отняли все её привилегии.

Войдя в столовую по указанию человека в гетрах, Ребекка обнаружила, что в этом помещении не так весело, как обычно бывает в комнатах, когда благородные семьи уезжают за пределы города. Комнаты, как будто чувствуют, что преданы, и, похоже, скорбят об отсутствии своих хозяев. Турецкий ковёр свернулся и угрюмо закатился под сервант; картины спрятали свои лица за старыми листами обёрточной бумаги; лампа на потолке завернулась в унылый мешок из коричневой холстины; занавески на окнах скрылись под всевозможными потрёпанными кусками ветоши; мраморный бюст сэра «Уолпол Кроули» смотрел из своего тёмного угла на голые доски, смазанные жиром каминные щипцы и пустые подставки для карточек над каминной полкой: стеллаж спрятался за ковром, стулья перевернуты вверх дном вдоль стен: а в тёмном углу, напротив статуи, стоял старомодный обшарпанный ящик для ножей, запертый и криво стоящий на столике. Однако вокруг камина стояли два кухонных стула, круглый стол,

старая кочерга и щипцы, а на слабом, потрескивающем огне стояла кастрюля. На столе были хлеб и сыр, оловянный подсвечник и пинтовая банкас с недопитым чёрным портером.

— Вы, наверное, уже поужинали? Здесь не слишком жарко для вас? Не хотите ли глоток пива?

— Где сэр Питт Кроули? — величественно спросила мисс Шарп.

— Хо-хо! Я и есть сэр Питт Кроули! Напомню, что вы должны мне пинту пива за то, что я принёс ваш багаж! Хе-хе-хе! Не верите? Спросите Тинкера, это я или не я! Госпожа Тинкер, мисс Шарп; мисс гувернантка, миссис уборщица. Хо-хо! Леди, к которой обращаются «миссис». Ха-ха!

В этот момент появилась Тинкер с трубкой и пачкой табака, за которыми её послали за минуту до прихода мисс Шарп, и передала все это сэру Питту, занявшему своё место у камина.
— А где сдача? Где фартинг? — сказал он, — Я дал тебе три полпенса. Где сдача, старая карга?

— Вот! — ответила миссис Тинкер, швырнув монету, — Только баронеты пекутся о каких-то фартингах!

— Фартинг в день — это семь шиллингов в год, — ответил член парламента, — Семь шиллингов в год — это проценты с семи гиней. Береги свои фартинги, старче, и ваши гинеи будут в порядке вещей.

— Можете не сомневаться, это сэр Питт Кроули, юная леди! — сказала миссис Кроули — Тинкер, и добавила угрюмо, — Потому что он думает только о своих фартингах! Скоро ты, не приведи господи, узнаешь его получше!

— И я точно понравлюсь вам ничуть не хуже, чем все остальные, мисс Шарп! — сказал пожилой джентльмен почти вежливо. — Прежде чем проявить щедрость, я должен быть справедливым!

— Он в жизни не подал никому ни одного фартинга! — проворчала Тинкер, — Не хочет унижать нищих и голодных!

— Не дал и никогда, и никогда не подам: это противоречит моим принципам. Тинкер, если хочешь присесть, принеси из кухни ещё один стульчик, а потом мы немного поужинаем!

Вскоре баронет погрузил вилку в кастрюлю, стоявшую на огне, и вытащил из неё кусок рубца и луковицу, которые разделил на довольно равные части и одну из них протянул миссис Тинкер.

— Видите ли, мисс Шарп, когда меня здесь нет, Динь-динь получает зарплату: когда я в городе, она обедает с семьей. Ого! ого! Ха-ха-ха! Я рад, что мисс Шарп не голодна, экономия нам не помешает, а вы, Динь-Динь?

И они принялись за свой скромный ужин. После ужина сэр Питт Кроули закурил трубку, а когда совсем стемнело, он зажёг свечу в оловянном подсвечнике и, достав из своего необъятного кармана огромную пачку бумаг, принялся читать их и приводить в порядок.

— Я здесь по судебным делам, моя дорогая, и вот таким образом получилось, что завтра я буду иметь удовольствие путешествовать с такой хорошенькой спутницей.

— Он всегда занимается юридическим крючкотворством! — сказала миссис Тинкер, берясь за кружку с портером.

— Пей! Пей себе на здоровье! — сказал баронет, — Да, моя дорогая, Тинкер совершенно права: я проиграл и выиграл больше судебных процессов, чем кто-либо другой в Англии. Взгляни на «Кроули, Барт против Снаффла». Я вышвырну его вон, или меня зовут не Питт Кроули. Поддер и ещё один фрукт против барта Кроули. Надзиратели округа Снейли против Барта Кроули. Они не смогут доказать, что это обычное дело: я брошу им вызов; земля моя! Это принадлежит приходу не больше, чем тебе или Тинкер. Я облапошу их, даже если это обойдётся мне в тысячу гиней. Просмотрите бумаги, можете, если хотите, моя дорогая. У вас хороший почерк? ВЫ наверняка будете мне полезны, когда мы окажемся в Королевском Кро-

ули, можете не сомневаться, мисс Шарп. Теперь, когда вдовствующая герцогиня мертва, мне нужен кто-нибудь на замену.

— Она была такой же плохой, как и он! — сказала Тинкер, — Она подчинила закону каждого из своих слуг и за четыре года прогнала к чёртовой матери сорок восемь лакеев!

— Она была близка, очень близка мне, такая же прижима, — просто ответил баронет, — но для меня она была уважаемой женщиной и сэкономила мне место управляющего.

И в таком доверительном тоне, к большому удовольствию новоприбывшей, беседа продолжалась довольно долго. Какими бы ни были качества сэра Питта Кроули, хорошими или плохими, он ни в малейшей степени не скрывал их. Он без умолку говорил о себе, иногда с грубейшим хэмпширским акцентом, иногда принимая тон светского человека. И вот, наказав мисс Шарп быть готовой к пяти утра, он пожелал ей спокойной ночи.

— Сегодня ты будешь спать с Тинкер, — сказал он. — Это большая кровать, и в ней хватит места для двоих. Леди Кроули умерла на ней. Спокойной ночи.

После этого благословения сэр Питт удалился, а торжественная Лудильщица со свечой в руке поднялась по широкой каменной лестнице, миновал большие унылые двери гостиной, ручки которых были обёрнуты бумагой, и вошла в большую переднюю спальню, где леди Кроули провела свою последнюю ночь. Кровать и комната и в самом деле выглядели такими похоронными и мрачными, что можно было подумать, будто леди Кроули не только умерла в этой комнате, но умерла только вчера и с тех пор в ней обитает её призрак. Ребекка, однако, носилась по квартире с величайшей живостью и заглянула в огромные платяные шкафы, в подсобные помещения и в буфеты, проверяла ящики, которые были все заперты, рассматривала унылые картины и предметы туалета, пока старая уборщица читала молитвы. — Я бы не хотела спать в вашей постели без зазрения совести, мисс, — сказала пожилая женщина.

— Здесь хватит места для нас двоих и ещё полудюжины привидений, — сказала Ребекка, — Расскажите мне всё о леди Кроули, сэре Питте Кроули и обо всех остальных, моя ДОРОГАЯ миссис Тинкер. Но старушка Тинкер не поддалась на уговоры этой маленькой задиры и, дав ей понять, что кровать — это место для сна, а не для разговоров, устроила в своем углу такой храп, какой может издавать только невинный старческий носик.

Ребекка долго-долго лежала без сна, думая о завтрашнем дне, о новом мире, в который она попала, и о своих шансах на успех там. В раковине мерцал огонек каминной лампы. Каминная полка отбрасывала огромную чёрную тень на половинку старого заплесневелого сервиза, над которым, без сомнения, работала Её покойная Светлость, и на две маленькие семейные фотографии молодых людей, один в университетской мантии, а другой в красной куртке, как у солдата.

Когда Ребекка легла спать, она выбрала именно этот сон. В четыре часа, в такое розовое летнее утро, что даже Грейт-Гонт-стрит казалась весёлой, верная Тинкер, разбудив свою соседку по постели и велев ей готовиться к отъезду, отперла дверь большого зала (лязг и хлопки которой разбудили спящее эхо на улице), и выйдя на Оксфорд-Стрит, она вызвала карету, стоявшую там на стоянке. Нет необходимости уточнять номер транспортного средства или говорить, что водитель остановился в такое раннее время в районе Своллоу-Стрит в надежде, что какому-нибудь молодому самцу, возвращающемуся домой из таверны, может понадобиться помощь его транспортного средства, и он заплатит ему со щедростью классического пьяницы. Также нет нужды говорить, что кучер, если у него и были какие-то надежды, подобные изложенным выше, был жестоко разочарован; и что достойный баронет, которого он вёз в Сити, не дал ему ни пенни сверх того, что заплатил за проезд. Напрасно Иегу взывал к лучшим свойствам седокаи бушевал; напрасно он швырял картонки мисс Шарп в канаву у ворот и клялся, что снимет сних всех шкуру, поступит по закону, как ему заблагорассудится, и честный, непреклонный суд взыщет с этих негодяев всё вплоть до неустойки! Напрасно!.

— Попытка — не пытка! Но лучше не стоит! — пробурчал один из конюхов, — Это как-никак сэр Питт Кроули!

— Вот именно, Джо! — закричал одобрительно Баронет, — Желал бы я узреть того, кто меня сделает! Вот вам на чай!

И с перекошеннной миной он сотворил жест, который я не могу описать в этой законопослушной и целомудренной книге.

— Да и я тоже желал бы! — подтвердил Джо, угрюмо усмехаясь и запихивая багаж баронета на крышу дилижанса.

— Оставь там место на козлах для меня, капитан! — голосом Эдмунда Кина продекламировал член парламента в сторону кучера, желая услышать мгновенно прозвучавший ответ:

— Слушаюсь, сэр Питт!

Ответ возницы сопровождался салютом в виде торжественного прикосновения к шляпе и свирепого проклятия в глубине души, поскольку место на козлах незадолго до того было обещано юному джентльмену из Кембриджа, который наверняка был готов поделиться с возницей тяжёленькой, полновесной кроной. Маленькая мисс Шарп была усажена на заднем сиденье экипажа, увозившего её, мягко говоря, прямиком в непредсказуемый, большой Мир.

Потом изрядно помрачневший молодой человек из Кембриджа стал укладывать свои пять шинелей на переднее сиденье.

Молодой человек из Кембриджа угрюмо выставил свои пять пальто вперёд, но смирился, когда маленькую мисс Шарп заставили выйти из экипажа и сесть рядом с ним, и он заботлиов укрыл её одной из своих шинелей от Бенджамина и пришёл в совершенное благодушие, на свои места уселись джентльмен, страдающий астмой, чопорная дама, которая, клянусь своей священной честью, заявила, что никогда раньше не ездила в общественном экипаже (в карете всегда отыскиваются такие дамы — увы! Или точнее говоря, находились, ибо; что касается карет, то где они?), толстая вдова с бутылкой бренди — все они заняли свои места внутри, — носильщик Джо попросил у всех денег и получил шесть пенсов от джентльмена и пять засаленных полупенсовиков от толстой вдовы, — и карета, наконец, тронулась, теперь уже направляясь к выходу из темных переулков Олдерсгейта, а затем и миновала голубой купол собора Св. «Пол», быстро затеявший трезвон при появлении незнакомцев у входа в Флит-Маркет, который со сменой Эксетера теперь окончательно отошёл в мир теней, — как они миновали «Белого Медведя» на Пикадилли и видели, как утренний туман поднимается над маркет-гарденс в Найтсбридже, а Тернемгрин, Брентвуд, Бэгшот остались позади, но об этом слишком подробно здесь рассказывать не нужно. В любом случае автор этих строк, который в прежние времена, при такой же ясной погоде, совершал такое же замечательное путешествие, не может не вспоминать о нём без сладкого меланхолического сожаления.

Где теперь эта дорога и её весёлые изгибы? Неужели нет Челси или Гринвича, где жили бы старые добрые кучера с прыщавыми, красными носами? Интересно, где они, эти славные парни? Жив ли старина Уэллер или умер? И официанты, да, и слуги, да и сами постоялые дворы, в которых они ждали, и холодные куски говядины внутри, и низкорослый конюх с посиневшим носом и позвякивающим ведерком — где все они, и где и х славное поколение?

Для тех великих гениев, которые сейчас носят нижние юбки и гукают в младенческих колыбелях, и которые будут писать романы для детей любимого читателя, эти люди и события станут такой же легендой и историей, как Ниневия, Ричард Львиное Сердце или Джек Шеппард. Для них скрипучие дилижансы превратятся в романсы и романы, а команда из четырех гнедых станет такой же сказкой, как Буцефал или Чёрная Бесс.

Ах, как блестели их бока, когда конюхи снимали с них попоны, и они дружно припускали они в бф\ыструю рысь, устремляясь прочь, ах, как тряслись их хвосты, когда, выйдя из дилижанса, они с дымящимися боками скромно удалялись на постоялый двор. Увы! Мы больше никогда не услышим, как в полночь пропоёт горн, и не увидим, как распахнутся ворота. Куда

же, однако, везет нас лёгкая трафальгарская карета, запряженная четвёркой? Давайте без дальнейших церемоний высадимся в Королевском Кроули и посмотрим, как там справляется мисс Ребекка Шарп.

Глава VIII
Лично и конфиденциально

«От Мисс Ребекки Шарп к мисс Амелии Седли, Рассел-сквер, Лондон. (Бесплатно. — Питт Кроули)

МОЯ ДОРОГАЯ, МИЛЕЙШАЯ АМЕЛИЯ!

С каким чувством радости и печали я берусь за перо, чтобы написать моему самому дорогому другу! О, какая разница между сегодняшним днём и вчерашним! Теперь у меня нет друзей и я одинок; вчера я был дома, в милой компании сестры, которую я всегда, всегда буду любить! Я не буду рассказывать тебе, в каких слезах и печали я провел ту роковую ночь, когда расстался с тобой. Во вторник вы отправились навстречу радости и счастью, рядом с вами были ваша мать и ВАШ ПРЕДАННЫЙ МОЛОДОЙ СОЛДАТ; и я весь вечер думал о вас, о том, как вы танцевали у Перкинсов, самая красивая, я уверен, из всех юных леди на балу. Грум привез меня в старом экипаже в городской дом сэра Питта Кроули, где после того, как грум Джон повёл себя со мной самым грубым и наглым образом (увы! Ему можно было смело оскорблять бедность и чужое несчастье!), меня передали на попечение сэра П. и заставили провести ночь в старой мрачной постели рядом с ужасной мрачной старой уборщицей, каргой, которая ведёт здесь хозяйство. За всю ночь я ни разу не сомкнула глаз. Сэр Питт совсем не такой, каким мы, глупые девчонки, представляли себе баронета, когда читали «Сесилию в Чизвике». На самом деле, невозможно представить себе что-либо менее похожее на лорда Орвилла. Представьте себе старого, коренастого, низкорослого, вульгарного и очень грязного человека в старой одежде и поношенных гетрах, который курит отвратительную трубку и готовит себе отвратительный ужин в кастрюле на очаге. Он говорит с деревенским акцентом и много ругается на старую уборщицу, орёт на кучера наёмного экипажа, который довёз нас до гостиницы, откуда отправлялась карета, и на которой я проделала БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ПУТИ. На рассвете меня разбудила поденщица, и, когда я приехала в гостиницу, меня сначала усадили в карету. Но когда мы добрались до местечка под названием Ликингтон, там начался очень сильный дождь — вы не поверите? — Я был вынужден выйти на улицу, поскольку сэр Питт — владелец дилижанса, а в Мадбери прибыл пассажир, которому требовалось место внутри, мне пришлось выйти на улицу под дождь, где, однако, молодой джентльмен из Кембриджского колледжа очень любезно приютил меня и укрыл. несколькими отличными шинелями Этот джентльмен и охранник, по-видимому, были очень хорошо знакомы с сэром Питтом и много смеялись над ним. Они оба в один голос назвали его старым пройдохой, что означает «очень скупой тип». Он никогда никому не даёт денег, говорили они (и я ненавижу эту подлость); и молодой джентльмен заставил меня заметить, что последние два этапа пути мы ехали очень медленно, потому что сэр Питт был на козлах, и потому что он владелец лошадей на этой части дороги.

«Но уж я их выпорю на славу, и буду как следует гнать до самого Скуошмора, когда получу вожжи в свои руки!» — заявил юный Студент так много говорил о землеустройстве, продаже земель, осушении и разработке грунта, а также о многом другом — об арендаторах и сельском хозяйстве, что я ничего не могла понять! Сэма Майлза поймали на браконьерстве, а Питер Бейли в конце концов отправился в работный дом.

«Так ему и надо», — сказал сэр Питт; — «он со своей чёртовой семейкой обмишуливали меня на этой ферме все эти сто пятьдесят лет».

Вероятно, это какой-то старый арендатор, я полагаю, который не смог уплатить аренду. Сэр Питт, конечно, мог бы сказать «он и его семья», но богатым баронетам не нужно следить за грамматикой, как нам, бедным гувернанткам. Когда мы проезжали мимо, я заметила красивый церковный шпиль, возвышающийся над старыми вязами в парке, а перед ними, посреди

лужайки и нескольких пристроек, вырос старый красный дом с высокими трубами, увитыми плющом, и окнами, сияющими на Солнце.

— Это ваша церковь, сэр? — спросила я.

— Да, чёрт возьми! — сказал сэр Питт, (только он употребил гораздо БОЛЕЕ ЗЛОЕ СЛОВО), — Как поживает Бьют, Ходсон? Ну, к слову это мой брат Бьют, мой дорогой, мой брат — священник. Пастор Бути-Зверь, как я его называю, ха-ха! Ходсон тоже рассмеялся, а затем, приняв более серьёзный вид и кивнув головой, сказал: «Боюсь, ему лучше, сэр Питт. Вчера он катался на своем пони, осматривал нашу кукурузу!

— Приглядывает, что ему обвалится с десятины, что его коромылом, (только и тут он употребил ещё худшее слово). Когда уж его грог угробит? Он такой же крепкий, как… старый этот… как его там… старый Мафусаил!

Мистер Ходсон снова расхохотался.

— Молодые люди вернулись домой из колледжа. Они так отделали Джона Скроггинса, что он чуть ногиунёс и едва не помер!

— Вломили оему ладшему лесничему?! — прорычал сэр Питт.

— Он копался на земле священника, сэр! — ответил мистер Ходсон, и сэр Питт в ярости поклялся, что, если он когда-нибудь поймает их за браконьерством на своей земле, он их выселитна каторгу, клянусь Господом, он это сделает и убьёт их всех.

Однако он сказал:

— Я продал право на «предоставление бенефиций», Ходсон; предупреждаю, никто из этой породы мерзкого отродья не получит её!

Тут мистер Ходсон сказал, что Баронет был совершенно прав: и я не сомневаюсь, что эти два брата никогда не были ни вчём согласны друг с другом, как это часто бывает с братьями, и сестрами тоже. Разве ты не помнишь двух мисс Скретчли из Чизвика, как они вечно ссорились, и Мэри Бокс, как она вечно колотила Луизу?

Вскоре, увидев двух маленьких мальчиков, собирающих хворост в лесу, мистер Ходсон по приказу сэра Питта выпрыгнул из кареты и бросился на них с хлыстом.

— Разберись с ними, Ходсон, — взревел баронет, — вытряси из них душу и приведи в дом этих бродяг; я засажу их за решетку так же верно, как то, что меня зовут Питт.

И вскоре мы услышали, как мистер Ходсон хлестнул кнутом по плечам маленьких рыдающих негодяев, и сэр Питт, увидев, что злоумышленники задержаны, подъехал к холлу. Все слуги были готовы встретить нас, и… Послушай, моя дорогая, прошлой ночью меня прервал ужасный стук в дверь. И как ты думаешь, кто это был? Сэр Питт Кроули в ночном колпаке и халате, такая фигура! Когда я отшатнулась от такого посетителя, он подошёл и выхватил у меня свечу.

— Никаких свечей после одиннадцати, мисс Бекки, — сказал он, — Ложись спать в темноте, ты, хорошенькая маленькая шлюшка“ (так он меня назвал), „и если не хочешь, чтобы я каждый вечер приходил за свечой, будь в постели не позднее одиннадцати.

И с этими словами они с мистером Хорроксом, дворецким, ушли, смеясь. Можете быть уверены, я больше не буду поощрять их визиты. Ночью они выпустили на волю двух огромных ищеек, которые всю прошлую ночь выли на Луну.

— Я зову собаку Горер, — сказал сэр Питт. — Она убила человека, который был у этой собаки хозяином, и она хозяйка быка, а ее мать я называл Флорой, но теперь я зову ее Ароарер, потому что она слишком стара, чтобы кусаться. Ха, ха!

Перед домом Куинз-Кроули, который представляет собой отвратительный старомодный особняк из красного кирпича с высокими каминными трубами и фронтонами в стиле королевы Рыжей Бесс, есть терраса, обрамлённая фамильными голубем и змеей, и оттуда открывается дверь в большой холл. И, о, моя дорогая, я уверена, что большой зал такой же большой и мрачный, как большой зал в дорогом замке Удольфо. Там есть большой камин, в который мы

могли бы поместить половину школы мисс Пинкертон, а решётка достаточно большая, чтобы зажарить по меньшей мере быка. По всей комнате развешаны, я не знаю, сколько поколений Кроули, некоторые с бородами и брыжами, некоторые в огромных париках и с вывернутыми наружу носками, некоторые одеты в длинные прямые хламиды, которые выглядят жесткими, как башни, а некоторые с длинными локонами, и, о, моя дорогушка! почти наверняка без корсетов. В одном конце холла находится большая лестница, вся из чёрного дуба, какой бы мрачной она ни казалась, а по обеим сторонам — высокие двери с оленьими головами над ними, ведущие в бильярдную и библиотеку, в большой жёлтый салон и в гостиные.

Я думаю, что на втором этаже по меньшей мере двадцать спален; в одной из них стоит кровать, на которой спала королева Елизавета, и сегодня утром мои новые ученики провели меня по всем этим прекрасным покоям. Уверяю вас, они не становятся менее мрачными от того, что ставни всегда закрыты; и почти ни в одной из комнат нет света, но когда в неё проникал свет, я воочию ожидала увидеть в комнате привидение. На втором этаже у нас классная комната, в которую с одной стороны ведёт моя спальня, а с другой — спальня юных леди. Далее идут апартаменты мистера Питта — мистера Кроули, как его зовут, — старшего сына, и мистера Родона Кроули — он такой же офицер, как и все, и сейчас находится со своим полком. Уверяю вас, недостатка в комнатах здесь нет. Я думаю, вы могли бы разместить в этом доме всех жителей Рассел-Сквер, и у вас было бы достаточно места. Через полчаса после нашего прибытия прозвенел большой звонок к обеду, и я спустилась вниз с двумя своими ученицами (это очень худенькие, невзрачные малышки десяти и восьми лет). Я спустилась в вашем дорогом муслиновом платье (из-за которого эта противная миссис Пиннер была так груба, потому что вы подарили его мне), потому что со мной должны обращаться как с членом семьи, за исключением праздничных дней, когда мы с юными леди обедаем наверху.

Итак, прозвенел звонок к обеду, и мы все собрались в маленькой гостиной, где сидит миледи Кроули. Она — вторая леди Кроули и мать юных леди. Она была дочерью торговца скобяными изделиями, и её брак считался удачным. Она выглядит так, словно когда-то была красавицей, и её глаза всегда плачут из-за утраты своей красоты. Она бледная, худощавая, с высоко поднятыми плечами, и, очевидно, ей нечего сказать в своё оправдание. Её пасынок, мистер Кроули, тоже был в комнате. Он был при полном параде, напыщенный, как гробовщик на похоронах. Он бледный, худой, некрасивый, молчаливый; у него тонкие ноги, впалая грудь, бакенбарды цвета сена и волосы цвета соломы. Он точная копия своей святой матери, которая висит над камином, — Гризельды из благородного дома Бинки.

— Это новая гувернантка, мистер Кроули, — сказала леди Кроули, подходя ко мне и беря за руку, — Мисс Шарп.

— О! — воскликнул мистер Кроули и, наклонив голову вперед, снова погрузился в чтение огромной брошюры, с которой был занят.

— Я надеюсь, вы будете добры к моим девочкам, — сказала леди Кроули, и ее розовые глазаснова наполнились слезами.

— Право, мама, конечно, она так и сделает! — сказала старшая, и я с первого взгляда поняла, что мне не нужно бояться ЭТОЙ женщины.

— Миледи, подано, — объявил дворецкий в чёрном, в необъятной белой рубашке с оборками, которые выглядели так, словно это были брыжи королевы Елизаветы, изображенные в холле; и, взяв мистера Кроули под руку, она повела его в столовую, куда Я последовал за ним, держа в каждой руке по маленькому ученику.

Сэр Питт уже был в комнате с серебряным кувшином в руках. Он только что спустился в погреб и тоже был при полном параде, то есть снял гетры и продемонстрировал свои маленькие коренастые ножки в чёрных шерстяных чулках. Буфет был заставлен сверкающей старинной посудой — старыми кубками, как золотыми, так и серебряными; старинными подносами и подставками для графинов, как будто мы были в магазине Ранделла и Бриджа. Всё на столе

тоже было из серебра, а по обе стороны буфета стояли два рыжеволосых лакея в ливреях канареечного цвета. Мистер Кроули прочитал длинную молитву, сэр Питт произнес «аминь», и с больших серебряных блюд были сняты крышки. — Что у нас на ужин, Бетси? — спросил баронет.

— Кажется, бульон из баранины, сэр Питт, — ответила леди Кроули.

— Mouton aux navets! (Мутон по-флотски!) — важно добавил дворецкий (произносите, пожалуйста, «мутонгонавви»), — на первое — potagede mouton I Ecossaise. В качестве гарнира pommesseterre au naturel и chou-fleur a l eau!.

— Баранина есть баранина, — сказал баронет, — и чертовски вкусная. Что это был за баран, Хоррокс, и когда вы его убили?

— Один из чернолицых шотландцев, сэра Питта, его мы зарезали в четверг.

— Кто-нибудь что-нибудь съел?

— Стил из Мадбери забрал седловину и две ноги, сэр Питт, но он говорит, что последняя была слишком молода и ужасно лохмата, сэр Питт.

— Не хотите ли немного травяной настойки, мисс… э-э… мисс Блант? — сказал мистер Кроули. — Превосходный шотландский бульон, моя дорогая! — сказал сэр Питт, — хотя его и называют французским именем.

— Я полагаю, сэр, что в приличном обществе принято называть блюдо так, как я его назвал! — надменно сказал мистер Кроули

И лакеи в канареечных сюртуках подали его нам на серебряных суповых тарелках с мутоном на пару. Затем принесли «эль с водой», который подали нам, юным леди, в бокалах. Я не знаток эля, но могу с чистой совестью сказать, что предпочитаю воду. Пока мы наслаждались трапезой, сэр Питт, воспользовавшись случаем, поинтересовался, что стало с бараньими лопатками.

— Я полагаю, их съели в комнате для прислуги, — смиренно ответила миледи. — Так оно и было, миледи, — ответил Хоррокс, — но и там мы почти ничего не узнаем. Сэр Питт разразился лошадиным смехом и продолжил свой разговор с мистером Хорроксом.

— Этот маленький черный поросенок кентской породы, должно быть, сейчас необычайно упитан.

— Он не совсем аппетитный, сэр Питт, — с самым серьёзным видом произнёс дворецкий, на что сэр Питт, а вместе с ним и юные леди, на этот раз разразились громким смехом.

— Мисс Кроули, мисс Роза Кроули, — сказал мистер Кроули, — ваш смех кажется мне чрезвычайно неуместным.

— Не обращайте внимания, милорд, — сказал баронет, — мы попробуем свинину в субботу. Джон Хоррокс, убейте его в субботу утром. Мисс Шарп обожает свинину, не так ли, мисс Шарп?

И я думаю, это весь разговор, который я запомнила за ужином. Когда трапеза завершилась, перед сэром Питтом поставили кувшин с горячей водой и початую бутылку, в которой, как я полагаю, был ром. Мистер Хоррокс налил мне и моим ученицам по три маленьких бокала вина, а миледи — по большому бокалу. Когда мы удалились, она достала из ящика для рукоделия огромное вязанье, которому не было конца; юные леди принялись играть в криббедж грязной колодой карт. У нас была зажжена только одна свеча, но она стояла в великолепном старинном серебряном подсвечнике, и после нескольких вопросов миледи я выбрала себе развлечение на выбор между сборником проповедей и брошюрой о хлебных законах, которую мистер Кроули читал перед обедом. Так мы просидели около часа, пока не послышались шаги.

«Уберите карты, девочки! — воскликнула миледи, дрожа всем телом, — Уберите книги мистера Кроули, мисс Шарп», — и едва эти приказы были выполнены, как в комнату вошел мистер Кроули.

«Мы продолжим вчерашнюю проповедь, юные леди, — сказал он, — и каждая из вас прочтет по странице по очереди, чтобы мисс а-мисс Шорт могла вас услышать», — и бедные девушки начали читать длинную унылую проповедь, прочитанную в часовне Бетесда в Ливерпуле. от имени миссии по защите индейцев Чикасо. Разве это не был очаровательный вечер? В десять слугам было велено позвать сэра Питта и всех домочадцев на молитву. Сэр Питт вошёл первым, сильно раскрасневшийся и несколько нетвёрдой походкой, а за ним дворецкий, канарейки, слуга мистера Кроули, ещё трое мужчин, от которых сильно пахло конюшней, и четыре женщины, одна из которых, как я заметил, была очень нарядно одета и которая бросив на меня полный презрения взгляд, она опустилась на колени. После того как мистер Кроули закончил свою речь и разъяснения, мы получили свечи и отправились спать; и тут я отвлеклась от своего письма, о чём уже рассказывала моей дражайшей Амелии. Спокойной ночи. Тысяча, тысяча, тысяча поцелуев!

Суббота. — Сегодня утром, в пять часов, я услышала визг маленького чёрного поросенка. Вчера Роза и Вайолет познакомили меня с ним, и с конюшнями, и с псарней, и с садовником, который собирал фрукты для отправки на рынок и у которого они с трудом выпросили гроздь тепличного винограда; но он сказал, что сэр Питт пронумеровал каждого «Мужчину Джека». из них, и это было бы ровно столько, сколько стоило бы отдать его место. Милые девочки поймали поросёнка в загоне и спросили меня, не хочу ли я прокатиться верхом, и начали кататься сами, когда конюх, разразившись ужасными ругательствами, прогнал их прочь. Леди Кроули всегда вяжет шерстяное полотно. Сэр Питт всегда навеселе, каждый вечер, и, по-моему, сидит с Хорроксом, дворецким. Мистер Кроули всегда читает проповеди по вечерам, а утром запирается в своем кабинете или же отправляется в Мадбери по делам графства, или в Сквошмор, где он читает проповеди по случаю — По средам и пятницам — для тамошних арендаторов. Сто тысяч благодарных слов вашим дорогим папе и маме. Оправился ли ваш бедный брат от сильного удара? О боже! О боже! Как же мужчинам следует остерегаться сильных ударов!

Навеки твоя РЕБЕККА

Учитывая все обстоятельства, я думаю, для нашей дорогой Амелии Седли с Рассел-Сквер будет лучше, если они с мисс Шарп расстанутся.

Ребекка, безусловно, забавное создание; и эти описания бедной леди, оплакивающей потерю своей красоты, и джентльмена «с бакенбардами цвета сена и волосами цвета соломы», несомненно, очень остроумны и свидетельствуют о большом знании мира. То, что она, стоя на коленях, могла думать о чем-то лучшем, чем ленточки мисс Хоррокс, возможно, поразило нас обоих. Но, мой любезный читатель, прошу вас помнить, что эта история называется «Ярмарка Тщеславия», и что Ярмарка Тщеславия — это очень тщеславное, порочное, гнилое место, полное всевозможного обмана, лжи, кадалова и претензий. И хотя моралист, который разглагольствует на обложке (точный портрет вашего покорного слуги), утверждает, что не носит ни мантии, ни подвязок, а только ту же самую длинноухую ливрею, в которую облачена его паства, все же, согласитесь, человек обязан говорить правду, насколько это возможно. как известно, независимо от того, надеваешь ли ты кепку с колокольчиками или шляпу лопатой; и в ходе такого предприятия должно всплыть много неприятного. Я слышал, как один из собратьев по ремеслу рассказчика историй в Неаполе, проповедуя на берегу моря перед кучкой ни на что не годных честных лентяев, доводил себя до такого бешенства и страсти по отношению к некоторым злодеям, чьи злодейские деяния он описывал и выдумывал, что зрители были в таком восторге. они не могли устоять перед этим напором, и вместе с поэтом потом разражались ревом проклятий в адрес вымышленного чудовища из сказки, так что шляпа вертелась, и подаяния падали в неё, сопровождаемы настоящей бурей сочувствия.

С другой стороны, в маленьких парижских театрах вы не только услышите, как люди кричат: «Ах, гредин! Ах, чудовище!» и проклинают тирана пьесы из лож; но сами актеры решительно отказываются играть порочные роли, напримр, таких неисправимых преступников, как

«английские злодеи», «жестокие казаки» и тому подобное, и предпочитают выступать даже за меньшую зарплату в роли настоящих лояльных французов. Я сопоставляю эти две истории друг с другом, чтобы вы могли понять, что нынешний исполнитель желает появиться и расправиться со своими злодеями не только из корыстных побуждений; а потому, что он испытывает к ним искреннюю ненависть, которую не может подавить и которая должна наконец найти выход в подходящих оскорблениях, поношении и сквернословии. Тогда я предупреждаю своих закопёрщиков- «друзей», что собираюсь рассказать историю о страшном злодеянии и сложном — но, как я надеюсь, чрезвычайно интересном — преступлении. Мои негодяи — не простые желторотые воришки, уверяю вас.

Когда мы дойдём до нужных мест, мы не пожалеем красивых выражений — нет, нет! Но когда мы едем по тихой местности, мы поневоле должны сохранять спокойствие. Буря в помойном ведре — это абсурд. Мы оставим это для «могучего океана» и «мрачной глухомани полуночи». Эта глава — вершина кротости и смирения. Другие — но мы не будем их предвосхищать. И по мере того, как мы будем выводить наших героев на авансцену, я попрошу разрешения, как человек и брат, не только представлять их, но и время от времени спускаться с трибуны и говорить о них: если они хорошие и доброжелательные, любить их и пожимать им руки, а если они окажутся глупы, то потешаться над ними вместе читателем; если они злы и бессердечны, оскорблять их в самых сильных выражениях, которые допускает вежливость и хорошие манеры.

В противном случае вы могли бы подумать, что это я насмехаюсь над божественным благочестием, которое мисс Шарп находит такой жуткой нелепицей; что это я добродушно подсмеиваюсь над шатающимся старым баронетом Силеном, тогда как смех исходит от человека, который ни к чему не испытывает никакого почтения, кроме богатства, и ни на что не обращает внимания за пределами успеха. Такие люди живут и процветают в мире — ни во что неверующие, потерявшие всякую надежду, лишенные милосердия: давайте же, дорогие друзья, нападём на них и ополчимся против них всеми своими силами. Есть среди них, и весьма преуспевающие, просто шарлатаны и дураки, и, без сомнения, именно для того, чтобы бороться с такими людьми и разоблачать их, и родился на сваете Мистер Смех.

Глава IX
Семейные портреты

Сэр Питт Кроули был философом, склонным к тому, чтобы иследовать так называемые низменнве стороны и формы жизни. Его первый брак с дочерью благородного Бинки был заключен с благословения его родителей; и, как он часто говорил леди Кроули при жизни, она была такой чертовски сварливой и высокородной девицей, что, когда она умерла, он бы повесился, если бы снова когда-нибудь его принудили жениться на девушке её типа, на ее светлости. После её кончины он сдержал обещание и выбрал себе в жёны мисс Роуз Доусон, дочь мистера Джона Томаса Доусона, скобяного торговца из Мадбери. Какой счастливой женщиной была Роза, став миледи Кроули! Давайте перечислим составляющие её счастья.

Во-первых, она бросила Питера Батта, молодого человека, который водил с ней компанию, и, вследствие своего разочарования в любви, занялся контрабандой, браконьерством и тысячью других дурных дел. Затем, повинуясь долгу службы, она поссорилась со всеми друзьями и закадычными подругами своей юности, которые, конечно же, не могли быть приняты миледи в королевском Кроули, а в своем новом положении и жилище она не нашла никого, кому следовало оказывать радушный прием в своём имении. И что в этом удивительного?

У сэра Хадлстона Фаддлстона было три дочери, и все они жили надеждой рано или поздно стать леди Кроули. Семья сэра Джайлса Уопшота была оскорблена тем, что одной из дочерей Уопшота не отдали предпочтение при заключении брака, а остальные баронеты графства были возмущены мезальянсом своего товарища. Не обращайте внимания на простолюдинов, которым мы предоставим возможность анонимно роптать!

Сэру Питту, по его словам, было наплевать на всех них сразу. У него была своя прелестная Роза, а что ещё нужно мужчине, как не доставлять удовольствие самому себе? Поэтому он напивался каждый вечер, иногда избивал свою хорошенькую Розу, оставлял её в Хэмпшире, когда уезжал в Лондон на парламентскую сессию, без единого друга на всем белом свете. Даже миссис Бьют Кроули, жена священника, отказалась навещать её, заявив, что никогда не отдала бы это место дочери торговца. Поскольку единственными достоинствами, которыми природа одарила леди Кроули, были розовые щёки и белая кожа, и поскольку у нее не было ни характера, ни талантов, ни убеждений, ни занятий, ни развлечений, ни той силы духа и вспыльчивости, которые часто выпадают на долю совершенно глупых людей женского пола, ее влияние на сэра Питта было не очень велико. Румянец довольно быстро завял на её щеках, а прелестная свежесть покинула ее фигуру тотчас же после рождения пары детей, после чего она превратилась в простой самодвижущийся механизм в доме своего мужа, от которой было не больше пользы, чем от рояля покойной леди Кроули.

Поскольку у неё был светлый цвет лица, она носила светлую одежду, и как большинство блондинок, предпочитала цвета морской волны или небесно-голубого. Она корпела дни и ночи над этой шерстью или другими подобными изделиями. За несколько лет она покрыла покрывалами все клумбы в Кроули. У неё был небольшой цветник, к которому она питала особую привязанность, но, кроме этого, ничего другого она не любила и не уважала. Когда муж был груб с ней, она становилась апатичной: всякий раз, когда он бил её, она плакала. У нее не хватило характера, чтобы пристраститься к выпивке, и она целыми днями ходила в неряшливой одежде и с бумажками для завивки волос.

О, Ярмарка Тщеславия! Так могло бы быть, если бы не ты, жизнерадостная девушка. Питер Батт и Роуз — счастливые муж и жена, живущие на уютной ферме, в дружной семье, с честной долей удовольствий, забот, надежд и борьбы. Но титул, тренер и четверо детей — это игрушки, которые дороже счастья. в «Ярмарке Тщеславия»: а если бы Гарри Восьмой или Синяя Борода были живы сейчас и захотели себе десятую жену, как вы думаете, они не смогли

бы заполучить самую красивую девушку, которая будет представлена в этом сезоне? Вялая скука их матери, как можно предположить, не пробудила особой любви в её маленьких дочерях, но они были очень счастливы в комнате для прислуги и на конюшне; а поскольку у садовника-шотландца, к счастью, была хорошая жена и несколько хороших детей, они получили немного полезного общества и образования в его охотничьем домике, который был единственным местом их обучения, пока не появилась мисс Шарп. Её помолвка была вызвана возражениями мистера Питта Кроули, единственного друга и защитника, который когда-либо был у леди Кроули, и единственного человека, не считая ее детей, к которому она питала слабую привязанность.

Мистер Питт был похож на благородных Бинки, от которых он происходил, и был очень вежливым и воспитанным джентльменом. Когда он вырос и вернулся из Крайстчерча, он начал восстанавливать пошатнувшуюся дисциплину в зале, несмотря на своего отца, который благоговел перед ним. Он был человеком такой строгой утончённости, что скорее умер бы с голоду, чем стал обедать без белого шейного платка. Однажды, когда он только что вернулся из колледжа, дворецкий Хоррокс принёс ему письмо, не положив его предварительно на поднос, и он бросил на этого слугу такой страшный взгляд, что Хоррокс с тех пор трепетал перед ним; все домашние кланялись ему: Папильотки леди Кроули — снимались раньше, когда он был дома: исчезали грязные гетры сэра Питта; и если этот неисправимый старик все еще придерживался других старых привычек, он никогда не накачивал себя до одури ромом с водой в присутствии сына и разговаривал со своими слугами только в очень сдержанной и вежливой манере; и эти люди заметили, что сэр Питт никогда не ругался с леди Кроули, когда его сын был дома, в своей комнате.

Именно он научил дворецкого говорить: «Миледи! Кушать подано!», и настоял на том, чтобы проводить её светлость к обеду. Он редко заговаривал с ней, но если и заговаривал, то с величайшим уважением; и он никогда не позволял ей выйти из квартиры, не поднявшись самым величественным образом, чтобы открыть дверь, и не отвесив элегантный поклон, когда она выходила.

В Итоне его прозвали мисс Кроули, и там, к сожалению, его младший брат Родон часто жестоко избивал его. Но хотя его роли и не были особенно блестящими, он восполнял недостаток таланта прилежным трудом, и за все восемь лет учебы в школе ни разу не подвергался тому наказанию, которого, как принято считать, не может избежать никто, кроме херувима. В колледже его карьера, конечно, была в высшей степени похвальной. И здесь он готовился к общественной жизни, в которую его должен был ввести патронаж своего деда, лорда Бинки, с большим усердием изучая древних и современных ораторов и постоянно выступая на дискуссионных клубах. Но, несмотря на то, что он прекрасно владел речью и произносил очередной ораторски опус своим негромким голоском с большой помпезностью и наслаждаясь самим собой, он никогда не высказывал никаких чувств или мнений, которые не были бы совершенно банальными и устаревшими и не подкреплялись латинскими цитатами; и всё же он каким-то образом потерпел неудачу, несмотря на посредственность, которая должна была обеспечить успех любому человеку. Он даже не получил приза за свою поэму, в которой, по словам всех его друзей, он был уверен, как в Солнце на следующее утро.

После окончания колледжа он стал личным секретарём лорда Бинки, а затем был назначен атташе в дипломатическую миссию в Пумперникеле, эту должность он исполнял с честью и доставлял домой депеши, состоящие из страсбургского пирога, министру иностранных дел того времени. Проработав десять лет атташе (через несколько лет после кончины оплакиваемого лорда Бинки) и обнаружив, что продвижение по службе идёт как-то омерзительно медленно, он в конце концов с некоторым отвращением оставил дипломатическую службу и начал превращаться в сельского джентльмена. По возвращении в Англию он написал брошюру о солоде (поскольку был честолюбивым человеком и всегда любил выступать перед публикой) и

принимал активное участие в решении вопроса об эмансипации негров. Затем он подружился с мистером Уилберфорсом, политикой которого восхищался, и вступил в знаменитую переписку с преподобным Сайласом Хорнблауэром о миссии Ашанти.

Он был в Лондоне в мае, если не на сессии парламента, то, по крайней мере, на религиозных собраниях. В этой стране он был мировым судьей, а также активным посетителем и оратором среди тех, кто не имел религиозного образования. Поговаривали, что он ухаживал за леди Джейн Шипшенкс, третьей дочерью лорда Саутдауна, сестра которой, леди Эмили, написала эти очаровательные трактаты «Настоящий нактоуз моряка» и «Яблочница из Финчли-Коммон».

Рассказы мисс Шарп о его работе в королевском Кроули не были карикатурами. Он заставлял тамошних слуг выполнять вышеупомянутые религиозные упражнения, к которым (и тем лучше) он привлекал своего отца. Он покровительствовал Независимому молитвенному дому в приходе Кроули, к большому негодованию своего дяди-настоятеля и, как следствие, к удовольствию сэра Питта, которого раз или два уговорили сходить туда самому, что вызвало несколько яростных проповедей в приходской церкви Кроули, направленных против старого готического дома баронета. (Сядь вон там на скамью!) Однако честный сэр Питт не чувствовал всей всепроникающей силы этих речей, поскольку всегда дремал во время проповеди.

Мистер Кроули, топая всеми ногами, очень настаивал на том, чтобы ради блага нации и христианского мира старый джентльмен уступил ему место в парламенте, но тот неизменно отметал эту провокацию, и отказывался это сделать. Оба, конечно, были слишком благоразумны, чтобы отказаться от полутора тысяч фунтов в год, которые приносило второе место (его в тот период его занимал мистер Куадрун, имевший карт-бланш в вопросе о рабах); действительно, семейное поместье было в большом затруднении, со всех сторон обложено долгами, и доходы, получаемые из городка, приносили большую пользу семье, спасая от жизненных смерчей дом королевского Кроули. Он так и не возместил крупный штраф, наложенный на Уолпола Кроули, первого баронета, за растрату в конторе клейкой ленты и сургучных печатей. Сэр Уолпол был весёлым малым, любившим прибрать к рукам и быстро спустить любую деньгу («Alieni appetens sui profusis» («Любитель чужого теряет своё!»), — как со вздохом заметил бы мистер Кроули), и в свое время его любили во всем графстве за постоянное пьянство и неистовое, бесшабашное гостеприимство, царившие в королевском Кроули. Тогда погреба были полны бургундского, псарни — гончими, а конюшни — доблестными охотниками; теперь лошади, принадлежавшие королевскому Кроули, отправились на пахоту или отчаянно тащили Трафальгарскую Карету; и именно с упряжкой этих самых кляч в выходной день мисс Шарп была доставлена в поместье.

Хотя сэр Питт и был неисправимым грубияном, он, оставаясь дома, свято чтил свое достоинство и редко выезжал из дому без четверки лошадей, хотя и питался вареной бараниной У него всегда было три лакея, которые обслуживали его. Если бы простая скупость могла сделать человека богатым, сэр Питт Кроули мог бы стать очень богатым человеком — если бы он был адвокатом в провинциальном городке, не располагая никаким капиталом, кроме своих мозгов, вполне возможно, что он использовал бы их с пользой и, возможно, добился бы очень значительного состояния, славы и влияния. Но, к несчастью, он был наделён добрым именем и большим, хотя и обременённым имуществом, и то и другое скорее вредило ему, чем способствовало продвижению по службе. Он увлекался юриспруденцией, которая обходилась ему во многие тысячи фунтов в год; и, будучи, по его словам, слишком умён, чтобы быть ограбленным каким-то одним агентом, позволил дюжине людей, которым он в равной степени не доверял, с катастрофическим шиком управлять своими делами. Он был таким рачительным землевладельцем, что едва мог найти кого-нибудь, кроме разорившихся арендаторов; и таким закоренелым фермером, что, как кощей, дрожад над каждый зёрнышком, после чего мстительная природа начинала экономить на его урожае, когда более щедрые земледельцы купались в зерне.

Он спекулировал всеми возможными способами: рылкопи и шахты, покупал акции канала, водил кареты, заключал правительственные контракты и был самым занятым человеком и мировым судьёй в своем графстве. Поскольку он не хотел платить честным работникам своего гранитного карьера, то вконце концов с удовлетворением обнаружил, что четверо надсмотрщиков сбежали и увезли с собой в Америку целое состояние его денег.

Из-за отсутствия надлежащих мер предосторожности его угольные шахты заполнились водой; правительство выдало ему контракт на поставку испорченной говядины; а что касается его почтовых лошадей, то каждый владелец почты в королевстве знал, что он потерял больше лошадей, чем кто-либо другой в стране, из-за недоедания и дешевой покупки у цыганских баронов.

По характеру он был общителен и далек от гордыни; более того, он предпочитал общество фермера или торговца лошадьми обществу джентльмена, такого, как его сын милорд: он любил выпить, поскверносло вить в волю, попракалываться над дочерьми фермеров; и никто не верил, что он даже на краю могилы пожертвует хоть шиллинг или совершит какой-нибудь добрый поступок. Но всегда он был в приятном, лукавом, весёлом настроении и всегда был готов пошутить, выпить стаканчик с арендатором и продать и пукстить с молотка его имущество ровно на следующий день; или посмеяться с браконьером, которого он перевозил, с таким же добродушием, чтобы назавтра арестовать и отправить на каторгу.

Мисс Ребекка Шарп уже намекала на его нечеловеческую галантностьпо отношению к прекрасному полу — одним словом, во всем баронетстве, пэрстве, и быдлостане Англии не было более хитрого, подлого, эгоистичного, глупого старика с такой дурной репутацией. Эта кровавая клешня сэра Питта Кроули была бы оказаться в чьём угодно кармане, только не в его собственном; и мы, поклонники британской аристократии, с горечью и болью вынуждены признать существование стольких дурных качеств у человека, чье имя занесено в знаменитый генеалогический словать Дебретта.

Одна из главных причин, по которой мистер Кроули был так сильно привязан к своему отцу, заключалась в их денежных отношениях. Баронет задолжал своему сыну некоторую сумму денег из наследства его матери, которую счёл неудобным выплатить; более того, он испытывал почти непреодолимое отвращение к тому, чтобы платить кому бы то ни было, и заставить его расплатиться с долгами можно было только силой.

Мисс Шарп подсчитала (ибо, как мы вскоре узнаем, она была посвящена в большинство семейных тайн), что одна лишь оплата долгов достопочтенному баронету обходилась в несколько сотен фунтов стерлингов ежегодно; но это было несказанное удовольствие, от которого он не мог отказаться; ему доставляло дикое наслаждение заставлять бедняг ждать и переносить сроки удовлетворения от суда к суду и от срока к сроку. Какой смысл быть в парламенте, говорил он, если ты должен платить свои долги? Следовательно, его положение сенатора было для него в немалой степени полезным.

О, Ярмарка Тщеславия — Ярмарка тщеславия! Это был человек, который не умел писать по буквам и неневидел читать, человек с нравом и хитростью мелкого хулигана и грубияна, целью жизни которого было встрясть в драку, и никогда не было вкуса, эмоций или удовольствий, кроме самых низменных и отвратительных; и все же у него было положение, и почести, и власть, и так или иначе, он был сленом элиты и сановником страны, можно сказать, столпом государства. Он был верховным шерифом и всегда разъезжал в золотой карете. За ним увивались великие министры и государственные деятели, а на Ярмарке Тщеславия он занимал более высокое положение, чем самый блестящий гений или самая безупречная добродетель с сияющими белоснежными крыльями.

У сэра Питта была незамужняя сводная сестра, унаследовавшая большое состояние своей матери, и хотя баронет предложил занять у нее эти деньги под залог, мисс Кроули отклонила это предложение и дерзко предпочла сохранить деньги в целости и сохранности. Однако она

заявила о своем намерении разделить свое наследство между вторым сыном сэра Питта и семьей священника и раз или два оплатила долги Родона Кроули за время его учебы в колледже и службы в армии. Как следствие, мисс Кроули пользовалась большим уважением, когда приезжала в Куинз-Кроули, поскольку у неё был такой счет в банке, что её полюбили бы где угодно и кто угодно. Удивительно, какое уважение и вес могут придать пожилой даме её банковские счета! С какой нежностью мы смотрим на её кромешные недостатки, если она наша родственница (и пусть у каждого читателя их будет не одна дюжина), какой доброй и добродушной старушкой мы её считаем! Как младший партнёр «Хоббс и Доббс», улыбаясь, провожает её к экипажу, украшенному ромбом, и к толстому кучеру с хриплым голосом! Когда она приходит к нам в гости, мы обычно находим возможность рассказать нашим друзьям о её положении в обществе! Мы говорим (и это чистая правда): «Хотел бы я, чтобы у меня была подпись мисс Макуиртер на чеке на пять тысяч фунтов!» «Это для неё сущий пустяк!» — говорит ваша жена. «Она моя тётка!» — говорите вы легко и беспечно, когда ваш друг спрашивает, не родственница ли вам мисс Макуиртер. Ваша жена постоянно присылает вам свои маленькие свидетельства любви, ваши маленькие девочки вяжут для неё бесконечные шерстяные корзиночки, радикюли, подушки и скамеечки для ног. Какой чудесный огонь горит в её комнате, когда она приходит навестить вас, хотя ваша жена зашнуровывает свои корсеты в давно нетопленой спальне!

Дом во время её пребывания приобретает праздничный, опрятный, тёплый, весёлый, уютный вид, которым не может похвастаться в другое время года. Вы сами, дорогой сэр, забываете лечь спать после обеда и вдруг обнаруживаете, что вам чудовищно нравится вист (хотя вы неизменно проигрываете). Какие у вас вкусные обеды — дичь каждый день, мальвазия с мадерой и бесконечное количество рыбы из Лондона. Даже кухонная прислуга участвует в общем процветании; и каким-то образом за время пребывания толстого кучера мисс Макуиртер пиво становится намного крепче, а на потребление чая и сахара в детской (где обедает и горничная) не обращают ни малейшего внимания.

Так это или не так? Я обращаюсь к представителям среднего класса! О, всеблагие и всемилостивые Силы Небесные! Я бы хотел, чтобы вы прислали мне старую тетку — незамужнюю тётю — тетю с золотым гербом в виде ромба на дверце кареты и копной волос светло-кофейного цвета — чтобы мои дочки клепали для неё слезами любви вышитые радикюли, а мы с Джулией позаботились о том, чтобы ублажить её и ей было удобно! Милое-премилое видение! Безумная мечта идиота!

Глава X
Мисс Шарп начинает заводить друзей

И теперь, когда Ребекка была любезно принята как член семьи, портреты которой мы набросали на предыдущих страницах, её естественным долгом стало, как она выразилась, донельзя понравиться своим благодетелям и сделать всё, что в ее силах, чтобы завоевать их высокое доверие. Кто может не восхищаться такой благородной признательностью со стороны столь беззащитной сироты! И даже если в её расчетах была доля эгоизма, кто может сказать, что её благоразумие не было вполне оправданным?

«Я одна на свете», — рассудительно мозговала девушка, оставшаяся без друзей, — Мне нечего искать и не на что надеяться, кроме того, что может доставить мне мой собственный труд; и в то время как у этой розовощекой крошки Амелии, не обладающей и половиной моего здравого смысла и благородства, есть десять тысяч фунтов и надёжное жилье, бедняжке Ребекке (а у меня фигура намного лучше, чем у неё) остается надеяться только на себя и свой ум. Что ж, давайте посмотрим, сможет ли мой ум обеспечить мне достойное содержание, и смогу ли я когда-нибудь доказать мисс Амелии своё истинное превосходство над ней! Не то чтобы я недолюбливал бедняжку Амелию: кто может не любить такое безобидное, добродушное создание?… но настанет прекрасный день, когда я смогу занять в этом мире более высокое положение, чем она, а почему бы и нет?

Вот так и получилось, что наша маленькая романтичная подруга составила для себя представление о будущем — и не стоит удивляться, что во всех её воздушных замках главным обитателем был муж. О чем еще должны думать юные леди, как не о мужьях? О чем еще думают их дорогие мамочки?

— Я должна быть сама себе мамой, — сказала Ребекка; не без острого чувства поражения, когда она вспоминала о своем маленьком злоключении с Джосом Седли. Поэтому она мудро решила сделать свое положение в королевской семье Кроули удобным и защищенным, и с этой целью решила подружиться со всеми, кто мог бы хоть как-то помешать её комфорту. Поскольку миледи Кроули не принадлежала к числу таких особ и, кроме того, была женщиной настолько ленивой и бесхарактерной, что не пользовалась ни малейшим влиянием в своем собственном доме, Ребекка вскоре обнаружила, что вовсе не обязательно добиваться её расположения — более того, его невозможно завоевать. Она имела обыкновение говорить со своими ученицами об их «бедной маме»; и, хотя она относилась к этой даме со всеми проявлениями холодного уважения, основную часть своего внимания она мудро направляла на остальных членов семьи. С молодыми людьми, чьи аплодисменты она заслужила, её метод был довольно прост. Она не донимала их юные умы слишком большим количеством знаний, а, напротив, позволяла им поступать по-своему в том, что касается самообразования; ибо что может быть эффективнее самообразования? Старший из них очень любил книги, и, поскольку в старой библиотеке Королевского колледжа Кроули имелось значительное количество произведений популярной литературы прошлого века, как на французском, так и на английском языках (они были приобретены секретарем Отдела клейкой ленты и сургучных печатей в период его молодости), а поскольку никто, кроме неё самой, никогда не трогал книжные полки, Ребекка получила возможность, так сказать, играя, давать мисс Роз Кроули много полезных советов. Таким образом, они с мисс Роуз прочитали вместе множество восхитительных французских и английских романов, среди которых можно упомянуть работы учёного доктора Смоллетта, изобретательного мистера Генри Филдинга, изящного и фантастического месье Кребийона младшего, которым так восхищался наш бессмертный поэт Грей, и универсального месье де Вольтера.

Однажды, когда мистер Кроули спросил, что читают молодые люди, гувернантка ответила:

— Смоллетта!

— О, Смоллетт! — сказал мистер Кроули, вполне довольный, похлопав себя по животу, — Его история более скучная, но ни в коем случае не такая опасная, как у мистера Хьюма. Вы изучаете историю?

— Да! — сказала мисс Роуз, не уточнив, однако, что это была история мистера Хамфри Клинкера. В другой раз он был несколько шокирован, застав свою сестру с томиком французских пьес, но, поскольку гувернантка заметила, что это для того, чтобы он мог говорить на французском языке, ему пришлось удовольствоваться этим. Кроули, как дипломат, чрезвычайно гордился своим знанием французского языка (ибо он считал себя светским человеком) и был немало доволен комплиментами, которые гувернантка постоянно делала ему по поводу его владения языками.

Вкусы мисс Вайолет, напротив, были более грубыми и буйными, чем у её сестры. Она знала укромные уголки, где куры несут яйца. Она могла забраться на дерево, чтобы обчистить гнезда пернатых певчих птиц и забрать их пёструю добычу. И ей доставляло удовольствие скакать верхом на молодых жеребятах и рыскать по равнинам, как Камилла. Она была любимицей своего отца и конюхов. Она была любимицей и в то же время наводила ужас на кухарок, потому что знала, где прячутся горшочки с вареньем, и набрасывалась на них, как только они оказывались в пределах её досягаемости. Она и её сестра были вовлечены в постоянные сражения. Если мисс Шарп и обнаруживала какие-либо из этих грешков, она не рассказывала о них леди Кроули, которая наверняка рассказала бы о них отцу или, что ещё хуже, мистеру Кроули, но обещала никому не говорить, если мисс Вайолет будет хорошей девочкой и полюбит свою гувернантку. С мистером Кроули мисс Шарп была почтительна и послушна. Она советовалась с ним по поводу отрывков из французского, которых не понимала, хотя её мать была француженкой, и которые он толковал к её удовольствию; и, помимо того, что он помогал ей в изучении светской литературы, он был так добр, что подбирал для неё книги более серьёзного содержания и почти все время обращался к ней. Так что они беседовали к обоюдному удовлетворению всё время. Она безмерно восхищалась его речью в Обществе помощи Куашимабу; проявляла интерес к его брошюре о солоде: часто была тронута, даже до слез, его вечерними речами и говорила: «О, спасибо, сэр!», — со вздохом и взглядом, устремленным к небу, что иногда заставляло его снисходить до того, чтобы пожать ей руку.

«В конце концов, кровь — это всё!» — сказал бы этот религиозный аристократ, — Как благотовор мои млова действуют на Мисс Шарп, она буквально просыпается от моих слов, когда ни один из присутствующих здесь людей не реагирует на мои перлы! Я слишком хорош для них, слишком деликатен. Надоупростить стиль, чтобы они врубались! А эта девушка схватывает всё на лету! И недаром! Ее мать была из рода Монморэнси!

По-видимому, мисс Шарп по материнской линии действительно происходила именно из этогой знаменитого рода. Разумеется, она не сказала, что её мать выступала на сцене в роли певички; это потрясло бы религиозные чувства мистера Кроули.

Скольких благородных эмигрантов эта ужасная революция ввергла в нищету! Не прошло и нескольких месяцев с тех пор, как она поселилась в этом доме, как у неё появилось несколько излюбленных историй о своих предках; некоторые из них мистер Кроули случайно нашёл в словаре Д'Озье, который хранился в библиотеке, и это укрепило его веру в их правдивость и в благородное происхождение Ребекки. Можем ли мы предположить, исходя из этого любопытства и изучения словарей, могла ли наша героиня предположить, что мистер Кроули был заинтересован в ней? — Нет, только по-дружески. Разве мы не говорили, что он был привязан к леди Джейн Шипшенкс? Раз или два он отчитывал Ребекку за то, что она играет в триктрак с сэром Питтом, говоря, что это безбожное развлечение и что ей гораздо больше подошло бы чтение «Наследия Трам», или «Слепой прачки из Мурфилдса», или любого другого произведения более серьёзного тона, но мисс Шарп сказала, что её дорогая матушка часто играла в ту

же игру со старым графом де Триктраком и достопочтенным аббатом дю Корне и таким образом находила оправдание этому и другим мирским развлечениям. Но маленькая гувернантка расположила к себе своего хозяина не только игрой в триктрак с баронетом. Она нашла множество различных способов быть ему полезной. Она с неутомимым терпением перечитала все те юридические бумаги, которыми он обещал развлечь её перед её приездом в Куинз-Кроули. Она вызвалась переписать многие из его писем и искусно изменила их орфография, чтобы она соответствовала современным правилам. Она очень интересовалась всем, что касалось поместья, фермы, парка, сада и конюшен; и она была такой приятной собеседницей, что баронет редко отправлялся на прогулку после завтрака без неё (и, конечно, без детей), когда она давала советы, какие деревья и кустарники следует подрезать, какие грядки вскопать, какой урожай убрать, каких лошадей продать на убой, а, каких впрячь в плуг или подводы.

Не прожив и года в Королевском Кроули, она полностью завоевала доверие баронета, и разговор за обеденным столом, который раньше велся между ним и мистером Хорроксом, дворецким, теперь велся почти исключительно между сэром Питтом и мисс Шарп.

В отсутствие мистера Кроули она была почти хозяйкой в доме, но в своем новом и возвышенном положении вела себя с такой осмотрительностью и скромностью, чтобы не обидеть начальников кухни и конюшни, среди которых её поведение всегда было чрезвычайно скромным и приветливым. Она была совсем не похожа на ту надменную, застенчивую, недовольную маленькую девочку, которую мы знали раньше, и эта перемена в её настроении свидетельствовала о большом благоразумии, искреннем желании исправиться или, во всяком случае, о большом моральном мужестве с её стороны.

Было ли это продиктовано её сердцем, которое сразу же одобрило систему уступчивости и смирения, принятую нашей Ребеккой, или было данью ситуации, покажет её дальнейшая история.

Система лицемерия, длящаяся целые годы, редко с успехом применяется двадцатилетним человеком; однако наши читатели, вероятно, помнят, что, несмотря на молодость, наша героиня была взрослой по жизни и опыту, и мы не имело бы смысла писать, если я сразу не обнаружил, что она очень умная женщина. Старший и младший отпрыски рода Кроули, подобно джентльмену и леди на портрете, никогда не были вместе дома — они от всей души ненавидели друг друга; более того, драгун Родон Кроули вообще питал глубокое презрение к этому заведению и редко заходил туда, за исключением тех случаев, когда его тётушка полностью оплачивала его ежегодный визит. Мы уже упоминали о замечательных качествах этой старой леди. У нее было семьдесят тысяч фунтов, и она чуть было не усыновила Родона. Она очень не любила своего старшего племянника и считала его молокососом и хлюпиком.

В ответ он, не колеблясь, заявил, что её душа безвозвратно потеряна для вечной жизни, и выразил мнение, что шансы его брата на том свете ничуть не лучше.

«Она отпетая безбожница, — говаривал мистер Кроули, — она живёт с атеистами и французами. Мой разум содрогается, когда я думаю о её ужасном духовном состоянии и о том, что, будучи близка к могиле, она столь предаётся бренному тщеславию, распущенности, богохульству и непотребному безрассудству!»

На самом деле старая леди вообще отказалась слушать его обязательную часовую вечернюю лекцию, а когда она пришла в Королевский колледж Кроули одна, ему пришлось прервать свои обычные религиозные волхвования.

— Питт, когда приедет мисс Кроули, попридержите свой язык! — сказал его отец, — Она написала, что не потерпит подобных нравоучений!

— О, сэр! Подумайте хотя бы о слугах!

— Слуги местона виселице! — сказал сэр Питт, и его сын подумал, что дело могло окончиться ещё хуже, если бы они лишились его наставлений.

— Да брось ты это, Питт! — сказал отец в ответ на его возражения. — Ты ведь не такой зануда, чтобы лишить семью трех тысяч годового дохода?

— Что такое деньги по сравнению с нашими бессмертными душами, сэр? — парировал мистер Кроули.

— Ты хочешь сказать, что старуха не оставит вам денег?

И кто знает, может, именно это и имел в виду мистер Кроули? Старая мисс Кроули, безусловно, была одной из тех нечестивиц, кто отвергал все известные святыни. У неё был уютный маленький домик на Парк-Лейн, и, поскольку во время лондонского сезона она слишком много ела и пила, на лето она отправлялась в Хэрроугейт или Челтнем. Она была самой гостеприимной и жизнерадостной из старых весталок и, по её словам, в свое время была отменной красавицей. (Мы хорошо знаем, что все пожилые женщины, с их слов, когда-то были красавицами.) Она была в восторге от жизни вдали от церковных стен и церковных колоколов. по тем временам. Все считали её bel esprit (Острой на язык) и ужасной радикалкой даже для тех времён. Она была во Франции (где сам Сен-Жюст, как говорят, пробудил в ней злополучную страсть) и с тех пор любила французские романы, французскую кухню и французские вина. Она читала Вольтера в подлиннике и знала Руссо наизусть; очень легко говорила о разводе и сверх-энергично — о правах женщин. У неё в каждой комнате дома висели фотографии мистера Фокса: когда этот государственный деятель был в оппозиции, я не уверен, что она с ним не поссорилась; и когда он вступил в должность, она поставила себе в заслугу, что привела к нему сэра Питта и его коллегу из Королевского Кроули, хотя сэр Питт пришёл бы сам, без каких-либо проблем со стороны честной леди.

Излишне говорить, что сэр Питт был вынужден изменить свои взгляды после смерти великого государственного деятеля вигов. Эта достойная пожилая леди полюбила Родона Кроули, когда он был ещё мальчиком, и отправила его в Кембридж (в отличие от его брата, учившегося в Оксфорде), и, когда руководство одноименного университета потребовало от молодого человека уволиться после двухлетнего пребывания в нём, она выкупила ему офицерский чин в Лейб-Гвардии, в Зеленом Полку. Этот молодой офицер был совершенным и знаменитым «бладом», городским щёголем, прожигателем жизни и денди. Бокс, охота на крыс, игра в пятерки и езда четвёркой были тогда в моде у нашей британской аристократии; и он был знатоком всех этих благородных наук. И хотя Родон Кроули принадлежал к дворцовым, паркетным войскам, которые, поскольку их долгом было сплотиться вокруг принца-регента, еще не проявили своей доблести на дипломатической службе, он уже успел (по поводу игры, которую он чрезвычайно любил) принять участие в трех кровавых дуэлях, в которых показал себя с лучшей стороны, возбудив широковещательные слухи о его презрении к смерти.

— И к тому, что последует после смерти! — замечал мистер Кроули, заводя к потолку глаза цвета крыжовника. Он всегда думал о душе своего брата или о душах тех, кто расходился с ним во мнениях: это ббыло своего рода утешение, которое многие серьёзные люди обретают сами. Глупая, романтичная мисс Кроули, далёкая от того, чтобы ужасаться храбрости своего любимчика, всегда платила его долги после дуэлей и не желала слушать ни единого слова, которое шепотом осуждало бы его нравственность.»

— Нет! Он не подведет! — говорила она, — И стоит гораздо больше, чем его жалкий лицемерный братец!».

Глава XI
Простота Аркадии

Помимо этих честных людей из Холла (чья простота и милая сельская чистота, несомненно, свидетельствуют о преимуществах деревенской жизни перед городской), мы должны познакомить читателя с их родственниками и соседями по приходскому дому, Бьютом Кроули и его женой.

Преподобный Бьют Кроули был высоким, статным, весёлым человеком в широкополой шляпе, гораздо более популярным в своём графстве, чем его брат баронет. В колледже он был загребным гребной команды Крайстчёрча и побил всех лучших «городских» забияк-боксеров.

Он перенес свое пристрастие к боксу и атлетическим упражнениям в частную жизнь; в радиусе двадцати миль не было ни одного боя, на котором бы он не присутствовал, ни скачек, ни состязаний по бегу на лошадях, ни регаты, ни бала, ни выборов, ни званого обеда, ни даже хорошего ужина в ресторане, какой бы скандал ни сотрясал округ, он всегда находил возможность присутствовать на нем.

Его гнедую кобылу и двуколки с фонарями можно было увидеть за много миль от дома священника, устраивались ли званые обеды в Фаддлстоне, или в Роксби, или в Уопшот-Холле, илиприёмы у знатных лордов графства, со всеми из которых он был н дружеской ноге. У него был прекрасный голос, он пел «Южный ветер и облачное небо» и хором выкрикивал «ура» под всеобщие аплодисменты. Он выезжал на охоту в костюме цвета перца с солью и был одним из лучших рыбаков в округе.

Миссис Кроули, жена священника, была умной женщиной, которая регулярно писала проповеди этому достойному пастору. Будучи домоседкой и проводя большую часть времени в доме вместе со своими дочерьми, она безраздельно властвовала в доме священника, мудро предоставляя своему мужу полную свободу действий за его пределами. Он мог приезжать и уезжать, а также обедать за границей столько раз, сколько ему заблагорассудится, потому что миссис Кроули была экономной женщиной и знала цену портвейну. С тех пор как миссис Кроули Бьют похитила молодого служителя Королевского колледжа Кроули (она была из хорошей семьи, дочь покойного Полковника Гектора Мактавиш, и они с матерью играли за «Бьют» и выиграли у него в Хэрроугейте), она была ему благоразумной и бережливой женой. Однако, несмотря на её заботу, он всегда был в долгах. Ему потребовалось по меньшей мере десять лет, чтобы оплатить счета за обучение в колледже, и это случилось ещё при жизни своего отца.

В 179… — м году, когда он только начинал вылезать из этих трудностей, он поставил 100 к 1 (из двадцати фунтов) против «Кенгуру», который был чемпионом дерби. Ректор был вынужден взять деньги под разорительные проценты и с тех пор барахтался, как рыба на льду. Его сестра время от времени помогала ему сотней фунтов, но, конечно, он очень надеялся на её смерть — когда «черт возьми» (как он бы наверняка сказал) «Матильда должна оставить мне половину своих денег». Так что у баронета и его брата были все основания, какие только могут быть у двух братьев, держать ухо востро. Сэр Питт одержал верх над Бьютом в бесчисленных семейных делах. Юный Питт не только не охотился, но и открыл молитвенный дом под самым носом у своего дяди. Было известно, что Родон унаследует большую часть имущества мисс Кроули. Эти денежные операции, эти спекуляции жизнью и смертью, эти молчаливые битвы за возврат добычи — всё это заставляет братьев в нашей «Ярмарке Тщеславия» с большой любовью относиться друг к другу. Я, со своей стороны, знал случай, что пятифунтовая банкнота разрушила полувековые связи между двумя братьями и ввела их в смертельную вражду; и не могу не восхищаться, поскольку думаю, что любовь — это прекрасная и самая позитивная и долговечная вещь нашего меркантильного мира.

Невозможно представить, что появление такой особы, как Ребекка, в королевском Кроули и её постепенное завоевание расположения всех тамошних обитателей могли остаться незамеченными миссис Бьют Кроули. Миссис Бьют, которая знала, сколько дней в Доме хранится говяжья вырезка; сколько белья приготовлено к большой стирке; сколько персиков осталось на южной стене; сколько доз приняла Её Светлость, когда заболела, — поскольку такие вопросы представляют величайший интерес для некоторых любознательных людей в округе — миссис. Бьют, как я уже сказал, не могла спокойно пройти мимо гувернантки из Холла, не расспросив о её прошлом и характере. Между слугами в доме приходского священника и в Холле всегда было наилучшее взаимопонимание. На кухне бывшего заведения всегда стояла кружка хорошего эля для обитателей Холла, которые обычно выпивали очень мало, — и, действительно, жена настоятеля точно знала, сколько солода идёт на каждую бочку пива из Холла, — между Холлом и приходской прислугой существовали точнотакие же тесные отношения, как и между их хозяевами; и по этим каналам каждая семья была прекрасно осведомлена о том, что делается в другой. Это, кстати, является общим правилом. Когда вы с братом друзья, вам безразличны его поступки. Когда вы поссоритесь, вы будете стремиться знать все его приходы и уходы, как если бы вы были его шпионом.

Очень скоро после своего приезда Ребекка стала регулярно появляться в бюллетенях миссис Кроули из Холла. Можно сказать, содержание их было примерно следующим: «Заколот чёрный поросенок — такого-то веса — засолили грудинку — свиной пудинг и свиная нога на ужин. Мистер Крэмп из Мадбери беседует с сэром Питтом о заключении Джона Блэкмора в тюрьму — Мистер Питт на совещании (приводятся все имена людей, которые присутствовали) — миледи, как обычно, здоровы — юные леди вечно с гувернанткой.»

Потом поступал отчет — «Новая гувернантка оказалась редкостной хозяйкой — сэр Питт к ней очень привязан — мистер Кроули тоже — Он читает ей брошюры…

«Какая паршивая тварь! — слова маленькой, энергичной, подвижной, чернолицей миссис Бьют Кроули.

Наконец, дошли слухи, что гувернантка «водит всех за нос», пишет письма сэру Питту, ведёт его дела, добралась до счетов — в общем, распоряжается всем домом, миледи, мистером Кроули, девочками и вертит всеми остальными, на что миссис Кроули заявила, что она хитрая потаскушка, и вынашивала какие-то ужасные замыслы. Таким образом, события в Холле служили отличной темой для разговоров в доме приходского священника, и зоркие глаза миссис Бьют подмечали всё, что происходило в стане врага, — всё и многое другое, ускользавшее от неолюбопытных глаз.

От Миссис Бьют Кроули — мисс Пинкертон, Торговый центр, Чизвик. Дом священника, Куинз — Кроули, декабрь…

Моя дорогая! Мадам! Хотя прошло столько лет с тех пор, как я в последний раз пользовалась вашими восхитительными и бесценными наставлениями, я по — прежнему питаю самые ТЁПЛЫЕ и почтительные чувства к мисс Пинкертон и ДОРОГОМУ Чизвику. Надеюсь, у вас хорошее здоровье. Мир и дело образования не могут позволить себе потерять мисс Пинкертон на ДОЛГИЕ-ДОЛГИЕ ГОДЫ. Когда моя подруга леди Фаддлстон упомянула, что её дорогим девочкам требуется воспитательница (я слишком бедна, чтобы нанять гувернантку для своих, но разве я не училась в Чизвике?), «К кому, — воскликнула я, — мы можем обратиться, как не к превосходной, несравненной мисс Пинкертон?» Одним словом, есть ли у вас, дорогая мадам, в вашем списке какие-нибудь дамы, услугами которых могла бы воспользоваться моя добрая подруга и соседка? Уверяю вас, она не возьмёт гувернантку, кроме КАК ПО ВАШЕМУ ВЫСОКОМУ ВЫБОРУ. Мой дорогой муж рад сообщить, что ему нравится ВСЕ, ЧТО ПРЕПОДАЕТСЯ В ШКОЛЕ МИСС ПИНКЕРТОН. Как бы я хотела представить его и моих любимых девочек другу моей юности и величайшему лексикографу нашей страны, которым я ВОСХИЩАЮСЬ! Мистер Кроули просит меня передать, что если вы когда-нибудь

приедете в Хэмпшир, он надеется, что вы украсите своим присутствием наш СЕЛЬСКИЙ дом СВЯЩЕННИКА. Это скромный, но счастливый дом Вашей любящей Марты Кроули.

P.S. Брат мистера Кроули, баронет, с которым мы, увы, не знакомы! в тех условиях ЕДИНСТВА, в которых ПОДОБАЕТ ЖИТЬ БРАТЬЯМ, у него есть гувернантка для его маленьких девочек, которой, как мне сказали, посчастливилось получить образование в Чизвике. Я слышала о ней разные отзывы, и поскольку я испытываю нежнейший интерес к моим дорогим маленьким племянницам, которых я хотела бы, несмотря на семейные разногласия, видеть среди своих детей, и поскольку я стремлюсь быть внимательной к ЛЮБОЙ ВАШЕЙ УЧЕНИЦЕ, не могли бы вы, моя дорогая мисс Пинкертон, рассказать мне о ней? Сообщтите мне, если возможно, историю этой молодой леди, с которой, ради ВАШЕГО ЖЕ БЛАГА, я очень хочу подружиться!»

«От Мисс Пинкертон — миссис Бьют Кроули. Джонсон — хаус, Чизвик, 18 декабря.

Многоуважаемая мадам! Я имею честь поблагодарить вас за ваше вежливое обращение, на которое я незамедлительно отвечаю. Человеку, оказавшемуся в моём весьма затруднительнои положении, чрезвычайно приятно осознавать, что мои материнские заботы вызвали ответную любовь; и узнавать в любезной миссис Бьют Кроули мою прекрасную ученицу прошлых лет, жизнерадостную и образованную мисс Марту Мактавиш. Я счастлива, что теперь под моей опекой находятся дочери многих из тех, кто был вашими ровесницами в моём заведении, — какое удовольствие я получила бы, если бы ваши любимые юные леди нуждались в моём покровительстве и наставительном руководстве! Выражая свое почтение леди Фаддлстон, я имею честь (эпистолярно) представить Её Светлости двух моих подруг, мисс Таффин и мисс Хоуки. Любая из этих юных леди в совершенстве владеет греческим, латынью и начатками иврита; математикой и историей; испанским, французским, итальянским языками и географией; музыкой, вокалом и инструментами; танцами без помощи учителя; а также элементами естественных наук. Обе они в совершенстве владеют глобусом. В дополнение к этому мисс Таффин, дочь покойного преподобного Томаса Таффина (члена Корпус-колледжа в Кембридже), может преподавать сирийский язык и основы конституционного права. Но поскольку ей всего восемнадцать лет, и она обладает чрезвычайно приятной внешностью, возможно, эта юная леди может вызвать неприязнь в семье сэра Хадлстона Фаддлстона. Мисс Летиция Хоуки, с другой стороны, не пользуется особой популярностью. Ей двадцать девять лет, ёе лицо сильно изрыто оспой. У неё неуверенная походка, рыжие волосы и небольшое косоглазие. Обе дамы наделены ВСЕМИ МОРАЛЬНЫМИ И РЕЛИГИОЗНЫМИ ДОСТОИНСТВАМИ. Их условия, разумеется, категорически соответствуют их достижениям. Остаюсь при всем моём глубоком уважении к преподобному Бьюту Кроули, имею честь быть, Дорогая Мадам, Ваша самая верная и покорнейшая слуга, Барбара Пинкертон.

P.S. Мисс Шарп, которую вы упомянули как гувернантку сэра Питта Кроули, члена парламента, была моей ученицей, и мне нечего сказать в её адрес ничего плохого. Хотя внешность у неё неприятная, мы не в состоянии контролировать предначертанность Природы; и хотя её родители пользовались дурной славой (её отец был художником, несколько раз обанкротившимся, а мать, как я с ужасом узнала позже, оказалась танцовщицей в оперетке), тем не менее, её таланты значительны, и я не могу не признать, что она очень талантлива, и мне ничуть не приходится сожалеть, что она была принята в наше Заведение ее ИЗ МИЛОСЕРДИЯ. Я лишь опасаюсь, как бы принципы её матери, которую мне представили как французскую графиню, вынужденную эмигрировать во время последних революционных ужасов, но которая, как я впоследствии выяснила, была человеком самого низкого происхождения, склада и нравственности, в любой момент не оказались НАСЛЕДСТВЕННЫМИ для её семьи, и несчастнойая молодая женщины, которую я считала всегда ИЗГОЕМ. Но до сих пор её принципы были безупречны (я полагаю), и я уверена, что в элегантном и утонченном кругу выдающегося сэра Питта Кроули не произойдет ничего, что могло бы нанести им ущерб».

«От Мисс Ребекка Шарп — мисс Амелии Седли».

Я уже много недель не писала своей любимой Амелии, ибо что нового можно было рассказать о том, что говорят и что делают в Хамдрам-Холле, как я его окрестила; и какая тебе разница, хороший урожай репы или плохой, весит жирная свинья тринадцать стоунов или четырнадцать, и хорошо ли зверям живется на свекловице? С тех пор, как я писал в последний раз, каждый день был похож на предыдущий. Перед завтраком прогулка с сэром Питтом и его картошкой -наследниками; после завтрака занятия (какие бы они ни были) в классной комнате; после уроков я читаю и пишу об адвокатах, аренде, угольных шахтах, каналах с сэром Питтом (секретарем которого я стала); после обеда — рассуждения мистера Кроули о трик-траке баронета; за обоими этими развлечениями миледи наблюдает с одинаковым стоическим спокойствием. Она стала ещё интереснее из-за того, что в последнее время болела, и это привело в Зал нового посетителя в лице молодого врача. Что ж, моя дорогая, молодым женщинам никогда не стоит отчаиваться. Молодой врач дал понять одной вашей знакомой, что, если она решит стать миссис Глаубер, она может украсить любую приемную! Я сказала его наглости, что позолоченный пестик и ступка — это само по себе украшение, как будто я и в самом деле была рождена для того, чтобы стать женой сельского врача! Мистер Глаубер вернулся домой в тяжёлом состоянии после такого отпора, принял охлаждающее лекарство и теперь совершенно здоров. Сэр Питт высоко оценил мое решение; я думаю, ему было бы жаль расстаться со своей маленькой секретаршей; и я уверена, что старый негодяй любит меня настолько, насколько это возможно его натуре — любить кого бы то ни было. Жениться, в самом деле! И на сельском аптекаре, после… Нет, нет, нельзя так быстро забыть старые отношения, о которых я больше не буду распространяться. Давай вернёмся в Хамдрум-Холл, в Замок Скуки. С некоторых пор это больше не Замок Скуки.

Моя дорогая, сюда прибыла мисс Кроули со своими откормленными лошадьми, жирными слугами и толстозадым спаниелем — великая богачка мисс Кроули с семьюдесятью тысячами фунтов стерлингов в виде пяти процентов годовых, которую, или, лучше сказать, трудно сказать, кого именно, обожают два её брата. У неё, у этой милой души, такой апоплексический вид, что неудивительно, что её братьявсё время беспокоятся о ней. Видели бы вы, как они стараются взбить ей подушки или подать кофе! «Когда я приезжаю в деревню, — говорит она (потому что у неё отличное чувство юмора), — я оставляю свою прислужницу, мисс Бриггс, дома. Мои братья здесь мои подхалимы, моя дорогая, и они прелестны — два сапога пара!» Когда она приезжает в деревню, наш холл распахивается настежь, и по крайней мере на месяц можно подумать, что старый сэр Уолпол снова ожил из мёртвых. Мы устраиваем званые обеды и выезжаем в карете, запряжённой четверкой, лакеи надевают свои новейшие ливреи канареечного цвета; мы пьём кларет и шампанское, как будто привыкли пить шипучку каждый день. У нас в классной комнате есть восковые свечи и камин, у которого можно согреться. Леди Кроули одевается в самые яркие цвета с привкусом зелёного горошка, какие только есть в её гардеробе, а мои ученицы снимают свои толстые башмаки и тесные старые клетчатые накидки и надевают шёлковые чулки и муслиновые платья, как и подобает дочерям модных баронетов. Вчера Роуз пришла домой в плачевном состоянии — уилтширская свинья (её любимица) сбила её с ног и испортила прелестное сиреневое шёлковое платье в цветочек, протанцевав по нему джигу — случись это неделю назад, сэр Питт страшно выругался бы, надрал бедняжке уши и посадил её на хлеб и воду на месяц. Всё, что он сказал ныне, было: «Я обслужу вас, мисс, когда ваша тётя умотает отсюда!», — и посмеялся над происшествием, назвав его довольно банальным. Будем надеяться, что его гнев пройдёт до отъезда мисс Кроули. Я надеюсь на это, ради мисс Роуз, и убеждаюсь, каким очаровательным примирителем и миротворцем в этом мире являются Деньги!

Ещё одно замечательное влияние мисс Кроули и её семидесяти тысяч звонких фунтов можно увидеть в поведении двух братьев Кроули. Я имею в виду баронета и священника, а не

НАШИХ братьев, но первые, которые ненавидят друг друга круглый год, как кошки и собаки, вдруг становятся такими любящими паиньками на Рождество. В прошлом году я писал вам о том, как отвратительный священник, занимающийся скачками, имел привычку читать нам в церкви свои дурацкие, неуклюжие проповеди, а сэр Питт смачно храпел в ответ. Когда приезжает мисс Кроули, ни о каких ссорах и речи быть не может — Холл навещает дом приходского священника, и наоборот — пастор и баронет беседуют о свиньях, браконьерах и делах графства в самой любезной манере и, как мне кажется, не ссорятся даже за чашкой чая — в самом деле, мисс Кроули. Кроули и слышать не хочет об их ссоре и клянётся, что оставит свои деньги шропширским Кроули, если они её не обидят. Если бы они были умными людьми, эти шропширские Кроули, я думаю, у них было бы всё это; но шропширский Кроули — священник, как и его гемпширский кузен, и смертельно оскорбил мисс Кроули (которая сбежала туда в порыве гнева на своих непрактичных братьев) некоторыми строгими представлениями о морали. Я думаю, теперь он будет молиться дома.

Когда приезжает мисс Кроули, наши книги с проповедями закрываются на замок, а мистер Питт, которого она терпеть не может, находит удобным отправиться гулять в город. С другой стороны, появляется молодой щеголь — «кровожадный», по — моему, это такой термин — капитан Кроули, и, полагаю, вам будет интересно узнать, что он за человек. Что ж, он очень крупный молодой щёголь. В нём шесть футов роста, и он говорит громким голосом, и много ругается, и командует слугами, которые, тем не менее, все его обожают, потому что он очень щедр на деньги, и посему прислуга способна для него на всё, что угодно. На прошлой неделе смотрители чуть не убили судебного пристава и его помощника, которые приехали из Лондона, чтобы арестовать капитана, и которых позже нашли прячущимися у стены парка — они избили их, пригнули и собирались пристрелить как браконьеров, но вмешался баронет. Я вижу, что капитан питает искреннее презрение к своему отцу и называет его старым занудой, старым СНОБОМ, старым ГОВНЮКОМ и множеством других невероятно красивых прозвищ. У него УЖАСНАЯ РЕПУТАЦИЯ среди дам. Он привозит с собой домой своих охотников, живёт со сквайрами графства, приглашает на обед, кого пожелает, и сэр Питт не смеет отказать, опасаясь обидеть мисс Кроули и лишиться своего наследства, когда она, как он надеется, умрёт от апоплексического удара. Сказать ли вам, какой комплимент сделал мне капитан? Я не могу не сказать, это так мило. Однажды вечером мы даже танцевали; там были сэр Хаддлстон Фаддлстон и его семья, сэр Джайлс Уопшот и его юные леди, и я не знаю, сколько их ещё. Так вот, я слышала, как он сказал: «Ей — богу, она славная маленькая кобылка!» — имея в виду вашу покорную слугу; и он оказал мне честь станцевать со мной два кантри-танца. Он довольно весело общается с молодыми сквайрами, с которыми выпивает, заключает пари, катается верхом и говорит об охоте; но он говорит, что деревенские девушки — зануды; на самом деле, я не думаю, что он сильно ошибается. Видели бы вы, с каким презрением они смотрят на меня, бедняжку! Когда они танцуют, я сижу и очень скромно играю на пианино; бам-блям, но как-то вечером, вернувшись из столовой раскрасневшимся и увидев меня за этим занятием, он громко выругался, назвав меня лучшей танцовщицей в зале, и поклялся, что пригласит самых громких скрипачей из Мадбери.

— Я пойду и сыграю танец в стиле контрданс! — с готовностью предложила миссис Бьют Кроули (это маленькая черномазая старушка в тюрбане, немного кривобокая, с очень весёлыми глазками). И после того, как капитан и ваша бедная маленькая Ребекка до вместе, не хотите ли вы знаете, она действительно оказала мне честь, похвалив мою походку, назвав её «граиозной»! О таком раньше никто не слыхивал: гордая миссис Бьют Кроули, двоюродная сестра графа Типтоффа, которая не удостаивает леди Кроули визита, за исключением тех случаев, когда её сестра находится в деревне. Бедная леди Кроули! Во время большей части этого неслыханного веселья она наверху принимает таблетки. Миссис Бьют я внезапно очень понра-

вилась. «Моя дорогая мисс Шарп, — сказала она, — почему бы вам не пригласить своих девочек в дом священника? Их кузины будут так рады их видеть».

Я знаю, что она имеет в виду. Синьор Клементи не зря учил нас игре на фортепиано, и за эту цену миссис Бьют надеется найти преподавателя долбёжки по клавишам для своих детей. Я с лёту могу разгадать её планы, как если бы она сама рассказала мне о них; но я пойду, потому что твёрдо решила понравиться — разве это не долг бедной гувернантки, у которой нет ни друга, ни защитника во всем мире? Жена ректора высказала мне множество комплиментов по поводу успехов, достигнутых моими учениками, и, без сомнения, думала тронуть моё сердце — бедную, простую, сирую деревенскую душонку! — как будто я хоть на йоту забочусь о своих учениках! Говорят, что твой индийский муслин и розовый шёлк, дорогая Амелия, мне очень идут. Сейчас их очень много носят, но, знаешь ли, мы, бедные девушки, не можем позволить себе туалеты от des fraiches. Счастлива, очень счастлива ты! Та, которой нужно только доехать до Сент-Джеймс-Стрит, и дорогая мама, которая даст тебе все, что ты попросишь. Прощай, дорогая девочка, Твоя любящая Ребекка.

P.S. — Жаль, что вы не видели лиц обоих мисс Блэкбрукс (дочерей адмирала Блэкбрука, моя дорогая), прекрасных молодых леди в платьях из Лондона, когда капитан Родон выбрал бедняжку меня в партнёрши!

Прожай, прощай!»

Когда миссис Бьют Кроули (чьи уловки наша изобретательная Ребекка так ловко разгадала) заручилась обещанием мисс Шарп навестить её, она убедила всемогущую мисс Кроули обратиться с необходимой просьбой к сэру Питту и добродушной старой леди, которая сама любила повеселиться, и увидев, что все вокруг неё веселы и счастливы, она была совершенно очарована и готова была установить примирение и близость между двумя своими братьями. Поэтому было решено, что в будущем молодые люди из обеих семей должны часто навещать друг друга, и дружба, конечно же, продолжалась до тех пор, пока весёлая старая посредница была рядом, чтобы поддерживать мир.

— Зачем вы пригласили на обед этого негодяя, Родона Кроули? — выговаривал святой отец своей супруге, когда они шли домой через парк, — Я не хочу видеть этого морлодца. Он смотрит на нас, деревенщин, свысока, как погоняла на черномазых! Он всегда чем-то недоволен, нудит, пока пока не получит мого винца в жёлтой упаковке, а меж тем каждая бутылка его обходится мне в десять шиллингов, будь он проклят! Кроме того, он такой адский тип — он игрок, он пьяница, он распутник во всех смыслах. Он застрелил человека на дуэли, он по уши в долгах и лишил меня и моих близких большей части состояния мисс Кроули. Вакси говорит, что оно достанется ему, — тут ректор погрозил Луне кулаком с выражением, очень похожим на грязное ругательство, и добавил меланхоличным тоном, — в её завещании на пятьдесят тысяч, а делить придётся не больше тридцати.

— Я думаю, ей недолго осталось! — сказала жена священника, — Когда мы вставали из-за стола, у нее было такое красное лицо, что… Мне пришлось расшнуровывать её!

— Она выпила семь бокалов шампанского, — тихо сказал преподобный джентльмен, — и к тому же это отвратительное шампанское, которым мой брат пичкает её и отравляет нас, но вы, женщины, никогда не знаете, что к чем!

— Мы ничего не знаем! Ни в чём не разбираемся! — закивала миссис Бьют Кроули.

— После обеда онахлебнула вишнёвого бренди, — продолжал Его Преподобие, — а кофе запивала кюрасао. Я бы не выпил стакан и за пятифунтовую банкноту: у меня от него начинается жуткая изжога. Она этого не вынесет, миссис Кроули, она скоро окочурится, плоть и кровь к такому не приспособлены! Я ставлю пять против двух, что Матильда помрёт через год!

Предаваясь этим мрачным размышлениям и думая о своих долгах, о своем сыне Джиме в колледже, о Фрэнке в Вулвиче и о четырех девочках, которые не были красавицами, бедняжки, и у них не было ни пенни, кроме крох, которые падали от ожидаемого тетушкиного наследства,

ректор и его супруга прогуливались по улице. ещё какое-то время, молча и не глядя друг на друга.

— Питт не может быть таким отъявленным негодяем, чтобы продавать право на предоставление бенеций. А этот молокосос-методист, его старший сын, так и хочет пролезть в парламент, — продолжил мистер Кроули после паузы.

— Сэр Питт Кроули сделает все, что угодно, — сказала жена священника, От него всего можно ждать! — Мы должны убедить мисс Кроули заставить его пообещать этот приход Джеймсу.

— Питт пообещает тебе всё, что угодно, — ответил братец, — Он обещал, что оплатит мои счета за колледж, когда умрёт мой отец; он обещал, что построит новое крыло к дому священника; он обещал, что отдаст мне поле Джибба и луг площадью в шесть акров — и как он выполнил свои обещания? И именно сыну этого мерзавца — негодяю, игроку, мошеннику, убийце Родону Кроули — Матильда оставляет большую часть своих денег. Я говорю, что это не по-христиански. Не по-божески! Клянусь Юпитером, так оно и есть! У этого печально известного пса на поверку есть все пороки, кроме лицемерия, и этот порок принадлежит его брату.

— Тише, любовь моя! Мы на территории сэра Питта, — прервала его жена.

— Я говорю, что у него есть все пороки, миссис Кроули. Не запугивайте меня, мэм. Разве не он застрелил капитана Маркера? Разве не он ограбил молодого лорда Давдейла в «Какао-Три»? Разве не он помешал драке между Биллом Сомсом и чеширским козырем, из-за чего я потерял сорок фунтов? Вы знаете, что он это сделал; а что касается женщин, то вы слышали это при мне, в моем собственном кабинете судьи.

— Ради бога, мистер Кроули, — сказала леди, — избавьте меня от подробностей.

— И ты зовёшь этого негодяя в свой дом! — продолжал раздраженный пастор, — Ты, мать молодого семейства, жена священника Англиканской церкви. Ей-богу! Тьфу на тебя!

— Бьют Кроули, ты дурак! — презрительно процедила жена священника.

— Что ж, мэм, дура ты или нет, я ж не говорю, Марта, что я такой же умник, как ты, я никогда такого не говорил. Но я не собираюсь встречаться с Родоном Кроули, это однозначно. Я поеду в Хадлстон, непременно поеду, посмотрю на его чёрную борзую, миссис Кроули, и поставлю против него пятьдесят фунтов на Ланселота. Клянусь Юпитером, я это сделаю; или на любую другую собаку в Англии. Но я не хочу встречаться с этим чудовищем Родоном Кроули.

— Мистер Кроули, вы, как всегда, пьяны! — перекосилась его жена. А на следующее утро, когда пастор проснулся и попросил принести легкого пива, она напомнила ему о его обещании навестить сэра Хадлстона Фаддлстона в субботу, и, поскольку он знал, что ночь ему предстоит дождливая, было решено, что он может прискакать обратно в воскресенье утром, чтобы успеть в церковь. Таким образом, мы видим, что прихожане Кроули были одинаково счастливы как в своём сквайре, так и в своём настоятеле.

Не успела мисс Кроули обосноваться в Холле, как очарование Ребекки покорило сердце этой добродушной лондонской повесы, как оно покорило и множество деревенских простушек, которых мы уже описывали.

Однажды, отправляясь на свою обычную прогулку, она сочла нужным попросить «эту маленькую гувернантку» сопровождать её в Мадбери. Прежде чем они вернулись, Ребекка покорила её, заставив четыре раза рассмеяться и забавляла её в течение всего этого небольшого путешествия.

«Что это за причуды — не позволять мисс Шарп обедать за столом! — сказала она сэру Питту, который устроил торжественный обед и пригласил всех соседних баронетов, — Моя дорогуша, уж не уверились ли вы, что я могу терпеть эту пытку и часами говорить о детской с леди Фаддлстон или обсудить судейские дела с этим гусем, старым сэром Джайлзом Уопшотом? Я настаиваю на том, чтобы мисс Шарп пришла. Пусть леди Кроули остается наверху, если

у тебя за столом нет свободных мест. Но маленькая мисс Шарп! Да ведь она единственный человек, с которым можно поговорить во всём графстве!

Разумеется, после такого безапелляционного приказа мисс Шарп, гувернантка, получила разрешение отобедать со знатным обществом внизу. И когда сэр Хадлстон с большой помпой и церемонностью пригласил мисс Кроули к обеду и собирался занять свое место рядом с ней, старая леди пронзительно закричала:

— Бекки Шарп! Мисс Шарп! Иди сюда, сядь рядом со мной и развлеки меня, а сэр Хадлстон пусть сядет рядом с леди Уопшот!

Когда вечеринки заканчивались и экипажи разъезжались, ненасытная мисс Кроули говорила:

«Пойдём в мою гримёрную, Бекки, и давай поиздеваемся над компанией, промоем им косточки! — что, между прочим, у этой пары подруг прекрасно получалось. Старый сэр Хадлстон много пыхтел за обедом; сэр Джайлс Уопшот особенно шумно поглощал свой суп, а Её Светлость подмигивала левым глазом; все это Бекки изображала в карикатурном виде, что вызывало восхищение и хохот; а также гротескно изображала темуподробности ночных разговоров: политика, война, квартальные сиссии; знаменитая пробежка с его Высочеством и те тяжелые и тоскливые темы, о которых беседуют все закоренелые сельские джентльмены. Что же касается туалетов мисс Уопшот и знаменитой желтой шляпы леди Фаддлстон, то мисс Шарп разорвала их в клочья, к бесконечному удовольствию своей аудитории.

«Моя дорогая, вы настоящая шлюха! — говорила мисс Кроули, — Настоящая trouvaille! — Жаль, что ты не можешь приехать ко мне в Лондон, но я не могу издеваться над тобой так, как над бедняжкой Бриггс, нет, нет, ты маленькое хитрое создание; ты слишком умна, не так ли, Фиркин?»

Миссис Фиркин (которая причесывала остатки волос на макушке мисс Кроули) вскинула голову и сказала: «Я думаю, мисс очень умна!», — с самым убийственным сарказмом в голосе. На самом деле миссис Фиркин обладала той естественной ревностью, которая является одним из главных, основополагающих принципов каждой честной женщины.

Получив отпор от сэра Хадлстона Фаддлстона, мисс Кроули приказала, чтобы Родон Кроули каждый день водил её обедать, а Бекки следовала за ней со своей подушкой, иначе она держала бы Бекки за руку, а Родона — за подушку.

«Мы должны сидеть вместе! — сказала она, — Мы трое единственных истинных христиан в округе, любовь моя! (в таком случае, следует признать, что религия в графстве Хантс пребывала на очень низком уровне. Помимо того, что мисс Кроули была убеждённой религиозницей, она, как мы уже говорили, придерживалась ультралиберальных взглядов и всегда пользовалась случаем, чтобы выразить их самым откровенным образом.

«Что такое происхождение, моя дорогая! — говорила она Ребекке. — Посмотри на моего брата Питта; посмотри на Хаддлстонов, которые живут здесь со времен Генриха II; посмотри на беднягу Бьюта в пасторском доме — кто-нибудь из них равен тебе по уму или воспитанию? Равны тебе — они даже не равны бедному дорогому Бриггсу, моему компаньону, или Боулсу, моему дворецкому. Ты, любовь моя, просто образец для подражания, настоящая жемчужина! У тебя больше мозгов, чем у половины графьёф, если бы заслуги вознаграждались, ты должна была бы стать герцогиней — нет, герцогинь вообще быть не должно, — но у тебя не должно быть превосходства, и я считаю тебя, любовь моя, как равная мне во всех отношениях; и… не подбросишь ли ты немного углей в огонь, моя дорогая; и не подберешь ли ты это мое платье и не перешьешь ли его, ты, которая так хорошо это умеешь?

Итак, эта пожилая филантропка привыкла застиавлять «равную» себе выполнять её поручения, шить ей наряду и быть модисткой и читать ей каждый вечер перед сном французские романы. В то время, как, возможно, помнят некоторые старые читатели, благородный мир был взбудоражен двумя событиями, которые, как пишут газеты, могли дать работу джентльменам в

длинных мантиях. Прапорщик Шафтон сбежал с леди Барбарой Фиц-Урс, дочерью и наследницей графа Бруина; а бедный Вир Вейн, джентльмен, который до сорока лет сохранял респектабельную репутацию и воспитывал многочисленную семью, внезапно и возмутительно покинул свой дом ради миссис Ружмон, актрисы, которой было шестьдесят пять лет.

— Это была самая прекрасная черта характера дорогого лорда Нельсона, — сказала мисс Кроули, — Он из кожи вон лез ради женщских чар. Должно быть, в мужчине, который способен на такое, есть что-то хорошее. Я обожаю все безрассудные браки.

— Что мне больше всего нравится, так это то, что дворянин женится на дочери мельника, как лорд Флауэрдейл, — это так злит всех женщин. — Я бы хотел, чтобы какой-нибудь знатный самец сбежал с тобой, моя дорогая, я уверен, что ты достаточно хорошенькая!

— С двумя форейторами! О, это было бы восхитительно! — призналась Ребекка.

— А что мне больше всего нравится, так это чтобы бедный парень сбежал с богатой девицей. Я всей душой хочу, чтобы Родон сбежал с кем-нибудь.

— С богатой или с бедной?

— Ну, и глупышка же ты! У Родона нет за душой ни шиллинга, кроме того, что я ему даю. Он — ребёнок, и он сам должен разбогатеть и преуспеть в жизни!

— Он очень умный? — спросила Ребекка.

— Умный, любовь моя? Кабы не так, милочка! Для него в мире мире нет ничего, кроме его армейских кляч, его полка, его охоты и его игрищ; но он должен преуспеть — он такой восхитительно злой! Разве ты не знаешь, что он убил человека и прострелил отцу жертвы шляпу? В его полку его обожают, и все молодые люди у Ваттье и в «Какаовом Дереве» клянутся его именем.

Когда мисс Ребекка Шарп писала своей любимой подруге о маленьком бале в королевском Кроули и о том, как капитан Кроули впервые отличил её в толпе соискательниц, она, как это ни странно, не дала абсолютно точного описания этого события. Капитан много раз отмечал её и прежде. Капитан встречал её во время нескольких прогулок. Капитан натыкался на неё в полусотне коридоров и галерей. Капитан двадцать раз за вечер склонялся над её головкой, подле пианино (миледи была тогда наверху, болела, и никто не обращал на неё внимания), когда мисс Шарп пела. Капитан писал ей записочки (лучшее, что мог придумать и написать великий бестолковый драгун; но тупость, как и любое другое качество, искони присуща женщинам). Но когда он вложил первую свою записочку в нотные страницы, Когда она пела, маленькая гувернантка, поднявшись и пристально глядя ему в лицо, изящно выхватила треугольное послание и взмахнув им, как треуголкой, и, подлетев к врагу, хлопнула его по плечу и бросила записку в огонь, после чего сделала ему очень низкий реверанс, вернулась на свое место и снова запела, ещё веселее, чем прежде.

— Что это? — спросила мисс Кроули, прервав свою послеобеденную дремоту из-за того, что музыка смолкла.

— Это фальшивая нота, — со смехом сказала мисс Шарп, и Родон Кроули закипел от ярости и дикого унижения. Видя очевидную привязанность мисс Кроули к новой гувернантке, как хорошо было со стороны миссис Бьют Кроули не ревновать и пригласить молодую леди в дом священника, и не только её, но и Родона Кроули, соперника ее мужа в борьбе за «пять процентов старой девы»! Они очень полюбили общество друг друга, миссис Кроули и её племянник. Ради неё он был готов забросить охоту; он отказывался от развлечений в Фаддлстоне; он не обедал в столовой склада в Мадбери; и его величайшим наслаждением были прогулки в пасторский дом Кроули, куда приходила и мисс Кроули; и поскольку их мама была больна, почему бы детям не отправиться с мисс Шарп? Итак, дети (дорогие мои!) пришли с мисс Шарп, а вечером некоторые из гостей возвращались домой вместе. Не мисс Кроули — она предпочитала свой экипаж, — но прогулка по полям пасторского дома, через калитку в маленьком парке,

через тёмную плантацию и по пёстрой аллее к Королевскому Кроули была очаровательна при лунном свете для двух таких ценителей живописного, как капитан и мисс Ребекка.

«О, эти звезды, эти звезды!» — взволнованно твердила мисс Ребекка, поднимая к ним свои мерцающие зелёные глаза, — Я чувствую себя почти ангелом, когда смотрю на них!

— О, боже, мисс Шарп, мне это тоже пришло в голову! — ответил второй энтузиаст астрономии, — Вы не возражаете против моей сигары, мисс Шарп?

Мисс Шарп, разумеется, больше всего на свете любила запах сигар на свежем воздухе — и она даже попробовала одну, причем самым изящным образом, сделала небольшую затяжку, слегка вскрикнула и хихикнула, после чего вернула лакомство капитану, который подкрутил усы, и не успев ещё что-то сказать неимоверноважное, тут же раскурил сигару так, что пламя стало ярко — красной точкой в темноте плантации, и наконец выругался:

— Боже мой, это самый лучший сиг, который я когда — либо курил в мире!

Что ж, его интеллект и манера держаться были блестящими и очень подходили молодому драгуну. Старый сэр Питт, который курил трубку и пил пиво и беседовал с Джоном Хорроксом о баране, которому он уготовал трагическую участь, заметил из окна своего кабинета занятую этим парочку и со страшными проклятиями поклялся, что, если бы не мисс Кроули, он вытолкал бы Родона на улицу взашей на улице, как последнего бродягу, каким он и был.

— Он, конечно, негодяй, — заметил мистер Хоррокс, — а его слуга Флет-терс — слабак и скандалист — устроил такой скандал в комнате экономки из-за обедов и выпивки, какого не устроил бы ни один лорд, но, по-моему, мисс Шарп ему под стать, сэр Питт! — добавил он после паузы. И, по правде говоря, она была такой — и для отца, и для сына тоже.

Глава XII
Весьма сентиментальная

Теперь нам придётся покинуть Аркадию и тех милых людей, которые исповедуют там блестящие сельские добродетели, и вернуться в Лондон, чтобы узнать, что сталось с мисс Амелией.

«Нам на неё наплевать», — пишет какой-то неизвестный корреспондент красивым мелким почерком и с розовой печатью на своей заметке. «Она блеклая и безвкусная», — добавляется ещё несколько добрых замечаний в этом же роде, которые мне вообще не следовало бы повторять, если бы но они, по правде говоря, не были истинным комплиментом для юной леди, о которой они говорят. Неужели дорогой читатель, знающий толк в обществе, никогда не слышал подобных замечаний от добродушных подруг, которые всегда удивляются, что такого очаровательного ты нашёл в мисс Смит, или что могло побудить майора Джонса сделать предложение этой глупой, незначительной, жеманной мисс Томпсон, у которой нет ничего, кроме воскового, кукольного личика, чтобы порекомендовать её? Действительно, что такого есть в розовых щёчках и голубых глазках? эти милые моралисты задают вопросы и мудро намекают, что гениальные способности, развитый ум, умение отвечать на вопросы Мэнгнолла, женские познания в ботанике и геологии, умение сочинять стихи, способность исполнять потрясающие сонаты в манере Герца и так далее — это нечто гораздо большее. более ценные качества для женщины, чем те мимолётные прелести, которые через несколько лет неизбежно потускнеют и првратятся в старческий пепел. Весьма поучительно слышать, как женщины рассуждают о никчёмности и долговечности красоты. Но хотя добродетель — гораздо более прекрасная вещь, и тем несчастным созданиям, которые страдают из-за плохой внешности, следует постоянно помнить о судьбе, которая их ожидает; и хотя, весьма вероятно, героический женский характер, которым восхищаются дамы, является более славным и прекрасным объектом, чем добрая, свежая внешность. улыбчивая, бесхитростная, нежная маленькая домашняя богиня, которой мужчины склонны поклоняться — и все же женщины последнего и низшего сорта должны поиметь утешение в том, что мужчины все — таки восхищаются ими; и что, несмотря на все предупреждения и протесты наших добрых друзей, мы продолжаем совершать свои отчаянные ошибки и безрассудства и будем продолжать до конца этой главы.

Что касается меня, то, хотя люди, к которым я испытываю величайшее уважение, неоднократно говорили мне, что мисс Браун — ничтожество, а у миссис… у Уайт нет ничего, кроме её маленькой шифоньерки, а миссис Блэк и слова не может сказать в своё оправдание; и все же я знаю, что у меня были самые восхитительные беседы с миссис Блэк (конечно, моя дорогая мадам, они неприкосновенны): я вижу, как все мужчины столпились вокруг кресла мисс Уайт: все молодые люди сражаются за право потанцевать с мисс Браун; и поэтому я склонен думать, что быть презираемым её полом — это самый большой комплимент для женщины. Молодые леди из общества Амелии нескупились на комплименты в её присутствии. Например, едва ли было что-либо, в чем мисс Осборн, сестры Джорджа и барышни Доббин были так единодушны, как в оценке её ничтожных достоинств и в своем удивлении, что их братья могли находить в ней какие-то прелести.

«Мы добры к ней», — сказали хором обе мисс Осборн, две прекрасные молодые, чернобровые леди, у которых волею судьбы были лучшие гувернантки, учителя и модистки; и они обращались с ней с такой исключительной добротой и снисходительностью и так невыносимо покровительствовали ей, что бедняжка и в самом деле совершенно теряла дар речи в их присутствии и, судя по всему, была такой же глупой, какой они её считали. По долгу службы она старалась понравиться им как сёстрам своего будущего мужа. Она проводила с ними «долгие утра» — самые тоскливые и скучнейшие из часов её жизни. Она торжественно выехала с ними

в их большой семейной карете, а мисс Вирт была их гувернанткой, эдакй костлявой весталкой. В качестве угощения они водили её на концерты старинной музыки, и на ораторию, и в собор Святого Павла, чтобы посмотреть на благотворительный детский фонд, где она так боялась своих друзей, что почти не осмеливалась слушать гимн, который пели дети. В их доме было уютно, стол их отца был обильным и красивым, общество — торжественным и благовоспитанным, чувство собственного достоинства — огромным, они занимали лучшую скамью в Воспитательном доме, все их привычки были напыщенными и упорядоченными, а все развлечения — невыносимо скучными и благопристойными. После каждого её визита (и, о, как она радовалась, когда они заканчивались!) Мисс Осборн, мисс Мария Осборн и мисс Вирт, гувернантка-весталка, с возрастающим удивлением спрашивали друг друга:

«Что Джордж мог найти в этом создании?»

Как же так? — воскликнет какой-нибудь придирчивый читатель. Как же так получилось, что Амелия, у которой в школе было столько друзей и которую там так любили, выйдя в свет, так отвергнута своим же, дискриминирующим её полом? Судари мои, в заведении мисс Пинкертон не было мужчин, кроме старого учителя танцев, и невозможно вообразить, чтобы девушки из-за НЕГО поссорились? Когда Джордж, их красивец-брат, сбегал сразу после завтрака и обедал дома полдюжины раз в неделю, неудивительно, что заброшенные сёстры испытывали леёкую досаду.

Когда молодой Буллок (из фирмы «Халкер, Буллок и Ко», банкиры, Ломбард-стрит), который последние два сезона ухаживал за мисс Марией, на самом деле пригласил Амелию станцевать котильон, можно ли было ожидать, что бывшая молодая леди обрадуется? И всё же, по её словам, она была простодушным и всепрощающим созданием.

«Я так рада, что вам понравилась дорогая Амелия», — с жаром сказала она мистеру Баллоку после танца, — Она помолвлена с моим братом Джорджем; в ней нет ничего особенного, но она самое добродушное и непосредственное юное создание: дома мы все её так любим. Дорогая девочка! Кто способен оценить глубину привязанности, выраженной в этом восторженном возгласе?

Мисс Вирт и эти две любящие молодые женщины так искренне и часто убеждали Джорджа Осборна в огромности жертвы, которую он приносил в его романтическом великодушии, когда он отдавал себя Амелии, что я не уверен, действительно ли он считал себя одним из самых достойных персонажей в британской армии, и с лёгким смирением отдал себя на растерзание тому, чтобы его любили.

Так или иначе, хотя он, как было заявлено, каждое утро уходил из дома и шесть дней в неделю обедал врестоpанах, когда его сёстры полагали, что влюбленный юноша сидит, пришпиленный к переднику мисс Седли, но на самом деле он не всегда был с Амелией, в то время как весь свет полагал, что он лежит, распластанны у её ног.

Несомненно, что не раз, когда капитан Доббин заходил навестить своего друга, мисс Осборн (которая была очень внимательна к капитану, с нетерпением слушала его военные рассказы и интересовалась здоровьем его дорогой мамочки), смеясь, указывала на противоположный берег реки, выпрямлялась и говорила:

«О, вы должны пойти к Седли и справится о Джордже! Мы давно не видим его с утра до вечера.

В ответ на подобные речи капитан довольно нелепо и сдержанно смеялся и, как истинный светский человек, переводил разговор на какую — нибудь тему, представляющую общий интерес, например, на оперу, последний бал принца в Карлтон-хаусе или погоду — эту благотворную для общества тему.

— Какой же он слюнтяй, этот ваш любимец! — говорила мисс Мария мисс Джейн после ухода капитана, — Ты видел, как он покраснел при упоминании о бедном Джордже, пребывающем на дежурстве?

— Как жаль, что Фредерик Буллок не обладаетл такой скромностью, как он, Мария! — отвечала старшая сестра, качая головой.

— Скромность! Ты имеешь в виду неуклюжесть, как я полагаю, Джейн. Я не хочу, чтобы Фредерик протер дырку на моем муслиновом платье, как это сделал капитан Доббин, когда оборвал шлейф платья у миссис Перкинс!

— Разве он оттоптал шлейф твоего платья? Как он мог? Он ведь танцевал только с Амелией? Дело в том, что, когда капитан Доббин так покраснел и принял такой смущенный вид, потому что он вспомнил об одном обстоятельстве, о котором не счел нужным сообщать молодым леди, а именно, что он уже заходил в дом мистера Седли, разумеется, под предлогом встречи с Джорджем, и Джорджа там не было, только бедная маленькая Эмилия с довольно грустным и задумчивым личиком сидела у окна гостиной и после какого-то пустякового разговора отважилась спросить, есть ли доля правды в слухах о том, что полк скоро отправят за границу, и видел ли капитан Доббин, как они поживают и видел ли он мистера Осборна в тот день?

Полку ещё не было приказано отправляться за границу, и капитан Доббин не видел Джорджа.

— Скорее всего, он со своей сестрой, — сказал капитан, — Может, мне пойти за ним и привести лодыря?

И она ласково и благодарно протянула ему руку, и он перешёл площадь, а она всё ждала и ждала, но Джордж так и не появился.

Бедное маленькое нежное сердечко! Как оно продолжает надеяться и биться, тосковать и доверять! Понимаете, в этой жизни не так уж много такого, что можно описать словами. В ней не так уж много того, что все называют событиями. Только одно чувство за весь день — когда же он придет? Только с одной мыслью возможно заснуть и проснуться. Кажется, Джордж играл на бильярде с капитаном Кэнноном на Своллоу-стрит в то время, когда Амелия расспрашивала о нём капитана Доббина, потому что Джордж был весёлым, общительным парнем и превосходным игроком во все игры на ловкость.

Однажды, после трёхдневного отсутствия, мисс Амелия надела шляпку и буквально вторглась в дом Осборнов.

— Что? Оставить нашего брата, чтобы придти к нам? — спросили молодые леди, — Вы поссорились, Амелия? Скажите нам, пожалуйста!

Нет, на самом деле, никакой ссоры не было.

— Кто бы мог с ним поссориться? — всплеснула руками она, и глаза её наполнились слезами. Она приехала только для того, чтобы повидать своих дорогих друзей; они так давно не виделись. И в этот день она была такой глупой и неловкой, что мисс Осборн и их гувернантка, которые печально смотрели ей вслед, когда она уходила, больше, чем когда-либо, удивлялись, что Джордж мог найти в бедной маленькой Амелии. Конечно, они не видели в этом ничего странного! Как она могла выставить свое маленькое робкое сердечко на обозрение этим юным леди с их дерзкими чёрными глазами? Было бы лучше, если бы оно сжалось и спряталось. Я знаю, что обе мисс Осборн были прекрасными критиками кашемировой шали или розовой атласной комбинации; и когда мисс Тернер выкрасила свою в фиолетовый цвет и сшила из неё спенсер, а мисс Пикфорд превратила свой горностаевый палантин в муфту с отделкой, уверяю вас, перемены не ускользнули от двух умных женщин, о которых упоминалось ранее. Но, взгляните сами, есть вещи из более тонкой материи, чем мех или атлас, и вся слава Соломона, и весь гардероб царицы Савской — вещи, красота которых ускользает от глаз многих ценителей. И есть милые, скромные душионки, от тихих тенистых уголков которых исходит свет, здесь они благоухают и нежно цветут; и есть садовые цветы величиной с медную грелку, которые способны свести с ума само Солнце. Мисс Седли не принадлежала к сорту подсолнухов, и я

утверждаю, что рисовать фиалку размером с махровый георгин — это нарушение всех правил пропорций и здравого смысла.

Нет, в самом деле, в жизни хорошей молодой девушки, которая пока ещё находится в родительском гнезде, не может быть много тех захватывающих событий, на которые обычно претендуют героини пухлых романов. Силки или дробь могут отпугнуть старых птиц от поиска пищи — ястребы могут быть где-то поблизости, от нихони спасаются бегством или страдают; но птенцы в гнезде ведут довольно комфортное и неромантичное существование в пуху и соломе, пока не придёт и их черёд добывать пищусилой своего инстинкта и крыльев. В то время как Бекки Шарп гуляла по окрестностям, прыгая по всевозможным корявым веткам и натыкаясь на множество силков ловушек, и вполне безобидно и успешно добывала себе пищу, Амелия уютно устроилась в своем доме на Рассел-Сквер; если она и выходила в свет, то только под присмотром хозяина, и издали казалось, что ни с ней, ни с тем богатым, весёлым, уютным домом, в котором она была укрыта отчей любовью, не могло случиться никакого зла. У её мамы были свои утренние обязанности, и ежедневная поездка, и восхитительная череда визитов и покупок, которые составляют развлечение, или профессию, как вам угодно будет считать, любой богатой лондонской леди. Папа проводил свои таинственные операции в Сити — оживлённом месте в те дни, когда по всей Европе бушевала война и на кону стояли империи и жизни целых поколений, когда у газеты «Курьер» были десятки тысяч подписчиков; когда в один прекрасный день вам сообщали о битве при Виттории, а в другой — о пожаре Москвы, или в обеденный перерыв на Рассел — сквер трубил газетный рожок, сообщая о таком факте, как «Битва при Лейпциге — где шестьсот тысяч человек ссхлестнулись вкровавом бою — и итог — полное поражение французов — двести тысяч убитых! Какое счастье для истинного праиота из Сити! Старый Седли раз или два возвращался домой с очень серьёзным видом, и неудивительно, когда такие новости, как эта, будоражили все сердца и колыхали настроения всей Европы.

Тем временем на Рассел-Сквер в Блумсбери всё шло своим чередом, как будто в Европе не было ни малейшего намёка на хаос и беспорядки. Отступление из Лейпцига никак не повлияло на количество приемов пищи мистером Самбо в столовой для прислуги; союзники хлынули во Францию, и колокол к обеду прозвенел, как обычно, в пять часов.

Я не думаю, что бедняжку Амелию хоть сколько — нибудь интересовали Бриенна и Монмирайль, или вообще интересовала война до отречения императора; когда она хлопала в ладоши и читала молитвы… О, какое счастье! и всей душой бросилась в объятия Джорджа Осборна, к изумлению всех, кто был свидетелем этого спонтанного взрыва чувств.

Дело в том, что был объявлен мир, Европа должна была успокоиться; корсиканец был свергнут, и полк лейтенанта Осборна не был призван на службу. Именно так рассуждала мисс Амелия. Судьба Европы была для неё в руках лейтенанта Джорджа Осборна. Когда опасность миновала, она спела Te Deum. Он был её Европой, её императором, её союзными монархами и даже августейшим принцем-регентом. Он был её Солнцем и Луной; и я полагаю, она считала, что грандиозная иллюминация и бал в особняке, которые устраивались по этому случаю монархами, были устроены специально в честь Джорджа Осборна.

Мы говорили о корысти, переменах, о подножках и о бедности, как о тех мрачных педагогах и наставниках, под руководством которых бедная мисс Бекки Шарп получала свой жизненны опыт и своё образование. Последней наставницей мисс Амелии Седли была Любовь, и было удивительно, каких успехов добилась наша юная леди под руководством этой популярной наставницы. За пятнадцать или восемнадцать месяцев ежедневного и постоянного внимания к этой выдающейся гувернантке-воспитательнице Амелия узнала столько секретов, о которых мисс Вирт и черноглазые юные леди, живущие по соседству, и сама старая мисс Пинкертон из Чизвика даже не подозревали! Как, впрочем, и следовало ожидать от любой из этих чопорных и надменных девственниц? Что касается мисс П. и мисс У., то тут о нежной стра-

сти не может быть и речи: я бы не осмелился высказать такое предположение в отношении них. Мисс Мария Осборн, это правда, была «привязана» к мистеру Фредерику Огастесу Буллоку из фирмы «Халкер, Буллок и Буллок»; но её привязанность была в высшей степени дружеской и уважительной, и она всё равно выбрала бы Баллока — Старшего, поскольку, как и подобает благовоспитанной молодой женщине, мечтала о доме на Парк-Лейн, загородном доме в Уимблдоне, красивой карете, двух огромных рослых лошадях и вышколенных лакеях, и о четверти годовой прибыли известной фирмы «Халкер и Буллок», все преференции которой были представлены в лице Фредерика Августа. Если бы в то время уже был изобретён цвет флёрдоранж (этот трогательный символ женской чистоты и непорочности, привезенный нами из Франции, где дочерей повсеместно продают замуж), мисс Мария, уверяю вас, надела бы безупречно чистый венок и села в дорожную карету рядом с подагрическим стариком с лысой головой., Баллоком-старшим с его острым носом; и посвятила бы своё прекрасное существование его счастью с совершенной скромностью — однако пожилой джентльмен уже был женат; поэтому она отдала свои юные чувства его младшему партнёру.

О, сладкие, благоухающие, оранжевые цветы! На днях я видел, как очередная новобрачная (похоже, это и есть мисс Троттер я), облаченная в них, садилась в дорожную карету у церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер, а лорд Мафусаил важно ковылял следом. С какой очаровательной скромностью она опустила занавески на экипаже — милая невинность! Вау! На свадьбе была половина экипажей «Ярмарки Тщеславия». Это была не та любовь, которая завершила образование Амелии и в течение года превратила хорошую молодую девушку в цветущую молодую женщину, которая вскоре станет хорошей женой, когда придёт счастливое время. Эта молодая особа (возможно, со стороны ее родителей было очень неосмотрительно поощрять её и склонять к такому идолопоклонству и глупым романтическим бредням) всем сердцем полюбила молодого офицера на службе Его Величества, с которым мы уже коротко знакомы. Она подумала о нём в первый же миг после пробуждения, и его имя было последним, которое поминалось в её молитвах. Она никогда не видела такого красивого и умного мужчины: такого великолепного всадника, такого танцора, такого, в целом, героя её грёз.

Кстати, о поклоне принца! Что это такое в сравнени с божетвенным поклоном Джорджа? Она видела мистера Браммелла, которого все так хвалили. Сравните и этого пигмея с её Джорджем! Среди всех кавалеров в опере (а в те дни были кавалеры в настоящих оперных шляпах) не было никого, кто мог бы сравниться с ним. Он годился теперь только на роль сказочного принца; и, о, какое великодушие — снизойти до такой скромной Золушки! Мисс Пинкертон, скорее всего, попыталась бы обуздать это слепое обожание, если бы была наперсницей Амелии, но, поверьте, наверняка без особого успеха. Это заложено в природе и инстинктах многих женщин. Одни созданы для интриг, другие — для любви; и я желаю каждому уважаемому холостяку, который соблаговолит прочесть это, выбрать ту, которая ему больше всего нравится и соответствует его представлениям о женском совершенстве.

Находясь под этим ошеломляющим впечатлением, мисс Амелия самым жестоким образом пренебрегла своими двенадцатью дорогими подругами в Чизвике, как обычно поступают такие эгоистичные натуры. Конечно, ей нужно было думать только об этом, а мисс Солтайр была слишком холодна для наперсницы, и она не могла решиться рассказать об этом мисс Шварц, молодой наследнице с курчавыми волосами с Сент-Китса. На каникулы она привезла домой маленькую Лору Мартин; и я уверен, что она сделала её своей наперсницей и пообещала, что Лора переедет жить к ней, когда выйдет замуж, и дала Лоре много информации о любовной страсти, которая, должно быть, была исключительно полезной и новой для этого маленького человека. Увы, увы! Боюсь, что у бедняжки Эмми был не слишком уравновешенный ум. Что делали её родители, чтобы не дать этому маленькому сердечку биться так быстро? Старый Седли, казалось, не слишком обращал на это внимание. В последнее время он стал серьёзнее, и дела в Ситти поглотили его с головой. Миссис Седли была настолько покладистой и нелю-

бопытной натурой, что даже не ревновала. Мистер Джос был в отъезде, в Челтенхеме его осаждала вдова-ирландка. Амелия была дома одна — ах! иногда она бывала слишком замкнута в себе — впрочем, она никогда в этом не сомневалась, потому что, конечно, Джордж должен быть в Конной гвардии, а он не всегда может получить отпуск в Чатеме; и он должен видеться со своими друзьями и сёстрами и вращаться в обществе, когда находится в городе (он — такое украшение любого общества!); а когда он в полку, он слишком устаёт, чтобы писать чересчур длинные письма. Я знаю, где она хранит тот пакет с письмами, и могу прокрадываться в её комнату и выходить из нее, как Иаким… Как Иаким? Нет, это чудовищная роль.

Я всего лишь притворюсь сельским дурачком и, прерати вшись в лунный свет, безобидно загляну в постель, где спят вера, красота и невинность. Но если письма Осборна были короткими и по-солдатски прямолинейными, то следует признать, что, если бы письма мисс Седли к мистеру Осборну были опубликованы, нам пришлось бы растянуть этот роман на такое количество томов, которое не смог бы выдержать даже самый сентиментальный читатель. Эмилия не только исписывала большие листы бумаги, но и кромсала их и часто перечёркивала крест-накрест, что она без малейшей жалости вырывала целые страницы из поэтических сборников; она подчёркивала слова и отрывки с совершенно неистовым упорством; и, в общем, выдавала этим обычные признаки своего нервического состояния. Она не была героиней. Её письма изобиловали повторами. Иногда она писала с грамматическими ошибками, а в своих стихах позволяла себе всевозможные вольности с размером. Но, о, дамы, если вам не позволено иногда тронуть сердце, несмотря на синтаксис, и вас не полюбят, пока вы не поймете разницу между гекзаметром и тетраметром, пусть вся поэзия летит ко всем чертям, а все школьные учителя погибнут с треском в аду!

Глава XIII
В остальном сентиментальная

Боюсь, джентльмен, которому были адресованы письма мисс Амелии, был довольно закоренелым критиком. Лейтенанта Осборна по всей стране сопровождало такое количество записочек, что ему было почти стыдно от шуток его товарищей по столовой, и он приказал своему слуге доставлять их только в его личные апартаменты. Кто-то видел, как он раскуривал одной из них сигару, к ужасу капитана Доббина, который, я уверен, отдал бы за это сокровище банковский билет.

Некоторое время Джордж пытался сохранить эту связь в тайне. В деле фигурировала женщина, — этого он не скрывал.

— И не одна! — сказал мичман Спуни мичману Стерблу, — Этот Осборн — тот ещё ухарь! В Демераре была дочь судьи, которая чуть не сошла по нему с ума; потом была та красивая девушка-квартеронка, мисс Пай, из Сент-Винсента, знаете ли; и с тех пор, как он вернулся домой, говорят, он стал настоящим дон Жуаном, ей-богу. Стерн и Спуни считали, что быть «настоящим дон Жуаном, ей-богу» — одно из лучших качеств, которыми может похвастаться мужчина, а репутация Осборна среди молодежи полка была потрясающей. Он был знаменит в спортивных состязаниях, прославился как исполнитель песен, прославился на параде; свободно распоряжался деньгами, которыми щедро снабжал его отец. Его мундиры были сшиты лучше, чем у кого-либо в полку, и у него их было больше, чем нужно. Солдаты обожали его. Он мог выпить больше, чем любой другой офицер во всей этой компании, включая старого толстяка, полковника. Он умел драться лучше, чем рядовой Наклз (который раньше дрался на ринге, и если бы не пьянство, стал бы капралом); и был лучшим отбивающим и котелком во всем полковом клубе.

Он ездил на собственной лошади, смазал Лайтнинга и выиграл кубок Гаррисона на скачках в Квебеке. Кроме Амелии, были и другие люди, которые боготворили его. Стаббл и Спуни считали его чем-то вроде Аполлона; Доббин числил его замечательным Крайтоном, а миссис майор О'Дауд признала, что он элегантный молодой человек, и напомнил ей Фицджерлда Фогарти, второго сына лорда Каслфогарти. Так вот, Стаббл, Спуни и остальные строили самые романтические предположения относительно этой женщины — корреспондентки Осборна, полагая, что в него влюблена по меньшей мере герцогиня из Лондона, или что это генеральская дочь, которая помолвлена с кем — то другим и безумно к нему привязана, или что это была дама члена парламента, предложившая четырех лошадей и тайный побег, или же это была какая — то другая жертва страсти, восхитительно волнующей, романтичной и позорной для всех сторон, но ни на одно из этих предположений Осборн не пролил бы ни малейшего лучика света, предоставляя своим юным поклонникам и друзьям самим придумывать и оформлять всю его любовную историю.

И истинное положение дел никогда бы не стало известно в полку, если бы не неосмотрительность капитана Доббина. Однажды капитан завтракал в кают-компании, в то время как Кэкл, помощник хирурга, и двое вышеназванных вельмож обсуждали интригу Осборна: Стерн утверждал, что эта дама была герцогиней при дворе королевы Шарлотты, а Кэкл клялся, что она была оперной певицей со скверной репутацией. Эта мысль так растрогала Доббина, что, хотя рот у него в тот момент был набит яйцами и хлебом с маслом и хотя ему вообще не следовало бы говорить, он всё же не удержался и выпалил:

— Кудахтун, ты просто дурак! Ты всегда говоришь глупости и устраиваешь скандалы. Осборн не собирается сбегать с герцогиней или разорять модистку. Мисс Седли — одна из самых очаровательных молодых женщин, которые когда-либо жили на свете. Он помолвлен с ней уже очень давно; и человеку, который обзывает её или оскорбляет, лучше не делать этого

в моём присутствии. После чего Доббин, сильно покраснев, замолчал и чуть не поперхнулся чашкой чая. Через полчаса эта история облетела весь полк, и в тот же вечер миссис майор О'Дауд написала своей сестре Глорвине в О'Даудстаун, чтобы та не торопилась из Дублина — молодой Осборн, как оказывается, был давно помолвлен.

В тот вечер за стаканом виски с пуншем она произнесла в адрес лейтенанта подобающую случаю речь, и он отправился домой совершенно взбешенный, чтобы поссориться с Доббином (который отказался от приема у миссис майор О'Дауд и сидел у себя в комнате, играя на флейте и, кажется, сочиняя стихи в глубоко меланхолической манере) — поссориться с Доббином за то, что тот выдал его тайну.»

— Кто, черт возьми, просил вас болтать про мои дела? — возмущённо закричал Осборн, — Какого черта весь полк должен знать, что я собираюсь жениться? Почему эта старая сплетница Пегги О'Дауд позволяет себе упоминать моё имя за своим чертовым обеденным столом и афишировать мою помолвку по всем трём королевствам? В конце концов, какое ты имеешь право говорить, что я помолвлен, или вообще вмешиваться в мои дела, Доббин?

— Мне кажется… — начал капитан Доббин.

— Будь ты проклят, Доббин, — перебил его младший товарищ, — Я в долгу перед тобой, я знаю это, и даже слишком хорошо, но ты не будешь постоянно читать мне нравоучения, только потому, что ты на пять лет старше меня. Будь я проклят, если стану терпеть твоё высокомерие, дьявольскую жалость и покровительственный тон. Снисходительность и покровительство! Хотел бы я знать, в чем я хуже тебя?

— Ты помолвлен? — вмешался капитан Доббин.

— Какое, чёрт возьми, дело тебе или кому-либо из присутствующих до того, помолвлен я или нет?

— Ты стыдишься этого? — спокойно продолжал Доббин.

— Какое ты имеешь право задавать мне этот вопрос, сэр? Хотел бы я знать, какое? — сказал Джордж.

— Боже милостивый, уж не хочешь ли ты сказать, что готов порвать со мной? — вскинулся Доббин.

— Другими словами, ты спрашиваешь меня, человек ли я чести, — яростно воскликнул Осборн, — это ты имеешь в виду? В последнее время ты говоришь со мной таким тоном, что я сомневаюсь, смогу ли я ещё это вынести!

— И что я такого сделал? Я говорил тебе, что ты пренебрегаешь хорошей, милой девушкой, Джордж. Я говорил тебе, что, когда ты едешь в город, тебе следует идти к ней, а не в игорные дома в окрестностях Сент-Джеймса.

— Я полагаю, ты хочешь вернуть свои деньги, — сказал Джордж с усмешкой.

— Конечно, хотел, деньги я люблю, я всегда любил, ты не знал? — сказал Доббин, — Ты говорите как великодушный человек.

— Нет, чёрт возьми, Уильям, я прошу у тебя прощения, — тут Джордж вмешался в порыве раскаяния, — Видит бог, ты был мне другом во многих вещах. Ты выручал меня из множества передряг. Когда Кроули из гвардии выиграл у меня эту сумму денег, я должен был покончить с собой, если бы не ты! Я знаю, что должен был. Но ты не должен был так сурово относиться ко мне! Ты не должен был постоянно поучать меня. Я очень люблю Амелию, я обожаю её и все такое. Не сердись. Она безупречна, я знаю, что это так. Но, видишь ли, нет ничего весёлого в выигрыше, если ты не играешь ради этого. Чёрт возьми, полк только что вернулся из Вест-Индии, мне нужно немного поразвлечься, а потом, когда я женюсь, я исправлюсь; клянусь честью, я исправлюсь сейчас же. И, — говорю я, — Доб, — не сердись на меня, и я дам тебе сотню в следующем месяце, когда узнаю, что мой отец купит что-нибудь стоящее; и я попрошу у Хэвиттопа отпуска, и поеду в город, и увижусь с Амелией завтра, — вот так, Уилл это тебя удовлетворяет?

— На тебя невозможно долго сердиться, Джордж, — сказал добродушный капитан, — А что касается денег, старина, то ты знаешь, что, если бы я захотел, ты бы поделился со мной своим последним шиллингом.

— Я бы с удовольствием, ей-богу, Доббин, — сказал Джордж с величайшим великодушием, хотя, между прочим, у него никогда не было лишних денег.

— Только жаль, что ты не посеял этот свой дикий овес, Джордж. Тебе надопоскорее перебеситься! Если бы ты мог видеть лицо бедной маленькой мисс Эмми, когда она спросила меня о тебе на днях, ты бы разбил эти бильярдные шары ко всем чертям собачьим. Иди и утешь её, негодяй. Иди и напиши ей длинное письмо. Сделай что-нибудь, чтобы сделать её счастливой; для этого нужно совсем немного!

— По-моему, я ей чертовски нравлюсь, — сказал лейтенант с самодовольным видом и отправился заканчивать вечер с веселыми ребятами в кают-компании. Тем временем Амелия на Рассел-Сквер смотрела на Луну, которая освещала это мирное место, а также площадь перед Чатемскими казармами, где был расквартирован лейтенант Осборн, и размышляла о том, чем занимается её герой.

«Может быть, он проверяет часовых, — подумала она, — может быть, разбивает бивак, может быть, ухаживает за раненым товарищем или изучает военное искусство в своей собственной одинокой келье».

И её добрые мысли понеслись прочь, как будто они были ангелами и у них были крылья, и, пролетев вниз по реке к Чатему и Рочестеру, она попыталась заглянуть в казармы, где находился Джордж.

Учитывая все обстоятельства дела, я думаю, это было к лучшему, что ворота были закрыты, и часовой никого не пускал, ибо только благодаря ему бедный маленький ангел в белом одеянии не мог слышать диких песен, которые эти молодые шалопаи распевали за пуншем с виски.

На следующий день после краткого разговора в Чатемских казармах молодой Осборн, желая показать, что он держит свое слово, собрался отправиться в город, чем заслужил одобрение капитана Доббина.

— Я бы с удовольствием сделал ей небольшой подарок, — по секрету сказал Осборн своему другу, — только у меня совсем нет наличных, придётся подождать, пока мой отец не даст чаевых!

Но Доббин не позволил этому добродушию и щедрости проявиться, и поэтому одолжил мистеру Осборну несколько фунтовых банкнот, который последний взял после некоторых колебаний. И, смею предположить, он купил бы для Амелии что-нибудь очень красивое, но, когда он выходил из кареты на Флит-стрит, его внимание привлекла красивая булавка для рубашки, выставленная в витрине ювелирного магазина, перед которой он не смог устоять; а когда он заплатил за неё, у него осталось совсем немного денег, чтобы побаловать себя, что исключало любое дальнейшее проявление доброты.

Не обращайте внимания: вы можете быть уверены, что Амелия хотела отнюдь не его подарков. Когда он появился на Рассел-Сквер, её лицо озарилось, как будто он был солнечным лучиком. Мелкие заботы, страхи, слёзы, робкие опасения, бессонные грёзы, продолжавшиеся не знаю сколько дней и ночей, были мгновенно забыты под влиянием этой знакомой, неотразимой улыбки. Он сиял, стоя в дверях гостиной, — великолепный, с пышными бакенбардами, как у бога. Сэмбо, лицо которого, когда он объявил о капитане Осборне (на радостях присвоив молодому офицеру очередной воинский чин), озарилось сочувственной улыбкой, увидел, как маленькая девочка вздрогнула, покраснела и вскочила со своего наблюдательного места у окна; и Самбо удалился. И как только дверь закрылась, она, трепеща, бросилась к сердцу лейтенанта Джорджа Осборна, как будто это был единственный естественный дом, в котором она могла бы укрыться.

О, ты, бедная, задыхающаяся маленькая душа! Самое красивое дерево во всем лесу, с самым прямым стволом, самыми крепкими ветвями и самой густой листвой, на котором вы предпочитаете строить своё гнёздышко и ворковать, может быть помечено, насколько вам известно, на сруб, и вскоре может рухнуть с треском. Какое это старое-престарое сравнение между человеком и деревом!

Тем временем Джордж очень нежно поцеловал её в лоб и в сияющие глаза и был очень любезен и добр к ней; и она подумала, что его бриллиантовая булавка для рубашки (которую, насколько она знала, он никогда раньше не носил) — самое красивое украшение, которое когда-либо видела.

Внимательный читатель, который обратил внимание на поведение нашего молодого лейтенанта до этого и сохранил наш отчет о кратком разговоре, который он только что имел с капитаном Доббином, возможно, пришёл к определенным выводам относительно характера мистера Осборна. Какой-то циничный француз сказал, что в любовных отношениях есть две стороны: та, которая любит, и та, которая терпит, когда с ней так обращаются. Возможно, любовь иногда проявляет мужчина, а возможно, порой и женщина. Возможно, какой-нибудь влюбленный кавалер и раньше принимал бесчувственность за скромность, тупость — за девичью сдержанность, элементарную духовную пустоту — за милую застенчивость, а гусыню, одним словом, за лебедя.

Возможно, какая-нибудь любимая подписчица облекает осла в великолепие и славу своего неумеренного воображения; восхищается его тупостью как мужественной простотой; преклонялась перед его эгоизмом как перед мужским превосходством; относится к его глупости как к величественной серьёзности и использует его, как блестящая фея Титания использовала некоего ткача из Афин. Мне кажется, я уже видел подобные комедии ошибок, происходящие в мире. Но совершенно очевидно, что Амелия считала своего возлюбленного одним из самых галантных и блестящих мужчин в империи, и, возможно, лейтенант Осборн тоже так думал. Он был немного необуздан: как и многие молодые люди, и разве девушкам повесы не нравится больше, чем молокососы? Он ещё не успел опомниться, но скоро это произойдёт: и он уволится из армии теперь, когда уже объявлен мир; корсиканское чудовище заперто на Эльбе; он уйдёт, естественно, с повышением, как следствие, покончено; в конце концов, в армии не осталось ни единого шанса проявить свои несомненные военные таланты и доблесть.

Его состояния, как и приданого Амелии. позволило бы им поселиться где-нибудь в сельской местности, в хорошем спортивном районе; он бы немного охотился и немного занялся сельским хозяйством, и они были бы очень счастливы. Что же касается того, чтобы остаться в армии женатым мужчиной, то это было абсолютно невозможно. Представьте себе миссис Джордж Осборн, живущую в провинциальном городке или, что ещё хуже, в Ост- или Вест-Индии, в обществе офицеров, под покровительством майорши миссис О'Дауд! Амелия умирала со смеху, слушая рассказы Осборна о майорше миссис О'Дауд. Он слишком сильно любил Эмилию, чтобы подвергать её понуканиям этой ужасной женщины с её вульгарностями и наверняка чудовищно грубым обращением с женой солдата. Он не заботился о себе — это было не его; но его дорогая маленькая девочка должна занять то место в обществе, на которое она, как его жена, имела право: и вы можете быть уверены, что на эти предложения она согласилась, как и на любое другое, сделанное тем же автором.

Ведя подобные беседы и строя бесчисленные воздушные замки (которые Амелия украсила всевозможными цветниками, прогулочными дорожками, сельскими церквями, колокольными перезвонами, триумфальными венками, воскресными школами и тому подобным, в то время как мысленный взор Джорджа был устремлён на конюшни, псарню и погреб), эта юная парочка провела пару часов очень приятно, и, поскольку у лейтенанта был всего один день в городе и предстояло уладить множество важных дел, было предложено, чтобы мисс Эмми пообедала со своими будущими золовками. Это приглашение было с радостью принято. Он

отвёл её к своим сёстрам, где оставил болтать с ними так, что она поразила этих дам, которые подумали, что Джордж сможет из нее что-нибудь сделать толковое, а затем отправился заниматься своими делами. Короче говоря, он пошёл полакомиться мороженым в кондитерскую на Чаринг-Кросс; примерил новую куртку на Пэлл-Мэлл; заглянул в «Олд Слотерс» и зашёл к капитану Кэннону; сыграл с капитаном одиннадцать партий в бильярд, из которых выиграл восемь, и вернулся домой, на Рассел-сквер, опоздав к ужину на полчаса, но в очень хорошем настроении.

Со старым мистером Осборном всё было иначе. Когда этот джентльмен приехал из Сити и был встречен в гостиной своими дочерьми и элегантной мисс Вирт, они сразу увидели по его лицу, которое и в лучшие времена было одутловатым, серьёзным и жёлтым, а также по нахмуренным и подергивающимся чёрным бровям, что он настоящий джентльмен и сердце под его широким белым жилетом ббётся тревожно. Когда Амелия шагнула вперёд, чтобы поприветствовать его, что она всегда делала с большим трепетом и робостью, он угрюмо хмыкнул в знак того, что узнал её, и выпустил маленькую ручку из своей огромной волосатой лапы, даже не попытавшись удержать её там. Он мрачно оглянулся на свою старшую дочь, которая, поняв значение его взгляда, безошибочно вопрошавшего: «Какого черта она здесь делает?», тут же ответила:

— Джордж в городе, папа, он поступил в конногвардейский полк и вернётся к обеду.

— О, так это он, не так ли? Я не хочу, чтобы его ждали к обеду, Джейн! — с этими словами этот достойный человек опустился в своё любимое кресло, и затем в его изысканной, хорошо обставленной гостиной воцарилась полная тишина, нарушаемая только тревожным тиканьем больших французских часов. Когда хронометр, увенчанный весёлой медной композицией из «Жертвоприношения Ифигении», пробил пять тяжёлым соборным звуком, мистер Осборн с силой дёрнул за колокольчик, висевший у него справа, и дворецкий бросился наверх.

— Обед! — проревел мистер Осборн.

— Мистер Джордж еще не пришел, сэр! — вмешался слуга.

— Черт бы побрал мистера Джорджа, сэр. Разве не я хозяин в доме? ОБЕД! — нахмурился мистер Осборн.

Амелия задрожала. Три другие дамы обменялись многозначительными взглядами. Послушный колокольчик в нижнем этаже зазвонил, возвещая о начале трапезы. Когда звон закончился, глава семейства засунул руки в широкие карманы своего синего пальто с медными пуговицами и, не дожидаясь дальнейших указаний, в одиночестве спустился по лестнице, хмуро оглядываясь через плечо на четырёх женщин.

— В чем дело, моя дорогая? — спросила одна из них другую, когда они поднялись и осторожно поплелись за отцом.

— Я полагаю, что фонды сокращаются, — прошептала мисс Вирт, и так, дрожа и в молчании, эта притихшая женская компания последовала за своим смуглым доминантным самцом. Они молча заняли свои места. Он прорычал благословение, которое прозвучало так же хрипло, как проклятие. С больших серебряных блюд были сняты крышки. Амелия дрожала на своём месте, потому что сидела рядом с ужасным Осборном и была одна на своём конце стола — это произошло из-за отсутствия Джорджа.

— Суп? — замогильным голосом переспросил мистер Осборн, сжимая половник и не сводя с неё глаз; он помог ей и остальным и некоторое время молчал.

— Уберите тарелку мисс Седли! — сказал он наконец, — Она не может есть суп, и я тоже не могу. Это отвратительно. Убери суп, Хикс, а завтра, Джейн, выгони кухарку из дому.

Закончив свои наблюдения за супом, мистер Осборн отпустил несколько резких замечаний по поводу рыбы, также носивших язвительный и сатирический характер, и обругал Биллингсгейт с ударением, вполне достойным этого места. Затем он погрузился в молчание и

выпил несколько бокалов вина, выглядя всё более и более устрашающе, пока резкий стук в дверь не возвестил о приходе Джорджа, когда все начали собираться.

Он не мог прийти раньше. Генерал Дагиле заставил его ждать в Конногвардейском полку. Не обращайте внимания на суп или рыбу. Подавайте ему что угодно — ему было все равно, что именно. Превосходная баранина — превосходно все.

Его добродушие резко контрастировало со строгостью отца, и за обедом он без умолку болтал, к всеобщему удовольствию, особенно к удовольствию одного человека, о котором нет нужды упоминать. Как только молодые леди обсудили апельсин и бокал вина, которые обычно служили завершением унылых банкетов в доме мистера Осборна, был подан сигнал отправляться в гостиную, и все они встали и удалились. Амелия надеялась, что Джордж скоро присоединится к ним. Она начала играть несколько его любимых вальсов (тогда только что завезённых из заграницы) на большом рояле с резными ножками и кожаным корпусом, стоявшем в гостиной наверху. Эта маленькая хитрость не привела его в восторг. Он был глух к вальсам; они становились все тише и тише; расстроенная исполнительница вскоре покинула огромный инструмент, и хотя трое её друзей исполнили несколько самых громких и блестящих новых пьес из своего репертуара, она не услышала ни единой ноты, но погрузилась в размышления, предчувствуя недоброе. Угрюмый вид старика Осборна, всегда грозный, никогда ещё не казался ей таким убийственным. Он проводил её взглядом, как будто она была в чем-то виновата. Когда ей принесли кофе, она вздрогнула, как будто дворецкий мистер Хикс хотел предложить ей чашку с ядом. Что за тайна скрывалась за этим? Ох, уж эти женщины! Они лелеют и оберегают свои предчувствия и радуются своим самым уродливым мыслям, как радуются своим уродливым детям. Мрачное выражение отцовского лица внушало беспокойство также Джорджу Осборну. С такими бровями и таким явно желчным выражением лица, как он мог вытянуть из губернатора деньги, в которых Джордж отчаянно нуждался? Он начал расхваливать вино своего отца. Как правило, это был успешный способ задобрить старого джентльмена.

— У нас в Вест-Индии, сэр, никогда не было такой мадеры, как у вас. Полковник Хэвиттоп на днях прикончил три бутылки той, что вы мне прислали.

— Правда? — спросил пожилой джентльмен, — По-моему, бутылка стоит восемь шиллингов.

— Не возьмете ли вы дюжину за шесть гиней, сэр? — со смехом спросил Джордж, — Один из величайших людей королевства хочет прикупить такого винца.

— Неужели? — проворчал старикашка, — Ну и пусть получит сполна!

— Когда генерал Дагилет был в Чатеме, сэр, Хэви-Топ угостил его завтраком и попросил у меня вина. Генералу это тоже понравилось, и он попросил трубку для главнокомандующего и несколько бутылок такого же. Он правая рука его королевского высочества.

— Это дьявольски вкусное вино! — сказали Хмурые Брови, и вид у них стал чуть более добродушным. Джордж уже собирался воспользоваться этим благодушием и задать вопрос о поставках ему денежных знаков, когда отец, снова напустив на себя торжественный, хотя и довольно сердечный вид, велел позвонить, чтобы принесли. кларет.

— И мы посмотрим, так ли это вкусно, как мадера, Джордж, к которой, я уверен, его королевское высочество всегда готово. И пока мы пьём, я хочу поговорить с тобой о важном дельце.

Амелия, нервничая, сидела наверху и слышала звон колокольчика с кларетом. Ей почему-то казалось, что это таинственный звонок, явно предвещающий несчастье. Из тех предчувствий, которые всегда нежданно посещают некоторых людей, некоторые обязательно сбываются.

— Что я хочу знать, Джордж, — сказал пожилой джентльмен, медленно приложившись к первому стаканчику, — что я хочу знать, так это как у вас с… э-э… с этой крошкой наверху идут дела?»

— Я думаю, сэр, это нетрудно заметить! — сказал Джордж с самодовольной ухмылкой, — Довольно ясно, сэр. Какое превосходное вино!

«Что значит «нетрудно заметить», сэр? Что такое «довольно ясно»?

— Чёрт возьми, сэр, не давите на меня слишком сильно! Я скромный человек. Я… э — э—э… я не собираюсь быть женоубийцей, но я признаю, что она чертовски привязана ко мне, насколько это возможно. Любой может заметить это краем глаза!

— А ты сам?

— Разве, сэр, вы сами не приказывали мне жениться на ней, и разве я не пай-мальчик? Разве наши родители не уладили этот вопрос ещё невесть когда?

— Ничего себе, пай-мальчик! Разве я не слышал о ваших делишках, сэр, с лордом Тарквинием, капитаном гвардии Кроули, достопочтенным мистером Дьюсисом и прочими. Осторожнее, сэр, осторожнее на поворотах!

Старый джентльмен произносил эти аристократические имена с величайшим удовольствием и даже, можно сказать, смаком. Всякий раз, когда он встречал великого человека, он пресмыкался перед ним и повелевал им так, как может только свободнорожденный британец. Он возвращался домой и всегда рыскал биографию вельможи в Книге Пэров: и начинал поминать его во всех разговорах; особенно наслаждаясь возможностью похвастался своим сиятельством перед дочерьми. Он падал пред таким ниц и одновременно грелся в лучахславы этого имени, как неаполитанский нищий греется на солнышке. Джордж встревожился, услышав эти имена. Он опасался, что его отец мог быть в курсе некоторых сделок. Но старый моралист успокоил его, спокойно сказав:

— Ну, что ж, молодые люди всегда остаются молодыми людьми. И меня утешает то, Джордж, что ты крутишься в самом изысканном обществе Англии, и я надеюсь, что ты правильно думаешь и верно распоряжаешься моими средствами…

— Спасибо, сэр, — кивнул Джордж, сразу же переходя к делу. — С этими знатными шишками нельзя жить просто так, а вот мой кошелек, сэр, взгляните на него, — и он показал маленький жетон, который Эмилия связала сеткой и в котором были самые последние фунтовые банкноты Доббина.

— Вы ни в чём не будете нуждаться, сэр. Сын британского купца ни в чем нуждаться не будет, сэр. Мои гинеи ничуть не хуж е их, Джордж, мой мальчик, и я не жалею о них. Зайдите завтра к мистеру Чопперу, когда будете проезжать через Сити, у него найдется что-нибудь для вас. Я не жалею денег, когда знаю, что вы вращаетесь в хорошем обществе, потому что я знаю, что в хорошем обществе никогда не бывает ошибок. Во мне нет гордости. Я был человеком скромного происхождения, но у тебя были преимущества. Используй их с пользой. Общайся с молодыми аристократами. Многие из них не могут потратить и фунта там, где т швыряешь гинею, мой мальчик. А что касается розовых шляпок (тут из — под густых бровей мелькнула понимающая и не очень приятная ухмылка) — что ж, мальчики всегда остаются мальчиками. Только я приказываю вам избегать одной вещи, сэр, и, если вы этого не сделаете, я лишу вас и шиллинга, клянусь Юпитером, — это азартные игры!

— О, конечно, сэр! — сказал Джордж.

— Но вернёмся к другому вопросу, касающемуся Амелии: почему бы тебе не жениться на более состоятельной женщине, чем на дочери биржевого маклера, Джордж, — вот что я хочу знать?

— Это семейное дело, сэр, не так ли? — сказал Джордж, разламывая фундук, — Вы с мистером Седли поженили нас сто лет назад.

— Я этого не отрицаю, но позиции людей меняются, сэр. Я не отрицаю, что Седли сколотил мне состояние или, скорее, помог мне благодаря моим собственным талантам и гению занять то почетное положение, которое, можно сказать, я занимаю в торговле салом и в Лондонском Сити. Я выразил Седли свою благодарность, и, как видно из моей чековой книжки,

сэр, в последнее время он пытался это использовать, Джордж! Скажу вам по секрету, мне не нравится, как обстоят дела у мистера Седли. Моему старшему клерку, мистеру Чопперу, не нравится, как они выглядят, а он старый делец и разбирается в мелочах не хуже любого человека в Лондоне. «Халкер и Буллок» чураются и избегают его. Боюсь, он дал маху в жизни. Говорят, что «Jeune Emnilie» принадлежала ему, но её захватил капер янки Меласс. И это однозначно — пока я не получу от Амелии десять тысяч приданного, вы на ней не женитесь. В моей семье не место дочери хромой утки. Передайте вино, сэр, или позвоните, чтобы принесли кофе!

С этими словами мистер Осборн развернул вечернюю газету, и Джордж понял по этому сигналу, что беседа окончена и что его папа собирается вздремнуть. Он поспешил наверх к Амелии в прекрасном расположении духа. Что же заставило его в тот вечер быть более внимательным к ней, чем когда — либо за долгое время, — больше стремиться развлечь ее, быть более нежным, более красноречивым в разговоре? Было ли это из-за того, что его великодушное сердце потеплело к ней при мысли о несчастье, или из-за того, что мысль о потере дорогого маленького приза заставила его ценить его ещё больше? Много дней спустя она жила воспоминаниями о том счастливом вечере, вспоминая его слова, его взгляд, песню, которую он пел, его позу, когда он наклонялся к ней или смотрел на неё издалека. Ей показалось, что ещё ни одна ночь в доме мистера Осборна не проходила так стремительно, и на этот раз эта молодая особа чуть не рассердилась из-за преждевременного появления мистера Самбо с её шалью.

Джордж пришёл и нежно попрощался с ней на следующее утро, а затем поспешил в Сити, где навестил мистера Чоппера, главного конторщика своего отца, и получил от этого джентльмена документ, который обменял у «Халкера и Буллока» на целую кучу денег. Когда Джордж вошёл в дом, старый Джон Седли как раз выходил из приемной банкира с очень мрачным видом. Но его крестник был слишком в приподнятом настроении, чтобы заметить подавленность почтенного биржевого маклера или тоскливый взгляд, который бросил на него добрый старый джентльмен. Юный Баллок, ухмыляясь, не вышел вместе с ним из гостиной, как это было у него в прежние годы. И когда вращающиеся двери «Халкер, Баллок и К°" закрылись за мистером Седли, мистер Квилл, кассир (чье благодетельное занятие состоит в том, чтобы доставать хрустящие банкноты из ящика стола и выдавать соверены медной лопаткой), подмигнул мистеру Драйверу, клерку за конторкой, со своей стороны. мистер Драйвер снова подмигнул ему.

— Не пойдёт! — прошептал мистер Драйвер, — Не выгорит!

— Ни за что не пойдёт! Нет! Не выгорит!, — подтвердил мистер Квилл. — Мистер Джордж Осборн, сэр, как вы отнесетесь к этому?

Джордж нетерпеливо рассовал по карманам несколько банкнот и в тот же вечер в столовой вернул Доббину пятьдесят фунтов. В тот же вечер Амелия написала ему самое нежное из своих самых длинных писем. Сердце её было переполнено нежностью, но все же она предчувствовала недоброе. «В чём причина мрачного вида мистера Осборна?» — спросила она. Возникли ли какие-нибудь разногласия между ним и её отцом? Её бедный папа вернулся из Сити таким печальным, что дома все встревожились за него — в общем, там было четыре страницы любви, страхов, надежд и дурных предчувствий.

«Бедная маленькая Эмми! Милая маленькая Эмми. Как же она меня любит! — сказал Джордж, прочитав послание, — И, боже мой, как же у меня раскалывается голова от этой мешанины — этого пунша!

В самом деле, бедная маленькая Эмми!

Глава XIV
Мисс Кроули дома

Примерно в это время к чрезвычайно уютному и благоустроенному дому на Парк-Лейн подъехала дорожная карета с ромбами на дверцах, на передке которой маялась недовольная женщина в зелёной вуали с завитыми локонами, а на козлах — крупный, солидный мужчина. Это был экипаж нашей приятельницы мисс Кроули, возвращавшейся из Хантса. Окна кареты были закрыты; толстый спаниель, голова и язык которого обычно высовывались из одного из них, покоился на коленях недовольной самки. Когда экипаж остановился, с помощью нескольких слуг и молодой леди, сопровождавшей груду плащей, из кареты был извлечён большой круглый свёрток с шалями. Внутри этого свёртка содержалась мисс Кроули, которую немедленно отнесли наверх и поместили в постель и комнату, прогретую как для больного. Посыльные отправились за её лечащим лекарем и санитарочкой-лаборанткой. Они пришли, проконсультировались, прописали лекарство и исчезли. По окончании их беседы молодая компаньонка мисс Кроули зашла к ним, чтобы получить инструкции, и прописала те противовоспалительные препараты, которые прописали выдающиеся врачи.

Капитан лейб-гвардии Кроули прискакал из Найтсбриджских казарм на следующий день; его вороной скакун рыл копытами солому перед дверью его больной тёти. Он с особой нежностью расспрашивал о здоровье этой до ужаса разлюбезной родственницы. Казалось, что было довольно много причин для опасений. Он застал горничную мисс Кроули (женщину с всегда недовольной и даже несколько перекошенной физиономией) необычно угрюмой и подавленной; мисс Бриггс, её компаньонкв, в одиночестве сидела в гостиной, вытирая слёзы. Она поспешила домой, услышав о болезни своей любимой подруги. Ей хотелось броситься на свою кушетку, на ту самую кушетку, которую она, Бриггс, так часто убирала в часы болезни. Ей, однако, было отказано в доступе в квартиру мисс Кроули. Незнакомка давала ей лекарства, незнакомка из деревни, отвратительная мисс… — слова компаньонки были заглушены слезами, и она уткнулась в носовой платок, сморкаясь и скрывая свои сокрушённые чувства и свой бедный старый красный нос.

Родон Кроули передал своё имя через угрюмую камеристку, и новая компаньонка мисс Кроули, спотыкаясь, спустилась из комнаты больной, вложила свою маленькую ручку в его руку, когда он нетерпеливо шагнул ей навстречу, бросила презрительный взгляд на растерянного Бриггса и подозвала молодого гвардейца выйдя из задней гостиной, она повела его вниз, в ту ныне опустевшую столовую, где когда-то было так много хороших обедов. Здесь эти двое проговорили минут десять, обсуждая, без сомнения, симптомы застарелой болезни старого инвалида, живущего наверху; по истечении этого времени в гостиной резко зазвонил колокольчик, и в тот же миг им открыл мистер Боулз, рослый доверенный дворецкий мисс Кроули (который, действительно, оказался в тот момент в гостиной). Он, разумеется, совершенно случайно дежурил у замочной скважины на протяжении большей части беседы); и капитан, выйдя, подкручивая усы, взобрался на чёрного скакуна, копошащегося в соломе, к восхищению маленьких мальчишек-негодяев, собравшихся на улице. Он заглянул в окно столовой, управляя своей лошадью, которая красиво гарцевала, — на мгновение в окне можно было увидеть молодую особу, но затем её фигура исчезла, и, несомненно, она снова поднялась наверх, чтобы вернуться к своим трогательным обязанностям по оказанию благотворительности.

Интересно, кем бы могла быть эта молодая женщина? В тот вечер в столовой был накрыт скромный ужин на две персоны — когда миссис Фиркин, горничная леди, ворвалась в покои своей хозяйки и хлопотала там, пока не освободилось место, вызванное отъездом новой няни-этой самозванки, — и та вместе с мисс Бриггс уселись за аккуратный маленький столик для приёма пищи. Бриггс так переполняли чувства, что она едва могла проглотить хоть кусочек

мяса. Молодая особа с величайшим изяществом разделала курицу и так настойчиво потребовала яичного соуса, что бедняжка Бриггс, перед которой поставили эту восхитительную приправу, вздрогнула, громко застучала половником и снова упала навзничь в состоянии самой что ни на есть истерики.

— Не лучше ли вам угостить мисс Бриггс бокалом вина? — обратилась посетительница к мистеру Боулзу, крупному доверенному лицу и дворецкому важной дамы. Он так и сделал. Бриггс машинально схватила бокал, судорожно сглотнула, тихонько застонала и принялась играть с цыпленком на своей тарелке.

— Я думаю, мы сможем помочь друг другу, — сказал человек с большой учтивостью, — и не будем нуждаться в любезных услугах мистера Боулза. Мистер Боулз, если вы не возражаете, мы позвоним, когда вы нам понадобитесь!

Он спустился вниз, где, кстати, он обрушил самые ужасные проклятия на ни в чем не повинного лакея, своего подчиненного.

— Жаль, что вы так себя ведёте, мисс Бриггс, — сказала молодая леди с холодным, слегка саркастичным видом.

— Мой самый дорогой друг так болен, а вы не можете меня принять, — выдавил Бриггс в приступе вновь нахлынувшего горя.

— Она уже не так сильно больна. Утешьтесь, дорогая мисс Бриггс. Она просто переела, вот и всё. Ей значительно лучше. Она скоро совсем поправится. Она слаба после купания в ваннах и медицинского лечения, но она скоро поправится. Прошу, утешьте себя и выпейте еще немного вина!

— Но почему, почему она больше не хочет меня видеть? — проблеяла мисс Бриггс, — О, Матильда, Матильда, после двадцати трех лет нежности! неужели это возвращение к твоей бедной, бедной Арабелле?

— Не плачь так сильно, бедняжка Арабелла, — сказал её собеседник (с едва заметной усмешкой). — Она не хочет вас видеть только потому, что, по её словам, вы ухаживаете за ней не так хорошо, как я. Мне не доставляет удовольствия сидеть всю ночь напролёт. Я бы хотела, чтобы вы сделали это вместо меня!

— Разве я не ухаживала за этим дорогим диваном в течение многих лет? — сказала Арабелла, — а теперь…

— Теперь она предпочитает кого-то другого. Что ж, у больных людей бывают такие фантазии, и им нужно потакать. Когда она поправится, я уйду.

— Никогда, никогда! — воскликнула Арабелла, жадно вдыхая аромат из своего пузырька с солями.

— Никогда не поправитесь или никогда не уеду, мисс Бриггс? — спросила собеседница с тем же вызывающим добродушием, — Чушь!, она поправится через две недели, когда я вернусь к своим маленьким воспитанницам в Королевском Кроули и к их матери, которая больна гораздо сильнее, чем наша подруга. Вам не нужно ревновать меня, моя дорогая мисс Бриггс. Я бедная маленькая девочка, у меня нет друзей, и во мне нет ничего дурного. Я не хочу лишать вас благосклонности мисс Кроули. Она забудет меня через неделю после того, как я уеду, а её привязанность к вам это результат многих лет дружбы. Налейте мне, пожалуйста, немного вина, моя дорогая мисс Бриггс, и давайте будем друзьями. Я думаю, что без друзей мне нельзя!

Покладистая и мягкосердечная Бриггс безмолвно протянула руку в ответ на этот призыв; но при всем том она острее всего ощущала себя брошенной и горько, очень горько сетовала на непостоянство своей Матильды. Через полчаса, после окончания трапезы, мисс Ребекка Шарп (ибо, как ни странно, именно так зовут ту, кого до сих пор остроумно называли «персоной») снова поднялась наверх, в покои своей пациентки, откуда с самой подкупающей вежливостью она устранила бедняжку Фиркин.

— Спасибо, миссис Фиркин, этого вполне достаточно, вы так вкусно готовите! Я позвоню, когда что-нибудь понадобится. Спасибо! — и Фиркин спустилась вниз, охваченная приступом ревности, который был тем более опасен, что она была вынуждена прятать его в своей груди. Может быть, это из-за бури, которая, когда она проходила по лестничной площадке первого этажа, распахнула дверь гостиной? Нет, она была украдкой открыта рукой Бриггса. Бриггс был начеку. Бриггс слишком хорошо слышал скрип лестницы, с которой спускалась Фиркин, и звяканье ложки и миски с кашей, которые несла женщина, чьи услуги ценились невысоко — Ну что, Фиркин? — спросила Бриггс, когда та вошла в квартиру. — Ну что, Джейн?

— Слаба, мисс Би, — сказала Фиркин, качая головой.

— Ну что, ей не лучше?

— Она заговорила только один раз, и я спросила ее, чувствует ли она себя немного спокойнее, а она велела мне придержать свой глупый язык. О, мисс Би, я никогда не думала, что доживу до такого дня!

И снова чувства хлынули неудержимым потоком.

— Что за человек эта мисс Шарп, Фиркин? Я и подумать не могла, что, наслаждаясь рождественскими празднествами в элегантном доме моих верных друзей, преподобного Лайонела Деламера и его любезной супруги, я обнаружу, что незнакомец занял мое место в сердце моей дражайшей, по-прежнему дражайшей Матильды!»

Мисс Бриггс, как видно из её речи, была склонна к литературе и сентиментальности и однажды опубликовала по подписке сборник стихов «Трели соловья».

— Мисс Би, они все без ума от этой молодой женщины! — ответила Фиркин. — Сэр Питт ни за что не отпустил бы ее, но он не посмел ни в чем отказать мисс Кроули. Миссис Бьют в приходском доме такая же вредная, как и все, — она не спускала с нее глаз. Капитан от неё совсем без ума. Мистер Кроули ужасно ревнив. С тех пор как мисс Кроули заболела, рядом с ней нет никого, кроме мисс Шарп, я не могу сказать, как и почему; и я думаю, что-то со всеми стряслось. Ребекка провела эту ночь, неусыпно наблюдая за мисс Кроули; на следующую ночь старая леди спала так спокойно, что у Ребекки было время несколько часов отдохнуть на диване в ногах кровати своей покровительницы; очень скоро мисс Кроули стало так хорошо, что она села и от души рассмеялась на совершенную пародию мимики мисс Бриггс и её горя, которые показала ей Ребекка. Хлюпанье носом Бриггс и ее манера пользоваться носовым платком были переданы с такой полнотой, что мисс Кроули окончательно ожила стала совершенно жизнерадостной, к восхищению посещавших её докторов, которые обычно заставали эту достойную светскую женщину, когда на нее нападало малейшее недомогание, в состоянии крайней подавленности и страха смерти.

Капитан Кроули приходил каждый день и получал от мисс Ребекки сводки о здоровье своей тётушки. Ситуация улучшилась так быстро, что бедняжке Бриггс разрешили увидеться со своей покровительницей, и люди с нежным сердцем могут представить себе, как сдерживала эмоции эта сентиментальная женщина и насколько трогательной была беседа. Мисс Кроули очень скоро понравилось, что Бриггс постоянно дежурила у неё в гостях. Ребекка обычно пакродироала её ужимки с самой восхитительной серьёзностью, тем самым делая это подражание вдвойне пикантным для своей достойной покровительницы. Причины, приведшие к прискорбной болезни мисс Кроули и её отъезду из загородного дома брата, были настолько неромантичны, что их едва ли уместно объяснять в этом благородном и сентиментальном романе. Ибо как можно намекать утонченной женщине, живущей в хорошем обществе, на то, что она слишком много ела и пила и что причиной недомогания, которое, по утверждению самой мисс Кроули, было исключительно из-за сырой погоды, стал горячий ужин из омаров, которым она в изобилии насладилась в доме священника? Атака была настолько резкой, что Матильда, как выразился его преподобие, чуть было не «сорвалась с крючка»; вся семья была в лихорадочном

ожидании оглашения завещания, а Родон Кроули позаботился о том, чтобы до начала лондонского сезона у него было по меньшей мере сорок тысяч фунтов. Мистер Кроули прислал ей целую пачку превосходных брошюр, чтобы подготовить ее к переходу из «Ярмарки Тщеславия» и «Парк-Лейн» в другой мир; но вовремя вызванный добрый доктор из Саутгемптона справился с омаром, который едва не стал для неё смертельным, и придал ей достаточно сил, чтобы она смогла вернуться к нормальной жизни в Лондоне. Баронет не скрывал своего крайнего огорчения тем оборотом, который приняли дела.

В то время как все ухаживали за мисс Кроули, а посыльные из дома приходского священника ежечасно разносили новости о её здоровье любящим людям, в другой части дома находилась леди, которая была тяжело больна, но на которую никто не обращал никакого внимания, и это была сама леди Кроули. Добрый доктор, осмотрев её, покачал головой; на этот визит сэр Питт согласился, поскольку он был бесплатный; и она осталась угасать в своей одинокой комнате, и на неё обращали внимания не больше, чем на сорняк в парке. Юные леди тоже лишились большей части неоценимой пользы от наставлений своей гувернантки, мисс Шарп была такой заботливой сиделкой, что мисс Кроули не принимала лекарства ни из чьих других рук. Фиркин была смещена задолго до отъезда своей госпожи из страны. Эта верная служанка, вернувшись в Лондон, нашла мрачное утешение в том, что мисс Бриггс испытывала те же приступы ревности и подвергалась тому же вероломному обращению, которому подвергалась она сама. Капитану Родону продлили отпуск по болезни его тёти, и он послушно остался дома. Он все время находился в её приемной. (Она лежала больная в парадной спальне, в которую можно было попасть через маленький голубой салон). Отец всегда встречал его там; или, если он шёл по коридору совсем тихо, дверь в отцовскую комнату обязательно открывалась и оттуда выглядывала гиенообразная физиономия старого джентльмена.

Что заставляло одного так следить за другим? Без сомнения, это было благородное соперничество за то, кто из них должен быть более внимателен к дорогому страдальцу в парадной спальне. Ребекка обычно выходила и утешала их обоих; вернее, кото-то из них двоих. Обоим этим достойным джентльменам не терпелось узнать что-нибудь о больной от её маленького доверенного посыльного.

За обедом, к которому она спустилась на полчаса, она поддерживала мир между ними, после чего исчезала на всю ночь, когда Родон отправлялся на станцию 150—го полка в Мадбери, оставляя своего папу в обществе мистера Хоррокса и его рома с водой. Эти две недели она провела в комнате больной мисс Кроули так мрачно, как никогда не проводила ни одна смертная; но нервы у нее были, как оказалось, железные, так как она была совершенно непоколебима ни обязанностями, ни скукой в комнате больной. Только много лет спустя она рассказала, какой мучительной была эта обязанность; какой сварливой пациенткой была весёлая старая леди; какой сердитой; какой бессонной; в каких ужасах смерти угасал её разум; в течение каких долгих ночей она лежала, стеная и почти в бреду думая о том будущем мире, который она совершенно игнорировала, когда была в добром здравии. — Представь себе, о прекрасный юный читатель, мирскую, эгоистичную, лишённую изящества, неблагодарную, плюющую на бога старуху, корчащуюся от боли и страха, и к тому же без парика. Представьте её себе и, пока вы не состарились, научитесь любить и молиться! Шарп с несгибаемым терпением наблюдала за этой неприглядной постелью. Ничто не ускользало от неё, и, как благоразумная хозяйка, она всему находила применение.

В последующие дни она рассказала много интересных историй о болезни мисс Кроули — историй, которые заставляли леди краснеть под под слоем искусственного румянца. Во время болезни она никогда не выходила из себя, всегда была начеку, спала чутко, совесть её была совершенно чиста, и она могла подкрепиться почти в любую минуту. Таким образом, в её внешности почти не было следов усталости. Её лицо, возможно, было немного бледнее, чем обычно, а круги под глазами — немного темнее, чем всегда, но всякий раз, когда она выходила

из комнаты больной, она всегда улыбалась, была свежа и опрятна и выглядела в своём маленьком халатике и чепчике так же опрятно, как и в своем самом элегантном вечернем костюме. Капитан думал так же и бредил ею в грубых конвульсиях. Острая стрела любви пронзила его тупую, грубую, толстую шкуру.

Шесть недель близости, и вынужденных встреч — полностью смели его покой и сделали его жертвой инстинктов. Он стал доверенным лицом своей тёти в доме приходского священника, как и всех людей на свете. Она подбадривала его по этому поводу; она видела его безрассудство; она предостерегала его; в заключение она призналась, что судя по всему маленькая Шарп — самое умное, забавное, странное, добродушное, простое и незлобивое создание в Англии. Однако Родон не должен пренебрегать её чувствами — дорогая мисс Кроули никогда не простит ему этого; потому что она тоже была совершенно очарована маленькой гувернанткой и любила Шарп как родную дочь.

Родон должен уехать — вернуться в свой полк и в неугомонный Лондон, а не играть чувствами бедной бесхитростной девушки. Много-много раз эта добродушная леди, сочувствуя несчастному лейб-гвардейцу, давала ему возможность повидаться с мисс Шарп в доме священника и проводить её домой, как мы уже видели. Когда мужчины определённого сорта, леди, влюблены, хотя они и видят крючок и удочку, и все приспособления, с помощью которых их можно поймать, они, тем не менее, заглатывают наживку, а иной раз и голый крючок — они должны подойти к ней — они должны проглотить наживку — и вскоре оказываются на земле, задыхаясь и трепеща от муки. Родон понял, что миссис Бьют явно намеревалась увлечь его Ребеккой. Он поступил не очень мудро; но он был городским жителем и повидал несколько сезонов. Как ему показалось, речь миссис Бьют озарила его мрачную душу. «Запомни мои слова, Родон, — сказала она, — Когда-нибудь мисс Шарп станет вашей родственницей».»

— Какой родственницей — а моя кузина, миссис Бьют? Джеймс в неё влюблён, да? — осведомился шутливый офицер.

— Бери ближе! Теплее! — сказала миссис Бьют, и её черные глаза сверкнули.

— Не Питт? Ну, нет же! Она ему не достанется. Этот подлец ее недостоин! Он залип на «Леди Джейн Шипшенкс».

— Вы, мужчины, ничего не замечаете. Глупое, слепое создание — если с леди Кроули что-нибудь случится, мисс Шарп станет вашей свекровью, и так оно и будет.

Родон Кроули, эсквайр, громко присвистнул в знак удивления от такого заявления. Он не мог этого отрицать. От него не ускользнула очевидная симпатия его отца к мисс Шарп. Он хорошо знал характер старого джентльмена, а он ещё более беспринципный старик, чем… — Он не закончил фразу, и пошёл домой, подкручивая усы и убежденный, что нашёл ключ к разгадке тайны миссис Бьют.

«Ей-богу, это очень плохо, — подумал Родон, — очень плохо, ей-богу! Я действительно готов поверить, что эта женщина хочет погубить бедную девочку, чтобы она не вошла в семью как леди Кроули».

Когда он остался с Ребеккой наедине, он в свойственной ему изящной манере рассказал ей о привязанности своего отца. Она презрительно вскинула голову, посмотрела ему прямо в лицо и сказала:

— Ну, предположим, я ему нравлюсь. Я знаю, что это так, и другие тоже. Вы же не думаете, что я его боюсь, капитан Кроули? Вы же не думаете, что я не смогу защитить свою честь, — сказала маленькая женщина, выглядевшая величественно, как королева.

— О, ну почему же, я вас честно предупреждаю — берегитесь, знаете ли, — вот и всё! — сказал он растерянно, крутя усы.

— Значит, вы намекаете на что-то недостойное? — спросила она, вспыхнув.

— О, чёрт возьми, мисс Ребекка! — отшатнулся рослый драгун,

— Неужели вы думаете, что у меня нет чувства самоуважения, потому что я беден и у меня нет друзей, а у богатых его нет? Неужели вы думаете, что из-за того, что я гувернантка, у меня не так много здравого смысла, чувств и хорошего воспитания, как у вас, благородных жителей Хэмпшира? Я Монморанси. Как вы думаете, Монморанси не так хороши, как Кроули?

Когда мисс Шарп была взволнована и упоминала о своих родственниках по материнской линии, она говорила с едва заметным иностранным акцентом, который придавал большое очарование её чистому звонкому голосу.

— Нет, — продолжала она, распаляясь, обращаясь к капитану, — я могу вынести бедность, но не позор, не пренебрежение, не оскорбление, и подозрение от… от вас… — она не выдержала и разрыдалась.

— Чёрт возьми, мисс Шарп, Ребекка, клянусь Юпитером, я бы не согласился и за тысячу фунтов. Остановитесь, Ребекка!

Дома. её не было В тот день она уехала с мисс Кроули. Это было ещё до того, как мисс Кроули заболела. За обедом она была необычайно умна и оживленна, но не обращала внимания ни на намёки, ни на кивки, ни на кинжальные взгляды, ни на неуклюжие увещевания униженного, влюблённого гвардейца. Во время этой маленькой кампании постоянно происходили стычки подобного рода — утомительные для описания, но сходные по результату. Тяжелая кавалерия Кроули была взбешена поражением и каждый день обращалась в бегство. Если бы баронет из Куинз-Кроули не боялся потерять наследство своей сестры у себя на глазах, он никогда бы не допустил, чтобы его дорогие девочки лишились тех образовательных благ, которыми наделяла их бесценная гувернантка. Старый дом без неё казался пустыней, настолько полезной и приятной оказалась для него Ребекка, столь лово устроившаяся в нем.

Письма сэра Питта не переписывались и не исправлялись; его бухгалтерские книги не приводились в порядок; его домашние дела и разнообразные планы были заброшены, поскольку его маленькая секретарша была в отъезде. И было легко понять, насколько необходимо еёприсутсвие, по тону и написанию многочисленных писем, которые он посылал ей, умоляя и приказывая вернуться. Почти каждый день от баронета приходили откровенные письма, в которых он горячо возносил моления Бекки о её возвращении или передавал мисс Кроули трогательные заявления о плачевном состоянии образования его дочерей. Но чем горестнее были эти послания, тем меньше обращала на них внимания мисс Кроули. Формально мисс Бриггс не была уволена, но её место компаньонки было синекурой и предметом насмешек, а компанию ей составлял толстый спаниель в гостиной или, время от времени, недовольная Фиркин в чулане экономки. И хотя старая леди ни в коем случае не хотела слышать об отъезде Ребекки, последняя так и не заняла свой пост на Парк-Лейн.

Подобно многим богатым людям, мисс Кроули имела привычку принимать от подчиненных столько услуг, сколько могла, и добродушно прощаться с ними, когда они больше не казались ей полезными. Благодарность среди некоторых богатых людей едва ли естественна, и о ней едва ли стоит думать. Они принимают услуги нуждающихся людей как должное. И у тебя, о бедный паразит и скромный прихлебатель, нет особых причин жаловаться! Твоя дружба к Дайвам столь же искренна, как и ответная реакция, которую ты обычно получаешь. Ты любишь деньги, а не человека; и если бы Крез и его лакей поменялись местами, ты, бедный негодяй, знал бы, кому была бы выгодна твоя преданность. И я не уверен, что, несмотря на простоту и активность Ребекки, её мягкость и неутомимое добродушие, проницательная старая лондонская леди, на которую были расточаемы эти сокровища дружбы, все это время не питала тайных подозрений в отношении своей любящей няни и друга.

Мисс Кроули, должно быть, часто приходило в голову, что никто ничего не делает просто так. Если она оценивала своё отношение к миру, то, должно быть, вполне могла оценить и отношение окружающих к ней самой; и, возможно, она размышляла о том, что это обычный удел людей — не иметь друзей, если им самим ни до кого нет дела. Что ж, тем временем Бекки

была для неё величайшим утешением, она подарила ей пару новых платьев, старое ожерелье и шаль и продемонстрировала свою дружбу, обругав всех своих близких знакомых перед новой наперсницей (что не может быть более трогательным доказательством уважения), и смутно помышляла о какой — нибудь великой выгоде в будущем — возможно, выдать её замуж за аптекаря Клампа или обеспечить ей какую-нибудь выгодную жизненную конфигурацию; или, во всяком случае, отослать ее обратно в Королевский Кроули, когда она с ней покончит и начнётся полноценный лондонский сезон.

Когда мисс Кроули поправлялась и стала спускаться в гостиную, Бекки пела ей и всячески развлекала её; когда она достаточно окрепла, чтобы выезжать, Бекки постоянно сопровождала её. И среди всех поездок, которые они совершали, куда из всех мест на свете мисс Кроули, благодаря своему замечательному добродушию и дружбе, на самом деле больше всего стремилась, как не на Рассел-Сквер, в Блумсбери, в дом Джона Седли, эсквайра. Как можно себе представить, до этого события две дорогие подруги обменялись многими письмами. За месяцы пребывания Ребекки в Хэмпшире их вечная дружба (нужно ли в этом признаваться?) значительно скукожилась в размерах и от старости стала такой дряхлой и немощной, что это грозило полным её исчезновением. Дело в том, что у обеих девушек были свои собственные заботы: Ребекка пеклась о продвижении по службе у своих работодателей, а Амелия — о своему собственному всепоглощающему увлечению. Когда две девушки встретились и бросились друг другу в объятия с той порывистостью, которая отличает поведение молодых леди по отношению друг к другу, Ребекка исполнила свою роль в объятиях с самой совершенной живостью и энергией. Бедная маленькая Амелия покраснела, целуя свою подругу, и подумала, что та была виновна в чем-то очень похожем на холодность по отношению к ней.

Их первая беседа была очень короткой. Амелия как раз собиралась выйти на прогулку. Мисс Кроули ждала внизу в своей карете, а её семья с удивлением осматривая местности, в которой они очутились, и глазели на честного Самбо, чернокожего лакея из Блумсбери, как на одного из потешных туземцев-аборигенов этой области. Но когда Амелия спустилась вниз со своим добрым улыбчивым видом (Ребекка должна была представить её своей подруге, мисс Кроули очень хотела ее увидеть и была слишком больна, чтобы выходить из кареты) — когда, говорю я, Амелия спустилась вниз, аристократия Парк-Лейн все больше и больше удивлялась, что в Блумсбери могло появиться такое чудо, и мисс Кроули была совершенно очарована милым раскрасневшимся личиком молодой леди, которая так робко и грациозно подошла, чтобы засвидетельствовать своё почтение покровительнице своей подруги.

— Какой цвет лица, моя дорогая! Какой приятный голос! — сказала мисс Кроули, когда они ехали на запад после этой небольшой беседы, — Моя дорогая мисс Шарп, ваша юная подруга очаровательна! Пошлите за ней на Парк-Лейн, слышите?

У мисс Кроули был хороший вкус. Ей нравились естественные манеры, а некоторая робость только подчеркивала их. Ей нравились красивые лица рядом с ней, так же как ей нравились красивые картины и хороший фарфор. В тот день она несколько раз с восторгом говорила об Амелии. Она упомянула о ней Родону Кроули, который послушно подошёл отведать курицы, приготовленной его тётей. Разумеется, на это Ребекка тут же заявила, что Амелия помолвлена с лейтенантом Осборном, её старым другом.

— Он служит в линейном полку? — спросил капитан Кроули, с трудом припоминая, как положено гвардейцу, номер полка, — Не в N -ском случаем?

Ребекка подумала, и вспомнила, что это и есть тот самый полк.

— Капитана, кажется, звали… — сказала она, — капитан Доббин!

— А-а… Долговязый, тот нескладный малый, — сказал Кроули, — на всех натыкается. Я его знаю; а Осборн — симпатичный малый с большими чёрными бакенбардами?

— Агромадными! — со смехом сказала мисс Ребекка Шарп, — И он очень гордится ими, уверяю вас!

Капитан Родон Кроули в ответ разразился громогласным смехом и, когда дамы потребовали объяснений, как только взрыв веселья утих, сделал подобающие пояснения.

— Он воображает, что умеет играть на бильярде! — сказал он, — Я выиграл у него две сотни в «Какаовом Древе». Молодой человек — игрок так себе! В тот день он был готов играть до конца и спутить всё, включая лампасы на шитанах, готов на что угодно, но его друг капитан Доббин увел его, чёрт бы его побрал!

— Родон, Родон, не будь таким злым! — заметила мисс Кроули, очень довольная, — Тебе это не очень идёт!

— Да что вы, мэм, из всех зелёных молокососов, каких я видел и знал вне службы, этот парень, по-моему, самый желтоклювый хлюпик. Тарквиний и Дьюсейс тянут от него деньгу, какую хотят. Он пошел бы на все, лишь бы его увидели с каким-нибудь лордом. Он оплачивает их обеды в Гринвиче, и они в благодарность затаскивают туда целые компании прихлебателей.

— И, смею заметить, очень приятные компании!

— Совершенно верно, мисс Шарп. Как всегда, верно, мисс Шарп. Необыкновенно приятная компания — ого, ого! — и капитан смеялся всё громче и громче, смакуя, сколь удачно он пошутил на сей раз.

— Родон, не будь таким заводным! — воскликнула его тётя.

— Ну, его отец — городской пижон, по слухам, деляга из первых и, говорят, невероятно богатый. Не мешало бы их повесить всех этих городских плутов, и почистить их карманы от золотишка и банкнот! Я еще не закончил счёты с ним, с этим Осборном хочу вам заметить. Ха, ха!

— Фи, капитан Кроули, я предупрежу Амелию. Муж — азартный игрок! Фи!

— Ужасный человек, не правда ли, а? — проронил капитан с большой торжественностью, а затем добавил, словно его осенила внезапная блестящая мысль:

— Черт возьми, мэм, а может, пригласить его к нам в гости?

— Он представительный мужчина? — спросила тетя, Его можно принять в светском обществе?

— Можно-можно! И очень презентабельно? — о, очень хорошо. Вы бы не заметили никакой разницы со всеми остальными! — ответил капитан Кроули, — Давайте пригласим его, когда вы возобновите свои приёмы… И его, как её там, любовниц… — а, мисс Шарп, вот как вы это называете, — пусть придёт. Чёрт возьми, я напишу ему записку и приглашу его; и попробую, умеет ли он играть в пикет так же хорошо, как в бильярд. Где он живёт, мисс Шарп?

Мисс Шарп сообщила Кроули городской адрес лейтенанта, и через несколько дней после этого разговора лейтенант Осборн получил письмо, написанное школьными каракулями капитана Родона, с вложенным в него приглашением от мисс Кроули. Ребекка также отправила приглашение своей дорогой Амелии, которая, можете не сомневаться, с готовностью приняла его, когда узнала, что Джордж будет на приёме. Было решено, что Амелия проведёт утро у дам с Парк-Лейн, где все были к ней очень добры. Ребекка относилась к ней со спокойным превосходством: из них двоих она была намного умнее, а ее подруга — такой нежной и непритязательной, что всегда уступала, когда кто-нибудь начиналхотел командовать, и поэтому выполняла приказы Ребекки с совершенной кротостью и добродушием. Любезность мисс Кроули тоже была замечательной. Она продолжала восхищаться маленькой Амелией, говорила о ней в её присутствии, как о кукле, или служанке, или картине, и восхищалась ею с самым доброжелательным изумлением, какое только возможно. Что говорить, тот пиетет, который светское общество иногда транслирует на простолюдинов, восхитителен. В жизни нет ничего приятнее, чем видеть снисходительность жителей Мэйфэра к тараканам на дне жизни.

Необычайная доброжелательность мисс Кроули порядком утомила бедную маленькую Амелию, и я не уверен, что из трех леди на Парк-Лейн она не находила честную мисс Бриггс

самой приятной. Она сочувствовала Бриггс, как и всем заброшенным и кротким людям: она не была из тех, кого принято называть женщиной с характером.

Джордж пришёл на ужин с капитаном Кроули «en garcon».

Большая семейная карета Осборнов доставила его с Рассел-Сквер на Парк-Лейн, где молодые леди, которые сами не были приглашены и отнеслись к такому пренебрежению с величайшим безразличием, тем не менее углядели имя сэра Питта Кроули в списке баронетов и узнали всё, что можно было узнать о семействе Кроули из этой книги и их родословной, а также Бинки, их родственниках и т.д., и т. п. Родон Кроули принял Джорджа Осборна с большим радушием и любезностью, похвалил его игру на бильярде, спросил, когда он готов взять реванш, поинтересовался полком Осборна и предложил ему сыграть в пикет в тот же вечер, но, увы, мисс Кроули категорически запретила какие-либо азартные игры в своём доме, так что молодой лейтенант был вынужден отказаться. Его галантный покровитель, таким принудительно гуманным образом, не облегчил его кошелька, по крайней мере, в тот день.

Однако они договорились встретиться где-нибудь на следующий день: посмотреть на лошадь, которую Кроули должен был продать, и испытать её в парке; и пообедать вместе, и провести вечер в компании весёлых приятелей. — Конечно, если вы не на службе у этой хорошенькой мисс Седли, — сказал Кроули, многозначительно подмигнув, — Чудовищно милая девушка, клянусь честью, Осборн! — любезно добавил он, — Куча бабла, я полагаю, а?»

Осборна не было на службе; он с удовольствием присоединился бы к Кроули, и последний, когда они встретились на следующий день, похвалил своего нового друга за умение ездить верхом — ы чём ему не нужно было кривить душой — и представил его трем или четырем молодым людям высшего круга, знакомство с которыми чрезвычайно вдохновило простодушного молодого офицера.

— Кстати, как поживает маленькая мисс Шарп? — с щегольским видом спросил Осборн своего друга за бокалом вина, — Какая добродушная малышка! Она тебе нравится? Она пришлась ко двору в королевском Кроули? В прошлом году она очень понравилась мисс Седли.

Капитан Кроули свирепо посмотрел на лейтенанта своими маленькими голубыми глазками и продолжил наблюдать за ним, когда тот поднялся наверх, чтобы возобновить знакомство с хорошенькой гувернанткой. Её поведение, должно быть, успокоило Кроули, если бы в груди этого лейб-гвардейца зародилась хоть капля ревности.

Когда молодые люди поднялись наверх, и Осборн был представлен мисс Кроули, он подошёл к Ребекке с покровительственной, непринужденной развязностью. Он собирался быть добрым к ней и защищать её. Он даже поздоровался с ней за руку, как с подругой Амелии, и сказал:

— А, мисс Шарп! Как поживаете? — сказал он, протягивая ей левую руку, и ожидая, что она будет совершенно сбита с толку такой честью. Мисс Шарп вытянула указательный палец правой руки и слегка кивнула ему, да так хладнокровно и убийственно, что Родон Кроули, наблюдавший за происходящим из другой комнаты, едва сдержал смех, увидев полное замешательство лейтенанта: как он вздрогнул, как запнулся и с какой совершенной неуклюжестью наконец снизошёл до того, чтобы пожать протянутый для лобызаний пальчик.

— Ей-богу, она обмишулит и самого дьявола! — в восторге воскликнул капитан, а лейтенант, чтобы завязать разговор, любезно спросил Ребекку, как ей нравится на новом месте.

— Новое место? — холодно переспросила мисс Шарп, — Как любезно с вашей стороны напомнить мне об этом! Это довольно хорошее место: платят довольно прилично — не так хорошо, как у мисс Вирт и ваших сестер на Рассел-Сквер, но… Кстати. как поживают эти юные леди? Хотя это и не моё дело…

— Почему бы и нет? — изумился мистер Осборн.

— Да ведь они ни разу не снизошли до того, чтобы заговорить со мной или пригласить к себе в дом, пока я гостила у Амелии, но мы, бедные гувернантки, знаете ли, привыкли к подобному пренебрежению!

— Моя дорогая мисс Шарп! Что с вами? — воскликнул Осборн.

— По крайней мере, в некоторых семьях… — продолжила Ребекка, — Вы и представить себе не можете, какая тут разница. Мы в Хэмпшире не такие богатые, как вы, счастливчики из Сити. Но я из семьи джентльмена — старого доброго английского аристократа. Полагаю, вы знаете, что отец сэра Питта отказался от титула пэра. И вы видите, как со мной обращаются. Мне здесь вполне комфортно. На самом деле, это довольно хорошее местечко. Но как мило с вашей стороны поинтересоваться!

Осборн был совершенно взбешен. Маленькая гувернантка относилась к нему покровительственно и приставала с расспросами, пока юный британский лев не почувствовал себя совсем неуютно; он также не мог собраться с духом и найти предлог, чтобы вырваться из этой восхитительной беседы.

— Я думал, вам очень нравятся семействаиз Сити! — надменно произнес он.

— Вы имеете в виду, в прошлом году, когда я только что вырвалась из этой ужасной вульгарной школе? Конечно, я так и сделала. Разве есть девочки, которые не любят приезжать домой на каникулы? И откуда мне было знать, что это не так? Но, мистер Осборн, как много значит опыт, приобретённый за последние полтора года! Восемнадцать месяцев, проведенных, простите, что я так говорю, среди джентльменов. Что касается дорогой Амелии, то, не спорю, она настоящая жемчужина и была бы очаровательна где угодно. Ну вот, я вижу, вы начинаете приходить в хорошее расположение духа! Ох, уж эти странные чудаки из Сити! А мистер Джос — как поживает этот замечательный мистер Джозеф?

— Мне кажется, в прошлом году вы не испытывали неприязни к этому замечательному мистеру Джозефу, — добродушно заметил Осборн.

— Как сурово с вашей стороны! Что ж, между прочим, я не разбивала из-за него своего сердца, но если бы он попросил меня сделать то, на что вы намекаете своими подмигиваньями (а они очень выразительны и красноречивы), я бы не отказалась… Дауж! Мистер Осборн бросил на меня взгляд, как бы говорящий: «В самом деле, как это любезно с вашей стороны! Это высокая честь иметь вас в качестве шурина, как вы думаете? Быть невесткой Джорджа Осборна, эсквайра, сына Джона Осборна, эсквайра, сына… кем был ваш дедушка, мистер Осборн? Ну, не сердись. Ты ничего не можете поделать со своей родословной, и я совершенно согласна с вами в том, что могла бы выйти замуж за мистера Джо Седли, потому что разве могла бедная девушка без гроша в кармане найти кого-то лучше? Теперь вы знаете все мои секреты. Я откровенна с вами и открыта, учитывая все обстоятельства, с вашей стороны, было очень любезно упомянуть об этом обстоятельстве — очень любезно и вежливо. Амелия, дорогая, мы с мистером Осборном говорили о вашем бедном брате Джозефе. Как он?

Таким образом, Джордж был совершенно разбит. Не то чтобы Ребекка была права, но ей очень удачно удалось выставить его напоказ. И он с позором убежал, чувствуя, что, если задержится ещё на минуту, то будет выглядеть в присутствии Амелии абсолютным глупцом. Хотя Ребекка взяла над ним верх, Джордж был выше подлости сплетничать или мстить даме, но на следующий день он не удержался и хитроумно поделился с капитаном Кроули некоторыми своими соображениями о мисс Ребекке — что она сообразительная, опасная, отчаянная кокетка и т.д.; со всеми этими мнениями Кроули со смехом соглашалась и с каждым из них мисс Ребекка была ознакомлена, не прошло и двадцати четырёх часов. Они усилили её первоначальное уважение к мистеру Осборну. Женское чутье подсказывало ей, что именно Джордж помешал успеху её первого любовного романа, и она относилась к нему соответственно.

— Я просто предупреждаю вас, — сказал Джордж Родону Кроули многозначительно (он купил лошадь у Родона и после обеда проиграл ему несколько десятков гиней), — я просто предупреждаю вас — я знаю женщин и советую вам быть начеку.

— Спасибо, мой мальчик, — сказал Кроули с выражением особой благодарности на лице, — Я вижу, ты парень — не промал и уже совсем очухался. И пришёл в себя!

И Джордж ушёл, думая, что Кроули совершенно прав. Он рассказал Амелии о том, что сделал, и о том, как советовал Родону Кроули — чертовски хорошему, прямолинейному парню — быть настороже против этой маленькой хитрой интриганки Ребекки.

— Против кого?

Амелия заплакала.

— Вашей подруги, гувернантки. Не смотри на меня так удивлённо!

— О, Джордж, что ты наделал? — закричала Амелия. Ибо её женские глаза, которые Любовь сделала зоркими, в одно мгновение открыли тайну, которая была невидима для мисс Кроули, бедной виргинии Бриггс и, прежде всего, для глупых глаз этого молодого педанта с бакенбардами, лейтенанта Осборна. Ибо, когда Ребекка укрывала её шалью в верхней комнате, где у этих двух подруг была возможность немного поговорить по секрету и сговориться, что составляет прелесть женской жизни, Амелия, подойдя к Ребекке и взяв её маленькие ручки в свои, сказала: «Ребекка, я всё это вижу.» Ребекка поцеловала её. И больше ни одна из молодых женщин не произнесла ни слова об этой восхитительной тайне. Но вскоре ей суждено было выплыть наружу.

Спустя некоторое время после описанных выше событий, когда мисс Ребекка Шарп всё ещё оставалась в доме своей покровительницы на Парк-Лейн, на Грейт-Гонт-стрит можно было увидеть еще один герб, фигурирующий среди многих других, которые обычно украшают этот мрачный квартал. Герб был вознесён над домом сэра Питта Кроули, но не означал кончины достойного баронета. Это был женский герб, и действительно, несколько лет назад он служил траурным подарком престарелой матери сэра Питта, покойной вдовствующей леди Кроули. Срок его службы истек, хэтчмент спустился с фасада дома и жил в уединении где-то в задних помещениях особняка сэра Питта. Теперь он снова появился у бедной Розы Доусон. Сэр Питт снова овдовел. Гербы, изображенные на щите вместе с его собственными, конечно же, не принадлежали бедняжке Роуз. У неё не было своего герба. Но херувимы, нарисованные на гербе, подходили как для нее, так и для матери сэра Питта, а под гербом было написано «Resurgam», а по бокам — голубь Кроули и змея. Гербы и штрихи, «Resurgam» — какой прелестный повод для морализаторства! Мистер Кроули ухаживал за этой одинокой женщиной у её постели.

Она ушла из этого мира, укрепленная теми словами и утешением, которые он мог ей дать. В течение многих лет он был единственным человеком, проявлявшим доброту к ней, единственным, кого она когда-либо принимала всей душой; единственной дружбой, которая хоть как-то утешала эту слабую, одинокую душу. Её сердце умерло задолго до её тела. Она продала его, чтобы стать женой сэра Питта Кроули. Матери и дочери каждый день заключают одну и ту же сделку на Ярмарке Тщеславия. Когда наступила кончина, её муж пребывал в Лондоне, занимаясь какими-то из своих бесчисленных проектов и общаясь со своими бесчисленными адвокатами. Тем не менее он находил время часто наведываться на Парк-Лейн и посылать Ребекке множество записок, умоляя её, приказывая ей вернуться к своим юным воспитанницам в деревню, которые теперь были совершенно лишены общения из-за болезни матери. Но мисс Кроули и слышать не хотела о её отъезде; ибо, хотя в Лондоне не было светской дамы, которая с большей готовностью покидала бы своих друзей, как только уставала от их общества, и хотя мало кто уставал от них раньше, всё же, пока длилась эта помолвка, её привязанность была огромной, и она по-прежнему с величайшей энергией цеплялась за Ребекку. Известие о смерти леди Кроули вызвало не больше скорби или комментариев, чем можно было ожидать в семейном кругу мисс Кроули.

— Полагаю, мне придется перенести вечеринку на 3-е число, — сказала мисс Кроули и, помолчав, добавила, — Надеюсь, у моего брата хватит порядочности не жениться снова.

— Вот уж разъярится Питт, если он это сделает, — заметил Родон со свойственным ему уважением к старшему брату.

Ребекка ничего не сказала. Она казалась самой серьёзной и опеечаленной и убитой из всей семьи. В тот день она вышла из комнаты перед отъездом Родона; но они случайно встретились внизу, когда он уходил после отпуска, и провели вместе переговоры. На следующий день, когда Ребекка смотрела в окно, она напугала мисс Кроули, которая безмятежно читала французский роман, встревоженным возгласом: «Вот и сэр Питт, мэм!» — и вслед за этим известием раздался стук в дверь баронета.

— Дорогая, я не могу его видеть! Я не хочу его видеть! Скажи Боулсу, что меня нет дома, скажи, что угодно, или спустись вниз и скажи, что я слишком больна, чтобы принимать кого-либо. Мои нервы, право, не выдержат сейчас моего брата! — воскликнула мисс Кроули и возобновила чтение романа.

— Она слишком плохо себя чувствует, чтобы принять вас, сэр! — сказала Ребекка, спускаясь к сэру Питту, который готовился подняться наверх.

— Тем лучше, — ответил сэр Питт. — На самом деле я хочу видеть ВАС, мисс Бекки. Пройдёмте со мной в гостиную! — и они вместе вошли в комнату.

— Я предлагаю вам вернуться в Куинз-Кроули, мисс! — сказал баронет, пристально глядя на неё и снимая чёрные перчатки и шляпу с большой креповой лентой. У него был такой странный взгляд, и он так пристально смотрел на неё, что Ребекка Шарп чуть не задрожала.

— Я надеюсь скоро приехать, — тихо сказала она, — как только мисс Кроули станет лучше, и вернуться к… к дорогим детям.

— Ты говорила это все эти три месяца, Бекки, — ответил сэр Питт, — и всё равно цепляешься за мою сестру, которая выбросит тебя, как старый башмак, когда ты ей надоешь. Я говорю тебе, что хочу тебя. Я возвращаюсь в университет. Ты вернёшься? Да или нет?

— Я не решаюсь, я не думаю, что было бы правильно оставаться наедине с вами, сэр! — сказала Бекки, по — видимому, в сильном волнении.

— Повторяю, я хочу тебя! — сказал сэр Питт, ударив кулаком по столу. — Я не могу жить без тебя. Я не понимал, в чём дело, пока ты не уехала. В доме все идёт наперекосяк. Это уже не то место. Все мои счета снова перепутались. Ты ДОЛЖНА вернуться. Возвращайся. Дорогая Бекки, приезжай.

— Приезжай? В каком виде, сэр? — выдохнула Ребекка.

— Если хочешь, приходи в образе леди Кроули, — сказал баронет, берясь за свою креповую шляпу. — Вот! Это тебя успокоит? Возвращайся и стань моей женой. Твоя жизнь важнее. Будь проклято рождение. Ты самая порядочная леди, какую я когда-либо видел. В вашем маленьком черепе больше мозгов, чем в жене любого баронета в округе. Вы пойдете? Да или нет?

— О, сэр Питт! — сказала растроганная Ребекка.

— Скажи «да», Бекки! — продолжил сэр Питт. — Я старый человек, но хороший. Мне хватит ещё на двадцать лет. Я сделаю тебя счастливой, ты увидишь, что я не вру! Делай, что тебе угодно, трать, как тебе нравится, и распоряжайся всем по-своему. Я устрою для тебя настоящий праздник. Я сделаю всё по правилам. Смотри, смотри, я..! — и старик упал на колени и уставился на неё, как сатир. Ребекка отшатнулась, изображая ужас. На протяжении всей этой истории мы ни разу не видели, чтобы она теряла присутствие духа, но сейчас это произошло, и она заплакала самыми искренними слезами, которые когда-либо лились из её глаз.

— О, сэр Питт! — воскликнула она. — О, сэр, я… я УЖЕ… замужем!

Глава XV
В которой муж Ребекки появляется на короткое время

Каждый сентиментальный читатель (а других нам и не надобно), должно быть, остался доволен сценой, которой завершился последний акт нашей маленькой драмы; ибо что может быть прекраснее, чем изображение Любви, стоящей на коленях перед Красотой?

Но когда Лев услышал это ужасное признание Красавицы о том, что она уже замужем, он вскочил со своего смиренного места на ковре, издавая восклицания, от которых бедная маленькая красавица испугалась куда больше, чем когда делала своё признание.

— Ты шутишь! — воскликнул баронет после первого взрыва ярости и удивления, — Ты издеваешься надо мной, Бекки? Кто бы пошёл за тебя замуж, если бы у тебя не было ни шиллинга в кармане?

— Замужем! Замужем!

Ребекка рыдала навзрыд, её голос прерывался от волнения, она прижимала платок к глазам и в обмороке прислонялась к каминной полке, изображая горе, способное растопить самое нечеловечески чёрствое сердце.

— О, сэр Питт, дорогой сэр Питт, не считайте меня неблагодарной за всю вашу доброту ко мне. Только благодаря вашему великодушию я раскрыла свою тайну!

— К чёрту великодушие! — взревел сэр Питт, — Так на ком же вы тогда женаты? Где это было?

— Позвольте мне вернуться с вами в деревню, сэр! Позвольте мне присматривать за вами так же преданно, как и прежде! Не разлучайте меня с дорогим Королевским Кроули!

— Этот парень бросил тебя, не так ли? — спросил баронет, начиная, как ему казалось, понимать. — Что ж, Бекки, возвращайся, если хочешь. Ты не можешь съесть свой пирог и забрать его себе. Что упало — то пропало! В любом случае, я сделал тебе выгодное предложение. Возвращайся в качестве гувернантки, и всё будет по — твоему!

Она протянула руку. Она рыдала так, что у неё разрывалось сердце; локоны упали ей на лицо и на мраморную каминную полку, куда она их предусмотрительно возложила.

— Значит, этот негодяй сбежал, да? — сэр Питт сделал отвратительную попытку утешить её, — Не обращай внимания, Бекки, я позабочусь о тебе!

— О, сэр! Для меня было бы гордостью всей жизни вернуться в Королевский Кроули и заботиться о детях и о вас, как прежде, когда вы говорили, что довольны услугами вашей маленькой Ребекки. Когда я думаю о том, что вы только что предложили мне, мое сердце наполняется благодарностью, это действительно так. Я не могу быть вашей женой, сэр; позволь мне… позволь мне быть твоей дочерью.

Сказав это, Ребекка с самым трагическим видом опустилась на колени и, взяв чёрную руку сэра Питта в свои ладони (которые были очень красивыми, белыми и мягкими, словно атлас), посмотрела ему в лицо с выражением изысканного пафоса и уверенности, когда… когда дверь открылась, и в комнату вплыла мисс Кроули. Миссис Фиркин и мисс Бриггс, которые случайно оказались у дверей гостиной вскоре после того, как баронет и Ребекка вошли в квартиру, также случайно увидели в замочную скважину, как пожилой джентльмен распростерся ниц перед гувернанткой, и услышали, какое великодушное предложение он ей сделал. Не успели эти слова сорваться с его губ, как миссис Фиркин и мисс Бриггс взбежали по лестнице, ворвались в гостиную, где мисс Кроули читала французский роман, и сообщили пожилой леди поразительную новость: сэр Питт на коленях делает предложение мисс Шарп. И если вы рассчитаете время, за которое должен был произойти вышеупомянутый диалог, — время, за которое Бриггс и Фиркин влетели в гостиную, время, за которое мисс Кроули была поражена и уронила свой томик Пиго ле Брюна, — и время, за которое она спустилась вниз, — вы увидите,

как совершенно точна эта история и то, как мисс Кроули, должно быть, выглядела в тот самый момент, когда Ребекка приняла очередную смиренную позу.

— Это леди стоит на земле, а не джентльмен, — сказала мисс Кроули с выражением крайнего презрения во взгляде и в голосе, — Мне сказали, что ВЫ стояли на коленях, сэр Питт. Встаньте на колени еще раз и дайте мне увидеть эту прелестную пару!

— Я поблагодарила сэра Питта Кроули, мэм, — сказала Ребекка, вставая, — и сказала ему, что… что я никогда не смогу стать леди Кроули!

— Отказала ему! — воскликнула мисс Кроули, ещё более сбитая с толку, чем когда-либо. Бриггс и Фиркин, стоявшие в дверях, удивленно распахнули глаза и разинули рты.

— Да, отказалась! — продолжила Ребекка печальным, полным страдания голосом.

— И могу ли я поверить своим ушам, что вы действительно сделали ей предложение, сэр Питт? — спросила пожилая леди.

— Да, — сказал баронет, — я сделал.

— И она отказала вам, как она говорит?

— Да! — сказал сэр Питт, расплываясь в широкой улыбке.

— Во всяком случае, это, кажется, не разбило вам сердце! — заметила мисс Кроули.

— Нисколько! — ответил сэр Питт с таким хладнокровием и добродушием, что мисс Кроули чуть не сошла с ума от изумления. То, что пожилой джентльмен с высоким положением упал на колени перед гувернанткой без гроша в кармане и разразился смехом, потому что она отказалась выйти за него замуж, то, что гувернантка без гроша в кармане отказала баронету с четырьмя тысячами годового дохода, — всё это было загадкой, которую мозг мисс Кроули никогда не смог бы переварить. Это превзошло все сложности интриг в её любимом «Пиго ле Брюн».

— Я рада, что ты считаешь это интересным занятием, брат! — продолжала она, отчаянно пытаясь справиться с изумлением.

— Замечательно! — сказал сэр Питт, — Кто бы мог подумать! Какой хитрый маленький дьявол! Что это за лисенок! — пробормотал он себе под нос, посмеиваясь от удовольствия.

— Кто бы мог подумать? — воскликнула мисс Кроули, топая ногой, — Скажите на милость, мисс Шарп, вы случаем не ждёте развода принца-регента? Вы считаете нашу семью недостаточно приличной для вас?

— Когда вы вошли, мэм, — сказала Ребекка, — моё поведение не выглядело так, будто я пренебрегаю такой честью, которую этот добрый, благородный человек соблаговолил мне оказать. Вы думаете, у меня нет сердца? Неужели вы все любили меня и были так добры к бедной сиротке, брошенной на произвол судьбы, а я ничего не должна чувствовать в ответ? О мои друзья! О мои благодетели! Разве моя любовь, моя жизнь, мой долг не могут отплатить за доверие, которое вы мне оказали? Вы отказываете мне даже в благодарности, мисс Кроули? Это уже слишком — моё сердце переполнено! — и она так трогательно опустилась на стул, что большинство присутствующих зрителей совершенно растаяли от её грусти.

— Выйдешь ты за меня замуж или нет, но ты хорошая девочка, Бекки, и я твой друг, имей в виду,! — сказал сэр Питт и, надев свою шляпу с креповой каймой, ушёл, к большому облегчению Ребекки, поскольку было очевидно, что мисс Питт не раскрыла своей тайны. Кроули, и у неё было преимущество в виде короткой отсрочки. Приложив к глазам носовой платок и кивком отослав честного Бриггса, который непременно последовал бы за ней наверх, она поднялась в свою квартиру; Бриггс и мисс Кроули, пребывая в состоянии крайнего возбуждения, остались обсуждать странное происшествие, а Фиркин, не менее взволнованная, нырнула в кухню, и говорил об этом со всей тамошней мужской и женской компанией. На миссис Фиркин эта новость произвела такое впечатление, что она сочла нужным написать с вечерней почтой: «выражаю свой скромный долг перед миссис Бьют Кроули и его семью в доме приходского

священника,.. и сэр Питт был приглашён мисс Шарп в мужья, но она, ко всеобщему удивлению, отказала ему.

Две дамы в столовой (где достойная мисс Бриггс была счастлива, что её снова допустили к конфиденциальной беседе со своей покровительницей) от души удивились предложению сэра Питта и отказу Ребекки; Бриггс весьма проницательно предположила, что, должно быть, возникло какое-то препятствие в виде предыдущей привязанности, иначе ни одна молодая женщина в здравом уме никогда бы не отказалась от столь выгодного предложения.

— Вы бы и сами согласились на это, не так ли, Бриггс? — ласково спросила её мисс Кроули.

— Разве это не большая честь — быть сестрой мисс Кроули? — ответила Бриггс с робкой уклончивостью.

— Что ж, в конце концов, из Бекки получилась бы хорошая леди Кроули! — заметила мисс Кроули (которая расстрогалась отказом девушки и стала очень великодушной теперь, когда не было необходимости в её жертвах), — Мозгов у неё предостаточно (в её мизинце гораздо больше сообразительности, чем у тебя, моя бедная, дорогая Бриггс, во всей твоей голове. У неё превосходные манеры, особенно после моей шлифовки. Она из рода Монморанси, Бриггс, а кровь — это нечто, хотя я, со своей стороны, презираю её; и она бы гораздо лучше выглядела среди этих напыщенных глупцов из Хэмпшира, чем дочь несчастного торговца скобяными товарами.

Бриггс, как обычно, принялась поддакивать ей, и «предыдущая привязанность» затем обсуждалась уже в виде предположений.

— Вы, бедные создания, лишённые друзей, всегда испытываете какие-то глупые чувства! — сказала мисс Кроули. — Вы сами, знаете ли, были влюблены в учителя словесности (не плачь, Бриггс, ты всегда плачешь, и это не вернёт его к жизни), и я полагаю, что эта несчастная Бекки тоже была глупой и сентиментальной — какой — нибудь аптекарь, или дворецкий, или… художник, или молодой священник, или что-нибудь в этом роде.

— Бедняжка! Бедняжка! — твердила Бриггс (вспоминая о том, что было двадцать четыре года назад, и о том беспокойном молодом учителе чистописания, чью прядь золотистых волос и чьи письма, прекрасные в своей неразборчивости, она бережно хранила в своем старом письменном столе наверху), — Бедняжка, бедняжка! — не останавливалась Бриггс. Она снова была румяной восемнадцатилетней девушкой; она была в вечерней церкви, и они с неутомимым учителем письма, дрожа от волнения, читали один и тот же псалтырь.

— После такого поведения Ребекки, — с энтузиазмом заявила мисс Кроули, — наша семья должна что-то предпринять. Выясните, кто является объектом нападения, Бриггс. Я устрою его в магазин, или закажу свой портрет, ну, вы понимаете, или поговорю с моим кузеном, епископом, и я помогу Бекки, и мы сыграем свадьбу, Бриггс, и ты будешь готовить завтрак и станешь подружкой невесты.

Бриггс заявила, что это было бы восхитительно, и поклялась, что её дорогая мисс Кроули всегда была добра и великодушна, и поднялась в спальню Ребекки, чтобы утешить её и поболтать о предложении, об отказе и его причине, а также намекнуть на благородные намерения мисс Кроули и выяснить, как она намерена поступать, и. выяснить, кто был тот джентльмен, который завладел сердцем мисс Шарп. Ребекка была очень доброй, очень ласковой и трогательной — откликнулась на предложение Бриггс о нежности с благодарным пылом — призналась, что у них была тайная привязанность — восхитительная тайна — как жаль, что мисс Бриггс не задержалась у замочной скважины ни на полминуты дольше! Ребекка, возможно, могла бы рассказать и больше, но через пять минут после прибытия мисс Бриггс в квартиру Ребекки мисс Кроули действительно появилась там — неслыханная честь — её охватило нетерпение; она не могла дождаться медлительных действий своей посланницы, поэтому явилась лично, и приказала Бриггс выйти из комнаты.

И, выразив свое одобрение поведению Ребекки, она поинтересовалась подробностями этой беседы и предшествующими обстоятельтвами, которые привели к неожиданному предложению сэра Питта. Ребекка сказала, что давно догадывалась о пристрастии, с которым сэр Питт относился к ней (поскольку у него была привычка выражать свои чувства очень откровенно и прямо), но, не говоря уже о личных причинах, которыми она не хотела бы пока утруждать мисс Кроули, возраст сэра Питта Положение и его привычки были таковы, что делали брак совершенно невозможным; и могла ли женщина, обладающая хоть каплей самоуважения и порядочности, выслушивать предложения в такой момент, когда похороны умершей жены любовника еще не состоялись?

— Чепуха, моя дорогая, ты бы ни за что не отказала ему, если бы в этом деле не участвовал кто-то другой! — сказала мисс Кроули, сразу переходя к сути дела, — Назовите мне личные причины; каковы личные причины? Есть кто-то, кто тронул ваше сердце?

Ребекка опустила глаза и призналась, что так оно и было.

— Вы угадали, дорогая леди… — сказала она милым, простым, прерывающимся голосом, — Вас удивляет, что у такого бедного и одинокого человека, как я, есть привязанность, не так ли? Я никогда не слышала, чтобы бедность была какой-то защитой от этого. Хотела бы я, чтобы это было так.

— Мое бедное дорогое дитя, — воскликнула мисс Кроули, которая всегда была склонна к сентиментальности, — неужели наша страсть безответна? Неужели ты оставишь нас томиться этой тайной? Расскажи мне всё, и позволь мне утешить тебя!

— Я бы хотела, чтобы вы смогли утешить меня, дорогая мадам! — сказала Ребекка все тем же плачущим тоном, — Конечно, конечно, мне это нужно! — и она положила голову на плечо мисс Кроули и разрыдалась так натурально, что пожилая леди, к своему удивлению, прониклась к ней сочувствием, обняла её с почти материнской нежностью, произнесла множество успокаивающих слов, выражая свое уважение и привязанность к ней, клянясь, что любит её как родную. дочь, и сделает всё, что в её силах, чтобы услужить ей.

— И кто же это, моя дорогая? Это брат той хорошенькой мисс Седли? Ты что-то говорила о романе с ним. Я позову его, моя дорогая. И ты получишь его, непременно получишь.

— Ни о чём е спрашивайте меня сейчас! — сказала Ребекка, — Скоро вы всё узнаете. Действительно, узнаете. Дорогая, добрая мисс Кроули, дорогой друг, можно мне так вас называть?

— Да будет так, дитя моё! — ответила старая леди, целуя её.

— Я не могу сказать вам сейчас, — всхлипывала Ребекка, — я очень несчастна. Но, о! любите меня всегда, обещайте, что будете любить меня всегда!

И посреди обоюдных слез — ибо эмоции младшей женщины пробудили симпатии старшей — это обещание было торжественно дано мисс Кроули, которая покинула свою маленькую протеже, благословляя и восхищаясь ею как милым, бесхитростным, мягкосердечным, ласковым, непостижимым созданием. И теперь она осталась одна, чтобы поразмыслить о неожиданных и удивительных событиях этого дня, о том, что было и что могло бы быть. Как вы думаете, что чувствовала мисс, нет, (прошу прощения) миссис Ребекка?

Если несколькими страницами ранее автор этих строк претендовал на привилегию заглянуть в спальню мисс Амелии Седли и постичь со всеведением романиста все те нежные страдания и страсти, которые бушевали на этой невинной подушке, почему бы ему не объявить себя и наперсником Ребекки, и хранителем её тайны и поверителем совести этой молодой женщины? Что ж, во-первых, Ребекка очень искренне и трогательно сожалела о том, что такая чудесная удача должна была быть так близко к ней, и ей действительно пришлось отказаться от неё. Это естественное чувство, несомненно, разделит каждый правильно настроенный разум. Какая хорошая мать не посочувствовала бы старой деве без гроша в кармане, которая могла бы стать миледи и получать четыре тысячи фунтов в год?

Найдётся ли на всей Ярмарке Тщеславия хоть один благовоспитанный молодой человек, который не проникся бы сочувствием к трудолюбивой, изобретательной, достойной девушке, получившей такое почётное, выгодное, провокационное предложение как раз в тот момент, когда она не в силах его принять? Я уверен, что разочарование нашей подруги Бекки заслуживает всяческого сочувствия. Я помню, как однажды вечером сам был на Ярмарке, на вечеринке. Я заметил, что старая мисс Тоуди тоже присутствовала там, выделяя своим особым вниманием и лестью маленькую миссис Бриф, жену адвоката, которая, безусловно, из хорошей семьи, но, как мы все знаем, бедна настолько, насколько это вообще возможно. Что, спрашивала я себя, может быть причиной такого подобострастия со стороны мисс Тоуди: есть ли у Бриф-лесса окружной суд или у его жены осталось состояние? Мисс Тоуди всё объяснила вскоре с той простотой, которая отличает все ее поведение.

— Вы знаете, — сказала она, — миссис Бриф-Лесс — внучка сэра Джона Редхенда, который так сильно заболел в Челтенхеме, что не протянет и полугода. Отец миссис Бриф-Лесс преуспевает, так что, как видите, она будет дочерью баронета.

И Тоуди пригласил Бриф-Лесса и его жену на ужин на следующей неделе.

Если простая возможность стать дочерью баронета может обеспечить леди такое уважение в мире, то, конечно, мы должны с уважением отнестись к страданиям молодой женщины, которая потеряла возможность стать женой баронета. Кто бы мог подумать, что леди Кроули умрет так скоро?

«Она была одной из тех болезненных женщин, которые могли бы прожить эти десять лет, — подумала Ребекка про себя, — А я при раскаяния могла бы стать миледи! Я могла бы повести этого старика, куда захочу. Я могла бы поблагодарить миссис Бьют за её покровительство, а мистера Питта — за его невыносимую снисходительность. Мой городской дом был бы заново обставлен и декорирован. У меня была бы самая красивая карета в Лондоне и ложа в опере, и я была бы представлена при дворе в следующем сезоне. Все это могло бы быть, а теперь… теперь все окутано сомнениями и тайной!»

Но Ребекка была молодой леди, обладавшей слишком решительным и энергичным характером, чтобы позволять себе излишне горевать о невозвратимом прошлом; поэтому, посвятив ему лишь положенную долю сожалений, она мудро обратила всё своё внимание на будущее, которое теперь было для неё гораздо важнее. И она оценила свое положение, свои надежды, сомнения и шансы. Во — первых, она была ЗАМУЖЕМ — это был важный факт. Сэр Питт знал об этом. Её признание было не результатом эмоционального выплеска, а внезапным расчётливым озарением. Когда-нибудь это должно было случиться, и почему не сейчас, а позже? Тот, кто сам женился бы на ней, должен был, по крайней мере, молчать о её замужестве. Как мисс Кроули воспримет эту новость — вот в чём был главный вопрос. У Ребекки были дурные предчувствия, но она помнила всё, что говорила мисс Кроули: открытое презрение старой леди к её происхождению, ее смелые либеральные взгляды, её романтические наклонности; её почти безумная привязанность к племяннику и неоднократно выражаемая нежность к самой Ребекке.

«Она так любит его, — подумала Ребекка, — что простит ему все, что угодно. Она так привыкла ко мне, что, я думаю, не смогла бы чувствовать себя комфортно без меня: когда подадут эклеры, будет сцена, и истерика, и большая ссора, а затем великое примирение. В любом случае, какой смысл было тянуть? жребий был брошен, и сегодня или завтра исход должен быть таким же.

Итак, решив, что мисс Кроули должна узнать эту новость, молодая особа принялась обдумывать, как лучше всего сообщить ей об этом и следует ли ей встретить надвигающуюся бурю лицом к лицу или бежать и избегать её, пока не утихнет её первый напор и первая ярость. В этом состоянии медитации она написала следующее письмо:

«Дорогой друг!

Великий кризис, о котором мы так часто спорили, НАСТУПИЛ. Половина моего секрета известна, и я все думала и думала, пока не пришла к полной уверенности, что сейчас самое время раскрыть ТАЙНУ ЦЕЛИКОМ. Сэр Питт пришёл ко мне сегодня утром и сделал — как вы думаете? — ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Подумайте об этом! Бедная я девочка. Я могла бы быть леди Кроули! Как была бы довольна миссис Бьют и ma tante, если бы я опередила её! Я могла бы быть чьей — нибудь мамой, а не… О, я дрожу, я трепещу, когда думаю, как скоро нам придётся всё рассказать! Сэр Питт знает, что я замужем, и, не зная, за кем, пока не очень недоволен. Ma tante на самом деле СЕРДИТА из-за того, что я отказала ему. Но она сама доброта и обходительность. Она снисходительно заметила, что я была бы ему хорошей женой, и клянётся, что станет матерью вашей маленькой Ребекке. Она будет потрясена, когда впервые услышит эту новость. Но стоит ли нам бояться чего-то, кроме минутного гнева? Я думаю, что нет, я УВЕРЕНА, что нет. Она так в тебе души не чает (о, ты — непослушный, никчемный мужчина), что простит тебе ВСЕ, что угодно. И, действительно, я верю, что второе место в её сердце принадлежит мне. И что она была бы несчастна без меня. Дорогой! Что-то ПОДСКАЗЫВАЕТ МНЕ, что мы победим. Ты покинешь этот ненавистный полк, бросишь азартные игры, скачки и БУДЕШЬ ПАЙ- МАЛЬЧИКОМ; и мы все будем жить на Парк-Лейн, а мама тетя оставит нам все свои деньги. Я попробую прогуляться завтра в 3 часа на обычном месте. Если мисс Би будет сопровождать меня, ты должен прийти на обед, принести ответ и поместить его в третий том проповедей Портеуса. Но, в любом случае, приходи к своей собственной

Мисс Элизе Стайлс, К мистеру Барнету, Седельщику, Найтсбридж».

И я надеюсь, что нет такого читателя этой маленькой истории, который не обладал бы достаточной проницательностью, чтобы не заметить, что мисс Элиза Стайлс (старая школьная подруга, по словам Ребекки, с которой она в последнее время возобновила активную переписку и которая обычно забирала эти письма у шорника) носила медные шпоры и была с большими вьющимися усами, и действительно, это был не кто иной, как капитан Родон Кроули.

Глава XVI
Буква на подушечке для булавок

То, как они поженились, ни для кого не имеет ни малейшего значения. Что может помешать капитану, который является майором, и юной леди, достигшей совершеннолетия, приобрести лицензию и объединиться в любой церкви этого города? Кому нужно говорить, что если у женщины есть воля, она обязательно найдёт выход? — Я полагаю, что однажды, когда мисс Шарп отправилась провести вторую половину дня со своей дорогой подругой мисс Амелией Седли на Рассел-Сквер, леди, очень похожую на неё, можно было увидеть входящей в церковь в Сити в компании джентльмена с крашеными усами, который, пройдя четверть часа после часового перерыва, проводил её обратно к ожидавшей его наемной карете и сказал, что это тихая свадебная вечеринка. И кто, скажите на милость, после нашего повседневного опыта может усомниться в вероятности женитьбы джентльмена на ком бы то ни было?

Многие ли из мудрых и образованных людей женились на своих кухарках? Разве сам лорд Элдон, самый благоразумный из людей, не женился на беглянке? Разве Ахилл и Аякс не были влюблены в своих служанок? И стоит ли ожидать, что суровый драгун с сильными желаниями и недалёкими мозгами, который никогда в жизни не привык сдерживать своих страстей, вдруг станет благоразумным и откажется платить какую бы то ни было цену за потворство своим желаниям? Если бы люди только заключали разумные браки, как бы сократилось население! Мне, со своей стороны, кажется, что женитьба мистера Родона была одним из самых честных поступков, которые нам придется отразить в любой части биографии этого джентльмена, имеющей отношение к современной истории. Никто не скажет, что это не по-мужски — быть очарованным женщиной или, будучи очарованным, жениться на ней; и восхищение, восторг, страсть, изумление, безграничная уверенность и неистовое обожание, с которыми постепенно этот большой воин стал относиться к маленькой Ребекке, были чувства, о которых, по крайней мере, заявят дамы, не были для него полностью дискредитирующими. Когда она пела, каждая нота отдавалась трепетом в его унылой душе и пробегала по всему его огромному телу. Когда она говорила, он напрягал все свои мозги, чтобы слушать и удивляться. Если она была весела, он прокручивал в уме её шутки и через полчаса взрывался от них на улице, к удивлению грума, сидевшего рядом с ним в «тилбюри», или приятеля, ехавшего с ним верхом по Роттен-Роу. Её слова были для него оракулами, малейшие её действия казались ему отмеченными безошибочным изяществом и мудростью.

«Как она поёт, как рисует! — думал он, — Как она скакала на той взбрыкивающей кобыле в королевском Кроули!»

И он, бывало, говорил ей по секрету:

«Ей-богу, Бек, ты годишься на роль главнокомандующего или архиепископа Кентерберийского, ей-богу».

Вы думаете его случай — редкий случай? А разве мы не видим каждый день в мире множество честных Гераклов у передника Омфалы и огромных усатых Самсонов, распростертых на коленях у Далилы?

Когда Бекки сказала ему, что великий кризис близок и настало время действовать, Родон выразил такую же готовность действовать по её приказу, как если бы он пошёл в атаку со своим отрядом под командованием своего полковника. Ему не было нужды помещать свое письмо в третий том «Портеуса». Ребекка легко нашла способ избавиться от Бриггс, своей компаньонки, и на следующий день встретилась со своим верным другом в «обычном месте». Она обдумала всё ночью и сообщила Родону о результатах своего решения. Он, конечно, со всем согласился; был совершенно уверен, что всё в порядке и что то, что она предложила, было наилучшим; что мисс Кроули непременно смягчится или «одумается», как он выразился, через некоторое

время. Если бы решения Ребекки были совершенно иными, он последовал бы им так же беспрекословно.

— У тебя ума хватит на нас обоих, Бек, — сказал он, — Ты, несомненно, вытащишь нас из передряги. Я никогда не видел равной тебе, хотя мне тоже приходилось сталкиваться с некоторыми ловкачами в свое время. И вместе этим простым признанием в любви влюбленный драгун оставил ее, чтобы выполнить свою часть проекта, который она разработала для этой четы. Оно состояло всего лишь в том, чтобы нанять тихое жилье в Бромптоне или по соседству с казармами для капитана и миссис Кроули. Ребекка решила бежать, и, как нам кажется, поступила очень благоразумно. Родон был только рад её решимости; он уже несколько недель умолял её осуществить эту меру в любое время. Он бросился снимать квартиру со всей пылкостью влюблённого. Он с такой готовностью согласился платить две гинеи в неделю, что хозяйка пожалела, что запросила с него так мало. Он заказал пианино, половину детской комнаты, полную цветов, и ещё кучу разных приятных вещей. Что касается шалей, лайковых перчаток, шёлковых чулок, золотых французских часов, браслетов и парфюмерии, то все это он присылал с чувством слепой любви и безграничного доверия. И, успокоив себя этим проявлением щедрости, он отправился поужинать в клуб, нервничая в ожидании, когда наступит великий момент в его жизни. События предыдущего дня, достойное восхищения поведение Ребекки, отказавшейся от столь выгодного для неё предложения, тайное несчастье, терзавшее её, кротость и молчание, с которыми она переносила своё горе, сделали мисс Кроули гораздо более нежной, чем обычно. Событие такого рода — свадьба, отказ или предложение — приводит в трепет множество женщин в доме и приводит в действие все их истерические чувства.

Как знаток человеческой натуры, я регулярно посещаю церковь Святого Георгия на Ганновер-сквер во время сезона благородных бракосочетаний; и хотя я никогда не видел, чтобы друзья жениха — мужчины давали волю слезам, а церковные служители и священнослужители, совершающие обряд, были хоть как-то растроганы, всё же нередко можно увидеть женщин, которые нисколько не обеспокоены происходящим — пожилых дам, которым давно пора выйти замуж, полных женщин среднего возраста (пожилые женщины, у которых много сыновей и дочерей), не говоря уже о симпатичных юных созданиях в розовых шляпках, которые находятся на повышении и, естественно, могут проявить интерес к церемонии — я говорю, что довольно часто можно увидеть, как присутствующие женщины пищат, всхлипывают, шмыгают носом; прячут свои маленькие личики в маленькие бесполезные носовые платочки и вздыхают, старые и молодые, от волнения. Когда мой друг, светский человек Джон Пимлико, женился на очаровательной леди Белгравии Грин Паркер, всеобщее возбуждение было таким сильным, что даже маленькая старая служанка, которая пустила меня на скамью, расплакалась. И почему? Я обратился к своей собственной душе с вопросом «Что такое?» И получил мгновенный ответ — она не собиралась выходить замуж.

Одним словом, мисс Кроули и Бриггс после истории с сэром Питтом позволили себе купаться в сентиментальности, и Ребекка стала для них предметом самого нежного, трогательного интереса. В её отсутствие мисс Кроули утешалась самым сентиментальным романом из своей библиотеки. Малышка Шарп со своими тайными горестями была героиней дня. В тот вечер Ребекка пела так сладко и говорила так приторно, как никто никогда не слышал на Парк-Лейн. Она обвила руками сердце мисс Кроули. Она легко и со смехом отозвалась о предложении сэра Питта, высмеяв его как глупую фантазию старика, и её глаза наполнились слезами, а сердце Бриггса — невыразимой болью поражения, когда она сказала, что не желает ничего другого, кроме как навсегда остаться со своей дорогой благодетельницей.

— Мое дорогое маленькое создание, — сказала старая леди, — я не собираюсь позволять тебе трогаться с места в течение многих лет, так что можешь на это положиться. О том, чтобы вернуться к моему ненавистному брату после всего, что произошло, не может быть и речи. Ты останешься здесь, со мной и Бриггс. Бриггс намерена очень часто навещать своих родственни-

ков. Бриггс, ты можешь уходить, когда захочешь. Но что касается тебя, моя дорогая, ты должна остаться и позаботиться о бедной, грустной старухе.

Если бы Родон Кроули присутствовал при этом, вместо того чтобы сидеть в клубе и нервно потягивать кларет, эта парочка, возможно, упала бы на колени перед старой девой, призналась во всём и была бы прощена в мгновение ока. Но молодой паре было отказано в этом счастливом шансе, несомненно, для того, чтобы можно было написать эту историю, в которой рассказывается о множестве их удивительных приключений — приключений, которые никогда бы не произошли с ними, если бы они были окружены уютным и пресным прощением мисс Кроули.

По приказу миссис Фиркин в заведении на Парк-Лейн работала молодая женщина из Хэмпшира, в обязанности которой, помимо прочих обязанностей, входило стучать в дверь мисс Шарп с кувшином горячей воды, который Фиркин предпочла бы отдать на растерзание незваной гостье. У этой девушки, выросшей в фамильном поместье, был брат, служивший в отряде капитана Кроули, и, если бы стала известна правда, я полагаю, выяснилось бы, что она была осведомлена о некоторых договоренностях, которые имеют непосредственное отношение к этой истории. Как бы то ни было, на три гинеи, которые дала ей Ребекка, она купила жёлтую шаль, пару зелёных сапожек и светло-голубую шляпку с красным пером, а поскольку малышка Шарп была не слишком щедра на деньги, Бетти Мартин, несомненно, была подкуплена таким образом за оказанные услуги.

На второй день после того, как сэр Питт Кроули сделал предложение мисс Шарп, Солнце взошло как обычно, и в обычный час Бетти Мартин, горничная с верхнего этажа, постучала в дверь спальни гувернантки. Ответа не последовало, и она постучала снова. Тишина по-прежнему не прерывалась, и Бетти, набрав горячей воды, открыла дверь и вошла в комнату. Маленькая белая кроватка «Даймити» была такой же гладкой и аккуратной, как и накануне, когда Бетти собственноручно помогала её стелить. В одном конце комнаты стояли два маленьких сундучка, перевязанных шнурками, а на столе перед окном, на подушечке для булавок — большой толстой подушечке для булавок, подбитой изнутри розовой подкладкой и отделанной саржей, как дамский ночной чепец, — лежало письмо. Оно пролежало там, вероятно, всю ночь. Бетти подошла к письму на цыпочках, словно боясь его разбудить, посмотрела на него, оглядела комнату с видом величайшего удивления и удовлетворения, взяла письмо и, широко улыбаясь, повертела его в руках и, наконец, отнесла его вниз, в комнату мисс Бриггс. Хотел бы я знать, как Бетти могла догадаться, что письмо адресовано мисс Бриггс? Все образование Бетти получила в воскресной школе миссис Бьют Кроули, а по-письменному она умела читать не лучше, чем испанец на иврите.

«О, мисс Бриггс, — воскликнула девушка, — о, мисс, должно быть, что-то случилось — в комнате мисс Шарп никого нет, постель не застелена, и она убежала, оставив это письмо для вас, мисс».

— ЧТО? — вскрикнула Бриггс, роняя гребень, и редкие пряди выцветших волос упали ей на плечи, — Тайный побег! Мисс Шарп — беглянка? Что, что это такое? — и она нетерпеливо сломала аккуратную печать и, как говорится, «проглотила» содержимое адресованного ей письма.

«Дорогая мисс Бриггс [писала беженка], самое доброе сердце в мире, какое есть у вас, пожалеет и посочувствует мне и простит меня. Со слезами, молитвами и благословениями я покидаю дом, где бедную сироту когда-либо встречали с добротой и лаской. Требования, которые даже превосходят требования моей благодетельницы, призывают меня к этому. Я выполняю свой долг — служу своему МУЖУ. Да, я замужем. Мой муж ПРИКАЗЫВАЕТ мне поселиться в СКРОМНОМ ДОМЕ, который мы называем нашим. Дражайшая мисс Бриггс, сообщите эту новость моей дорогой, горячо любимой подруге и благодетельнице, как только подскажет ваше чуткое сочувствие. Скажите ей, что, прежде чем уйти, я пролила моря слёз

на её бесценную подушку — ту подушку, которую я так часто сжимала во время болезни, — что я жажду СНОВА увидеть ее — О, с какой радостью я вернусь на милую Парк-Лейн! Как я трепещу в ожидании ответа, который РЕШИТ МОЮ СУДЬБУ! Когда сэр Питт соизволил предложить мне свою руку — честь, которой, по словам моей любимой мисс Кроули, я ЗАСЛУЖИВАЮ (да пребудет с ней моё благословение за то, что она сочла бедную сиротку достойной быть ЕЁ СЕСТРОЙ!) Я сказала сэру Питту, что я уже ЖЕНА. Даже он простил меня. Но мужество покинуло меня, когда я должна была сказать ему все — что я не могу быть его женой, потому что я ЕГО ДОЧЬ! Я замужем за лучшим и великодушнейшим из мужчин — Родоном, мисс Кроули — это МОЙ Родон. По его ПРИКАЗУ я открываю рот и следую за ним в наш скромный дом, как пошла бы ПО МИР, прикажи он мне! О, мой превосходный и добрый друг, заступись перед любимой тетей за моего Родона, за него и бедную девушку, к которой весь ЕГО БЛАГОРОДНЫЙ РОД проявил такую БЕСПРИМЕРНУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ. Попросите мисс Кроули принять ЕЁ ДЕТЕЙ. Я больше ничего не могу сказать, но благословляю, благословляю всех в дорогом доме, который я покидаю, молюсь

Ваша любящая и БЛАГОДАРНАЯ Ребекка Кроули.

Полночь».

Как только Бриггс закончила читать этот трогательный и донельзя интересный документ, который восстановил её в должности первого доверенного лица мисс Кроули, в комнату вошла миссис Фиркин.

— Это миссис Бьют Кроули, которая только что прибыла с почтовой каретой из Хэмпшира и хочет чаю; не могли бы вы спуститься и приготовить завтрак, мисс?

И, к удивлению Фиркин, Бриггс, кутаясь в халат, с растрепавшимися волосами, торчащими пучками вокруг лба, Бриггс спустилась к миссис Бьют, держа в руке письмо с замечательной новостью.

— О, миссис Фиркин, — выдохнула Бетти, — займитесь этим делом. Мисс Шарп сбежала с капитаном, и они отправились в Гретни-Грин!

Мы бы могли посвятить целую главу описанию эмоций миссис Фиркин, если бы страсти её хозяев не занимали нашу более благородную музу. Когда миссис Бьют Кроули, измученная полуночным путешествием и греющаяся у только что разгоревшегося камина в гостиной, услышала от мисс Бриггс о тайном браке, она заявила, что это было просто провидение, что она приехала в такое время, чтобы помочь бедной дорогой мисс Кроули пережить потрясение, — что Ребекка была в шоке. хитрая маленькая потаскушка, в отношении которой у неё всегда были подозрения; что же касается Родона Кроули, то она никогда не могла объяснить, почему его тетка так сильно влюбилась в него, и долгое время считала его распутным, потерянным и всеми покинутым существом. И это ужасное поведение, сказала миссис Бьют, возымеет, по крайней мере, положительный эффект: оно откроет бедной дорогой мисс Кроули глаза на истинный характер этого порочного человека.

Затем миссис Бьют угостили горячими тостами и чаем; а поскольку в доме теперь была свободная комната, ей не было нужды оставаться в кофейне «Глостер», куда ее доставила портсмутская почта и откуда она приказала адъютанту мистера Боулза, лакею, проводить ее. забери ее сундуки. Мисс Кроули, да будет вам известно, не выходила из своей комнаты почти до полудня — ела утром шоколад в постели, пока Бекки Шарп читала ей «Морнинг пост», или как-то еще развлекалась или бездельничала. Заговорщики внизу договорились, что будут щадить чувства милой леди, пока она не появится в своей гостиной; тем временем ей было объявлено, что миссис Бьют Кроули приехала из Хэмпшира с почтой, остановилась в «Глостере», передаёт привет мисс Кроули и просит пригласить её позавтракать с мисс Кроули. Бриггс. Прибытие миссис Новость, которая в другое время не вызвала бы особого восторга, сейчас была воспринята с восторгом; мисс Кроули была рада возможности посплетничать со своей невесткой о покойной леди Кроули, предстоящих похоронах и внезапном предложении

сэра Питта Ребекке. Только после того, как старая леди удобно устроилась в своём обычном кресле в гостиной и между дамами состоялись предварительные объятия и расспросы, заговорщики сочли целесообразным подвергнуть её операции. Кто не восхищался хитростями и деликатными подходами, с помощью которых женщины «подготавливают» своих друзей к плохим новостям? Две подруги мисс Кроули, прежде чем поделиться с ней этой новостью, соорудили такой таинственный аппарат, что довели ее до необходимой степени сомнений и тревоги.

— И она отказала сэру Питту, моя дорогая, обожаемая мисс Кроули, приготовьтесь к этому, — сказала миссис Бьют, — потому что… потому что она ничего не могла с собой поделать!

— Конечно, была причина! — ответила мисс Кроули, — Ей нравился кто-то другой. Я вчера сказала об этом Бриггс.

— ЛЮБИТ кого-то другого! — Бриггс ахнула, — О, мой дорогой друг, она уже замужем!

— Уже замужем… — вмешалась миссис Бьют, и они оба, сцепив руки, уставились друг на друга и на свою жертву.

— Пришлите её ко мне, как только она войдёт. Маленькая хитрая негодница, как она посмела не сказать мне? — воскликнула мисс Кроули.

— Она не скоро придёт. Приготовься, дорогой друг, — она ушла надолго. — она… она совсем ушла.

— Боже милостивый, а кто будет готовить мне шоколад? Пошлите за ней и верните её; я хочу, чтобы она вернулась! — застонала пожилая леди.

— Она сбежала прошлой ночью, мэм! — воскликнула миссис Бьют.

— Она оставила для меня письмо! — воскликнула Бриггс, — Она замужем за…

— Ради бога, подготовьте её! Не мучайте её, моя дорогая мисс Бриггс!

— За кем она замужем? — в нервной ярости вспыхнула старая дева.

— За… за родственника…

— Она отказала сэру Питту! — воскликнула жертва, — Говорите немедленно! Не сводите меня с ума!

— О, мэм, подготовьте её, мисс Бриггс, она замужем за Родоном Кроули!

— Родон женился… на… Ребекке… ничтожество… ноль… никто… Убирайся из моего дома, дура, идиотка — ты, старая тупица Бриггс — как ты смеешь? Вы участвуете в заговоре — вы заставили его жениться, думая, что я оставлю ему свои деньги, вы это сделали, Марта, — истерично запричитала бедная пожилая леди.

— Я, мэм, прошу члена этой семьи жениться на дочери учителя рисования?

— Её мать была Монморанси! — воскликнула пожилая леди, изо всех сил дёргая звонок.

— Её мать была оперной певицей, и она сама выступала на сцене, а то и где похуже! — добила миссис Бьют.

Мисс Кроули издала последний крик и упала в обморок. Они были вынуждены отвести её обратно в комнату, из которой она только что вышла. Один приступ истерики сменял другой. Послали за доктором, прибыл аптекарь. Миссис Бьют заняла место сиделки у её постели.

— Ее родственники должны быть рядом с ней! — единственное, что могла сказать милая женщина. Едва её отнесли в комнату, как появился новый человек, которому тоже необходимо было сообщить эту новость. Это был сэр Питт.

— Где Бекки? — спросил он, врываясь в залу, — Где её шмотки? Она поедет со мной в Королевский Кроули!

— Разве вы не слышали потрясающую новость о её тайном браке? — спросила Бриггс.

— А мне-то какое до этого дело? — спросил сэр Питт, — Я знаю, что она замужем. Это не имеет значения. Скажи ей, чтобы она немедленно спускалась и не задерживала меня.

— Известно ли вам, сэр, — спросила мисс Бриггс, — что она покинула наш кров, к ужасу мисс Кроули, которая чуть не погибла, узнав о союзе с ней капитана Родона?

Когда сэр Питт Кроули услышал, что Ребекка вышла замуж за его сына, он разразился такими яростными, неистовыми воплями, что нет смысла повторять их в этом месте, поскольку бедняга Бриггс, не выдержав, содрогаясь, выбежала из комнаты; и вместе с ней мы закроем дверь перед лицом этой взбешенной особы. Пред нами останется старик, обезумевший от ненависти и сбитый с толку вожделением. Однажды, после того как он уехал в Куинз — Кроули, он как сумасшедший ворвался в комнату, которой она пользовалась, когда была там, ногой бил её коробки, баулы, разбросал повсюду её бумаги, одежду и другие реликвии. Мисс Хоррокс, дочь дворецкого, забрала кое-что из этого хлама. В других комнатах дети одевались сами и играли в спектакли. Прошло всего несколько дней с тех пор, как бедная мать отправилась на своё одинокое погребение, и её, неприбранную и всеми забытую, положили в склеп, полный незнакомых людей.

— А что, если старая леди не придёт в себя? — сказал Родон своей маленькой жене, когда они сидели вдвоем в уютной квартирке в Бромптоне. Она всё утро пробовала играть на новом пианино. Новые перчатки были ей очень к лицу, новые шали были ей очень к лицу, на её маленьких ручках сверкали новые кольца, а на талии тикали новые часики, — А что, если она не передумает, а, Бекки?

— Я составлю тебе состояние! — сказала она, и Далила потрепала Самсона по щеке.

— Ты можешь всё! — сказал он, целуя маленькую ручку, — Клянусь Юпитером, я вижу, ты можешь всё! Мы поедем в «Звезду и Подвязку» и пообедаем, клянусь Юпитером!

Глава XVII
Как капитан Доббин купил пианино

Если и есть на всей Ярмарке Тщеславия выставка, где сатира и сентиментальность способны идти рука об руку, где вы демонстрируете самые странные и глубокие контрасты, всё равно какие, смехотворные или вызывающие слёзы, где вы можете быть нежным и трогательным или одновременно диким и циничным, соблюдая при этом все правила приличия, то это возможно только на одном из тех общественных сборищ, объявления о проведении которых ежедневно публикуются на последней странице газеты «Таймс», которой с таким достоинством руководил покойный мистер Джордж Робинс.

Как мне кажется, в Лондоне очень мало людей, которые не посещали бы эти собрания, и все, кто склонен к морализаторству, должно быть, с чувством и интересом, не на шутку удивительными и странными, думали о том дне, когда настанет и их черед, и мистер Хаммердаун будет продавать по указке кого-то из правопреемников Диогена или по указанию душеприказчиков выставит на публичные торги библиотеку, мебель, посуду, гардероб и отборный винный погреб покойного Эпикура. Даже при самом эгоистичном расположении духа, любой посетитель Ярмарки Тщеславия, наблюдая за этой отвратительной частью похорон ушедшего друга, не может не испытывать кое-какого сочувствия и сожаления.

Останки милорда Дайвса находятся в семейном склепе: на статуях вырезана надпись, правдиво повествующая о его добродетелях и горестях его наследника, который теперь волен распоряжаться своим имуществом. Какой гость, сидящий за столом Дайвза, сможет пройти мимо знакомого дома без вздоха? — знакомого дома, в котором в семь часов утра так весело горел свет, двери которого так охотно открывались, а услужливые слуги, когда вы поднимались по удобной лестнице, окликали вас по имени от лестничной площадки к лестничной площадке, пока вы не добирались до квартиры, где старый добрый Дайвз приветствовал своих друзей!

Как много их у него было, и как благородно он их развлекал. Какими остроумцами были люди, которые, выходя за дверь, становились угрюмыми; и какими вежливыми и дружелюбными были люди, которые повсюду клеветали и всегда ненавидели друг друга! Он был полон чванства, но с таким поваром чего только не проглотишь? Возможно, он был довольно скучен, но разве такое вино не сделает приятным любой разговор?

«Мы должны во что бы то ни стало раздобыть немного его бургундского», — плачут плакальщицы в его клубе.

«Я купил эту шкатулку на распродаже у Олд Дайвза! — говорит Пинчер, передавая её по кругу, — Она принадлежала одной из любовниц Людовика XV — прелестная вещица, не правда ли? Прелестная миниатюра!», — и они рассказывают о том, как Янг Дайвз растрачивал свое состояние.

Однако, как изменился дом! Фасад заклеен афишами, в которых прописными буквами указаны особенности мебели. Из окна верхнего этажа вывесили лоскуток ковра, на грязных ступенях бездельничают полдюжины носильщиков, холл кишит грязными гостями с грязными ботинками и нечистыми намереньями, с их восточной внешностью, они суют вам в руки распечатанные карточки и предлагают сделать ставку. Пожилые женщины и дилетанты-коллекционеры вторглись в верхние покои, задергивая по пути пологи на кроватях, ковыряясь в перинах, протирая матрасы шампунем и наперебой двигая ящики платяного шкафа.

Предприимчивые молодые экономки примеряются к зеркалам и портьерам, чтобы понять, подойдут ли они новому хозяину (Сноб ещё долгие годы будет хвастаться, что купил то или иное на распродаже у Дайвза), а мистер Хаммердаун рассиживается внизу в столовой на огромных обеденных столах красного дерева и машет рукой., в которой играет молоток из слоновой кости и пускает в ход все уловки красноречия, энтузиазма, мольбы, понуканий, разума

и отчаяния; обращается к своим людям; высмеивает мистера Дэвидса за его медлительность и скаредность; вдохновляет мистера Мосса на активные действия; умоляя, приказывая, ревя, пока не опустит этот молот судьбы, и мы не перейдём к следующему лоту.

О, дивы, кто бы мог подумать, когда мы сидели за широким столом, уставленным тарелками и безупречно чистой скатертью, что во главе его мы увидим такое блюдо, как этого ревущего и плюющегося аукциониста?

Распродажа началась довольно поздно и довольно поздно заканчивалась. Великолепная мебель для гостиной, изготовленная лучшими производителями; редкие и знаменитые вина, отобранные независимо от стоимости и с учётом хорошо известного вкуса покупателя; богатый и полные наборы фамильной посуды были распроданы в предыдущие дни. Некоторые из лучших вин (которые пользовались большой популярностью среди любителей в округе) были куплены для его хозяина, который очень хорошо их знал, дворецким нашего друга Джона Осборна, эсквайра, с Рассел-Сквер. Небольшая часть самых полезных предметов из коллекции была куплена несколькими молодыми биржевыми маклерами из Сити. И вот, когда публику пригласили приобрести второстепенные безделушки, случилось так, что оратор за столом разглагольствовал о достоинствах картины, которую он хотел порекомендовать своей аудитории: это была отнюдь не такая избранная и многочисленная компания, как в предыдущие дни аукциона.

— Номер 369! — проревел мистер Хаммердаун. — Портрет джентльмена верхом на слоне. Кто предложит цену за джентльмена верхом на слоне? Блоумен! Поднимите картину повыше и позвольте компании осмотреть этот лот.

Долговязый, бледный джентльмен с военной выправкой, скромно восседавший за столом красного дерева, не смог сдержать улыбки, когда мистер Блоумэн продемонстрировал этот ценный лот.

— Передайте слона капитану, Блоумэн. Что мы скажем, сэр, о слоне?

Но капитан, покраснев очень поспешно и смущённо, отвернулся.

— Скажем, двадцать гиней за это произведение искусства? — пятнадцать, пять, назовите свою цену. Джентльмен без слона стоит пять фунтов.

— Я удивляюсь, как это слон держит на своей спине такую тушу! — воздел брови один профессиональный остряк, — Этот тип такой крупный! — на что (поскольку наездник на слоне был изображен очень крепким ездоком) в зале раздалось всеобщее хихиканье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.